

Шалва Денисович Инал-ипа

Ступени к исторической действительности (Об этнической ситуации в Абхазии XV-нач. XX вв.)

Сухум. Издательство "Алашара", 1992. 148 с.

"В работе на основе многочисленных источников затрагиваются вопросы социально-экономического и политического развития Абхазии. Обоснована научная несостоятельность версии о переселении абхазов из Северного Кавказа в позднесредневековое время, а также показаны изменения этнической ситуации, особенно с середины XIX века. Рассчитана на историков и этнографов, всех тех, кто интересуется прошлым Абхазии".

Рецензент книги - кандидат исторических наук Ю. Анчабадзе.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
I. СТИХИЯ «ГОРНОЙ СТИХИИ».....	5
II. О ЧЕМ ГОВОРЯТ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И О ЧЕМ ОНИ МОЛЧАТ?.....	29
1. Испанский Аноним. Галонифонтибус. Шильтбергер. Меховский.....	29
2. Джиованни Лукка. Дортелли Д'Асколи.....	36
3. Эвлия Челеби.....	39
4. Арканджело Ламберти.....	43
5. Жан Шарден. Иосиф Цампи. Джузеппе Миланский. Христофор Каstellи. Даппер.....	59
6. Николай Витсен. Энгельберт Кемпфер.....	69
7. Царевич Вахушти.....	69
8. Яков Рейнегтс.....	73
III. О ТОМ, ГДЕ «ЗАРЫТА СОБАКА».....	75
IV. ГОВОРЯТ СПЕЦИАЛИСТЫ.....	78
V. ОБ АБХАЗСКОМ НАСЕЛЕНИИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ КОДОР—ИНГУРИ.....	84
VI. ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АБХАЗИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.....	115
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....	137

Компьютерный набор и верстка ПКООО "Тина"

Редактор А. А. Ашхацава

Оформление Л. И. Евменова

Художественный редактор П. Г. Цквитария

Технический редактор Л. И. Евменов

Корректоры А. А. Мхитарян, Т. Ю. Алексеева

Сдано в набор 10.12.91 г. Подписано к печати 03.06.92 г.

Формат 84x108 1/32 Бумага тип. № 2

Усл. печ. л. 7.77. Усл. кр. отт. 7. 92. Уч.-изд. л. 8.09.

Заказ 3046. Тираж 1000.

Издательство "Алашара", Сухум, ул. Ленина, 9.

Производственно-полиграфическое объединение Абхазии,

Сухум, ул. Эшба, 168.

(Сканирование, вычитка - Абхазская Интернет-библиотека, <http://apsnyteka.org/>)

Предисловие

Не имеет смысла доказывать важность изучения этнической истории народа, в частности, изменений этнических территорий и этнических рубежей (1). Эти проблемы, недостаточно разработанные вообще, требуют дальнейшего пристального внимания со стороны специалистов по истории и этнографии Абхазии. Сделанного в этой области, к сожалению, все еще очень мало, хотя игнорировать его не приходится (см. ниже). Этногенез и этническая история абхазов по-прежнему остается одной из главнейших исследовательских проблем всего абхазоведения. Особенно это приходится подчеркнуть в условиях новых массированных атак некоторых грузинских авторов, пытающихся доказать недоказуемое, - о занятии абхазами занимаемой ими земли всего лишь "пару веков" тому назад в неблагоприятных целях научного обоснования своих далеко идущих националистических политических программ и лозунгов.

Написанные в связи и с учетом такой непростой ситуации, эти очерки имеют своей основной целью показать полную научную несостоятельность "теории" переселения абхазов с Северного Кавказа в XVII и даже (смешно, но факт) "лишь в начале XX века" (2), а вместе с тем представляют собой посильную лепту вообще в изучение сложных этнодемографических процессов, протекавших в течение трех последних столетий с лишним на территории современной Абхазии, главным образом ее юго-восточной части. Они основаны на новом прочтении и анализе основных исторических источников и литературы, а также многолетних полевых разысканий автора.

=====

3

=====

Работа состоит из нескольких частей: изложение взглядов некоторых представителей "теории" "горной стихии", свидетельства позднесредневековых ученых и путешественников об Абхазии и абхазах (включая вопросы этнических границ), уровень социально-экономического и культурного развития абхазов XVII - XVIII вв., проблема появления постоянного абхазского населения в междуречье Кодор - Ингури, изменение этнической ситуации в Абхазии в XIX - начале XX вв. (последняя часть была опубликована в журнале "Советская этнография", № 1, 1990).

Автор предлагаемой вниманию читателей книги далек от мысли считать, что именно его прочтение исторических источников является единственно возможным, его материалы исчерпывающими, а все его наблюдения, выводы и заключения совершенно бесспорными и неизменными. Проблема изменений разного рода в отношении этнической ситуации в Абхазии и вообще на Черноморском побережье Кавказа в течение последних трех-четырёх бурных столетий - сложная и трудная, все еще мало изученная проблема. Требуется дальнейшая скрупулезная собирательская и исследовательская работа специалистов разных областей знания. Такие совместные коллегиальные усилия способствуют установлению объективной истины, которая так редко дается сразу в руки, особенно в жару страстей и пылу полемики. Хотелось бы, однако, чтобы в этих непростых условиях настоящий скромный труд явился посильной положительной лептой в разрешении поставленных в нем важных и актуальных научных задач.

Примечания

1 См. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.

2 "Свободная Грузия", 12 ноября 1991 года.

=====

I. Стихия "горной стихии"

Представления об агрессивном "натиске" отсталых северо-кавказских горцев и вытеснении или покорении ими носителей более развитой местной, то есть западно-грузинской культуры в Абхазии, имеют свою историю. Зачинателем этой версии, если иметь в виду период нового времени, является грузинский историк XIX в. Дм. Бакрадзе (1). Впоследствии усиленно ее развивали П.Ингороква и некоторые другие грузинские ученые. На всем этом, однако, я здесь подробно останавливаться не буду, ограничусь лишь краткими обобщенными характеристиками соответствующих точек зрения, отсылая интересующихся, в частности, к одной из своих предыдущих работ (2). В данном случае меня больше занимают новые варианты "теории" "горной стихии" в грузинской историографии последнего времени, сторонники которой утверждают, что современные абхазы, называющие себя "апсуа", явля-

=====

5

=====

ются не коренными жителями своей страны, а недавними пришельцами из-за гор, "гостями" в своем родном доме и даже "оккупантами" на данной территории. Правда, почти ни один специалист по вопросам этнографии и истории Абхазии позднего средневековья не разделяет этой точки зрения. Ее придерживаются в основном только некомпетентные в области абхазоведения авторы, писания которых не заслуживают особого внимания. Тем не менее среди прозелитов указанного направления встречаются и имена отдельных ученых-историков, археологов и др., воззрения которых, если не подвергнуть их научному критическому анализу, могут ввести неосведомленного читателя в заблуждение, потому что иногда, как оказалось, приходится доказывать, что ты - не верблюд, а ложные идеи нередко бывают не только вредными, но и заразительными. Грубейшие искажения истории абхазского народа античного и средневекового времени допущены литератором П. Ингороква, выпустившим объемистую книгу "Георгий Мерчуле, грузинский писатель X века". Безмерно многословный автор посвятил 181 страницу слишком краткому сообщению (всего несколько строк!) об Абхазии, принадлежащих Г. Мерчуле, хотя эти скупые сведения Мерчуле не дают никакого основания для построения далеко идущей ингороквовской "концепции".

Основной тезис этой концепции состоит в том, что между современным абхазским народом и населением Абхазии античного и всего средневекового периода нет никакой преемственной связи, - ни этнической, ни культурно-исторической. В полном противоречии с давно установленными неопровержимыми данными науки, в том числе с работами известных грузинских ученых (академики И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, А. С. Чикобава и др.), П. Ингороква силится "доказать", что древние абхазы (абазги) по своему происхождению и языку представляют собой одно из "чисто грузинских племен", а современные абхазы - пришлый элемент, не игравший никакой роли в исторической жизни не только Грузии, но и самой Абхазии, поскольку, по утверждению Ингороква, "племя апсуа" (иначе он не называет современных абхазов) появилось в Абхазии откуда-то из-за диких гор не ранее XVII века!

В первой публикации своей книги П. Ингороква прямо пишет, что население в Абхазии переменялось только в XVII веке,

=====

6

=====

когда этот район "заняли кавказские горцы, и древние коренные насельники - грузины - выселились или смешались с поселившимися здесь кавказскими горцами" (3). При этом он утверждает, что если бы средневековые абхазы не были бы грузинами, то два разных народа - грузины и предки современных абхазов - не могли бы совместно создать единого государства и пр.

Ни историческое обоснование этой "концепции", ни тем более ингорковский "специальный экскурс" в сторону этимологического анализа географических названий в "абхазских краях" с целью установления этнического состава населения не могут выдержать научной критики.

Достаточно сказать, что автор не находит буквально ни одного абхазского названия местности в Абхазии. Для подтверждения своей тенденциозной точки зрения, в частности, по вопросу о якобы чисто грузинском этническом составе населения Абхазии (и всего черноморского побережья до Геленджика) "с самого начала" и до XVII века, он пытается анализировать старые географические названия края, причем везде и во всем видит только связь с "грузинским языковым миром". П. Ингорква пишет: "все эти названия ... принадлежат к грузинскому языковому миру... Мы не найдем ни одного названия, которое объяснялось бы языком черкесской группы (т. е., следовательно, и абхазским языком. - Ш. И.). Таким образом, географические названия дают совершенно определенные показания о том, кто были коренными оседлыми жителями краев Абхазии. Население краев Абхазии, как выясняется (!), с самого начала принадлежало к грузинской этнической группе..." (4). Читая подобное, не знаешь чему удивляться, предельной субъективности автора или его столь же предельной неосведомленности.

Не лучше обстоит у него и с толкованиями исторических источников, искусственно подгоняя сведения источников или замалчивая материалы, говорящие против его предвзятого тезиса. Вот характерный пример недобросовестного обращения П. Ингорква с источниками. Для доказательства своего положения о том, что даже в XVII веке в Абхазии все еще отсутствует абхазский язык, он ссылается на турецкого путе-

=====

7

=====

шественника Евл. Челеби, побывавшего здесь в 1641 году. Но Челеби ничего подобного не говорит. Наоборот, он сообщает весьма ценные сведения, в частности, об абхазском языке, прилагая к своей работе небольшой словарь абхазских и убыхских слов.

Вопреки субъективному, принижаящему историю абхазского народа "исследованию" П. Ингорква, хорошо известно, что "апсуа" (самоназвание абхазов) - это и есть те же "абхазы" (в прошлом абазги, апсилы и др.), которые испокон веков населяли свою родную землю - современную Абхазию, являясь ее аборигенами.

Антинаучная концепция П. Ингорква по кардинальным вопросам исторического прошлого абхазского народа, к сожалению, нашла поддержку и в лице некоторых других авторов. 9 июля 1955 года в "Заре Востока" была напечатана рецензия акад. Г. С. Ахвледиани "Ценный труд по истории грузинской культуры". Рецензент, целиком разделяя точку зрения П. Ингорква, идеализируя его книгу, поднял на щит автора "новой концепции", не находя по существу ни единого критического слова для "капитального труда (свыше тысячи страниц)".

Однако, как совершенно справедливо подчеркивал проф. Г. Соселия в своей статье "Вопреки исторической правде", оба основных претенциозных "открытия" П. Ингорква, сделанные им, как он любил выражаться, путем "прецизного анализа" и "лингвистического экскурса" (по месту редукции и законам фонетики), а именно то, во-

первых, что еще с ранней античной эпохи существовало "единое цельное" национальное грузинское государство (с насильственным перерывом в VI-VII вв.), развивавшееся не только без классовой борьбы, но и без борьбы грузинских феодалов между собою, имевшее и общую территорию, и общий язык (грузинский) и культуру, и что, во-вторых, те, кто назывались в средние века абхазами, на самом деле являются "грузинами по своему происхождению и языку", ибо генетически восходят к грузинскому племени мосхов, или месхов (абазги, абаски - мосхи, месхи), занимавших будто бы в древности всю "основную территорию современной Абхазии, - обе эти "теории" не столько оригинальны и "прецизны", сколько беспочвенны, ошибочны, претенциозны и лженаучны. "Теория П. Ингорюквa о происхождении абхазов

=====

8

=====

от грузинского племени мосхов, - писал Г. Соселия, - явно антинаучна" (5).

Как подчеркивалось в редакционной статье газеты "Комунисти" - органа ЦК КП Грузии, - в книге П. Ингорюквa "Гиорги Мерчули" неверно трактуются коренные вопросы исторического прошлого абхазского народа" (6). Все это, однако, не помешало появлению ряда последователей "прецизного исследователя".

В частности, к "теории" П. Ингорюквa, считающего, как мы видели, не только апсиров, но и абазгов грузинским племенем, полностью по существу присоединяется искусствовед И. Адамия. Его книга "Грузинское народное зодчество", вышедшая на грузинском языке в издательстве "Литература да хеловнеба", посвящена целиком изучению народного зодчества Абхазии - "одном из красивейших уголков исторической Колхети (Западной Грузии)" (7), - автор не видит, можно сказать, ничего национально-абхазского. Все местные памятники - от дольменов до современных жилищ и других построек, от архитектурных и орнаментальных мотивов до отдельных топонимических названий (например, Пицунда, Лыхны, Ачандара и др.), толкуемых по П. Ингорюквa, - объясняются автором только как принадлежащие к колхидскому, грузинскому культурному миру. Описываемые им материалы и объекты находились или находятся в Абхазии, нет здесь только самих абхазов как самобытного народа и коренных жителей Абхазии, как самостоятельной этнокультурной единицы. Абхазы оторваны от культуры своей страны, о их вкладе в культурное развитие Абхазии ничего не сказано на всем протяжении обширной монографии. Такое умалчивание фактически является отрицанием аборигенности абхазов и участия их в создании своей народной культуры. Это

=====

9

=====

есть вольное или невольное ограбление истории культуры целого народа, осуществленное в наукообразной форме. Книга И. Адамия об абхазских памятниках так и называется - "Грузинское народное творчество" (не "Народное зодчество Грузии"), и это название полностью соответствует ее содержанию.

Кое-где упоминаются в ней абхазы. Например, на стр. 13 мы читаем, что "в Абхазии живут абхазы, мегрелы, сваны, рачинцы, имеры, русские, украинцы, армяне, греки и др." Но автор нигде ни словом не говорит об абхазах, как об этнически самостоятельном народе, аборигене своей страны, создателе многих оригинальных памятников материальной и духовной культуры. Напротив, у неосведомленного читателя складывается мнение, что абхазы точно такое же грузинское племя, как мегрелы, сваны, рачинцы и т. д. Вопреки правильному, принятому громадным большинством ученых, мнению о том, что непосредственными предками абхазов являются апсилы и абазги,

последние в книге И. Адамия объявлены грузинскими племенами и т. д. (8).

По мнению М. Н. Инадзе, все или почти все племена, упоминаемые в "Перипле" Флавия Арриана в Восточном Причерноморье, - и смешавшиеся с колхами гениохи, и лазы, и апсилы, и абазги, и саниги - принадлежат к колхидскому этническому конгломерату, то есть являлись картвельскими (главным образом, лазско-чанскими) племенами. Автор утверждает, в частности, что не только апсилы, но и абазги "происходят из центральных районов Колхиды и связаны по своему происхождению с проживавшими здесь грузинскими племенами, что и "княжества апсиров и абазгов возникли на территории Колхиды, в результате распада последнего на отдельные княжества" (9).

Более сложными представляются акад. Г. А. Меликишвили страницы этнической истории кавказского Причерноморья. В разных работах, особенно в своей обширной монографии "К истории древней Грузии", он пишет об апсилах, абазгах и других племенах исторической Абхазии. Не всегда этническая характеристика этих племен отличается у него необходимой ясностью и четкостью, но в целом он склоняется к тому, что апсилы, как и абазги, принадлежат к абхазо-адыгскому этническому миру и что с первых веков н. э. они жили на территории совр.

=====

10

=====

Абхазии. Племенное название "апсилы" ("апшилы"), встречающееся у античных авторов, непосредственно связывает с самоназванием абхазов (абс-уа) (10).

Точки зрения абхазской этнической принадлежности апсиров придерживается громадное большинство исследователей (З. Анчабадзе, Г. Дзидзария, М. Трапш, Х. Бгажба, Л. Соловьев, Г. Шамба, М. Гумба, Г. Амичба, Ю. Воронов, Н. Марр, С. Джанашия, Г. Меликишвили, А. Чикобава, К. Ломтатидзе, Г. Соселия, И. Дьяконов, Л. Лавров, Я.Смирнова, Кисслинг и др.), а грузинское происхождение приписывают им лишь несколько авторов (С. Каухчишвили, который и абазгов считал западно-грузинским племенем, П. Ингороква, И. Адамия, М.Инадзе, К. И. Бердзенишвили и др.).

Обширная статья большой группы грузинских ученых, написанная в ответ авторам т. н. "Абхазского письма", начинается с утверждения о том, что "Абхазская АССР является тем историческим регионом, где издревле протекала жизнь двух народов - грузин и абхазов" (11). Это не во всем бесспорное, но все-таки важное научное положение "академического" письма, начисто отвергающее антинаучные домыслы о недавнем - с XVII века - приходе абхазов из-за гор. Тем не менее "Ответ" сам отнюдь не свободен от искажений истории абхазо-грузинских взаимоотношений, в частности, по вопросам этногенеза и этнической истории абхазского народа.

Этнические группы отличаются, как известно, значительной мобильностью, а исторические источники далеко не всегда отражают собой истинные пределы распространения тех или иных древних племен и народностей. Согласимся, однако, с тем, что с VI-V вв. до н.э. Колхидское царство с его западногрузинским населением простиралось, как сказано в "Ответе", на северо-запад вплоть до самой Диоскурии (совр. Сухуми). Отсюда якобы начинался другой "племенной мир" - абхазо-адыгский,

=====

11

=====

"а также некоторых грузинских /картвельских/, в том числе сванских" племен. Но как согласовать одно с другим: с одной стороны, севернее Диоскурии налицо "другой", т.е. не картвельский, а абхазо-адыгский "племенной мир", а с другой — в состав этого мира все же вклиниваются некоторые не только сванские, но и другие "грузинские племена". На

основании каких источников можно так уверенно утверждать о существовании две с половиной тысячи лет тому назад такого абхазо-адыго-картвельского этнически смешанного населения на территории северо-западнее от совр. Сухуми? Неизвестно и то, как могла образоваться такая этническая чересполосица и пестрота на землях, населенных в то время многочисленными племенами одного этнического конгломерата — гениохов, которых многие ученые считают предками абхазов.

Или такой еще пример. М.Д. Лордкипанидзе, не решаясь полностью отрицать присутствие абхазского этнического элемента в Абхазии, все же подчеркивает, что в этой стране как до советизации, так и после нее, а следовательно всегда "большинство населения составляли грузины". Но таких данных у нее, конечно, нет, а вот представителей племен абазов было, по Эвл. Челеби, "многие сотни тысяч" /см. ниже/.

В том же ключе написана ее брошюра "Абхазы и Абхазия" изданная в 1990 г. отдельной книжкой на трех языках — грузинском, русском и английском, адресованная, следовательно не только советскому, но и "всемирному" читателю, как особое, надо полагать, достижение в развитии абхазоведческой мысли. Не вдаваясь, однако, в анализ этого, так сказать, "плетения словес", приведем только одну цитату, характеризующую уровень работы и позицию ее автора: "Грузины и абхазы (апсуа) являются коренным населением Грузии... Грузины живут здесь с древнейших времен, абхазы — или с древнейшего времени, или с XVI — XVII вв., или и с древнейшего времени, и с XVI — XVII вв. До XVI—XVII вв. абхазы, независимо от их происхождения, в культурно-историческом отношении являлись грузинами". Если оставить в покое трехкратное "или", выходит, что вплоть до XVII в. включительно абхазы никогда не имели не только никакой государственности, но и никакой самобытной культуры, в том числе самостоятельного языка!?

Проф. же Н. Ломоури, отвечая на мою статью в "Советской Абхазии" от 16 сентября 1989 г. 13, пишет: "И, наконец, коснемся новой волны переселения абхазских племен на территории Абхазии. Несмотря на то, что я провозглашаю об абхазо-адыгском происхождении апсил-абазгов и тем самым проживание испокон веков предков современных абхазов на территории современной Абхазии, я тоже считаю, что здесь в XVI—XVII вв. осложнилась и в определенной степени изменилась этническая картина в связи с переселением горских племен... В Абхазии..., как и в остальной Грузии, население поредело, что способствовало переселению горских племен в низменность и, повторяю, этот процесс был общим... Дело не в том, что во времена Ламберти и Челеби здесь, в Абхазии, проживали абхазы, а в том, как описывается культура и быт этих абхазов. Вот где зарыта собака". Затем автор, следуя

=====

13

=====

Ламберти и Челеби, перечисляет некоторые черты быта абхазов / не живут в городах, "занимаются скотоводством, чем резко отличаются от мегрелов", образом жизни и религией сходны с горцами, не молятся в церквах и вообще здесь царство язычества/. А в конце он вопрошает: "Что же случилось, чем же был вызван подобный упадок" некогда столь развитого края: "Засилие — переселение горских племен — вот единственный научный ответ" (14), — заключает он, причем ссылается и на меня, как автора, будто бы "невольного иллюстрирующего приход горского населения на территорию Абхазии" теми преданиями, которые приводятся в моей книге "Абхазы".

Однако ни одно из этих положений и утверждений Н. Ломоури (за исключением признания аборигенности абхазов) не является вполне правильным и убедительным, не подкрепляются фактическими данными и доказательствами.

Так, согласно его концепции, вплоть до XVII в. абхазы, живя дислокально — часть в Абхазии, а остальные за хребтом, — не имели, оказывается, своей общей этнической

территории. Если же "испокон веков", в том числе во времена Ламберти, абхазы жили на территории современной Абхазии, то какое они имеют отношение к так называемому "засилию" здесь севсрокавказских горцев? Ведь мы хорошо знаем, что все известные истории абхазские племена — апсилы, абазги и др. — это смежно живущие закавказские племена, локализующиеся во всех имеющихся источниках только в северо-восточном секторе Кавказского побережья Черного моря, и не было ни одной собственно абхазской этнической группы на Северном Кавказе до позднего средневековья, когда на север /а не на юг/ устремились абазины. Оппонент пишет о "новой волне переселения абхазских племен в XVI-XVII вв. на территорию Абхазии". Но какие абхазские племена, откуда и куда конкретно переселялись, — ответа на эти законные вопросы вы у него, как впрочем и у других сторонников "горной стихии", не найдете. Вообще ни одно из племен, сумевших "изменить этническую картину" края, не названо. "Новая волна" переселения только декларируется. К тому же, выходит, были и более ранние миграционные волны, но и о них конкретно ровным счетом ничего не сообщается. Как условие, способствовавшее переселению горцев, упоминается пореде-

=====

14

=====

ние населения Абхазии, как и всей Грузии. Но было ли в действительности такое значительное сокращение населения, особенно в Абхазии, и под влиянием каких причин оно происходило также остается непонятным. Не об обратном ли говорят полное этническое освоение самурзаканских земель, а также продолжавшееся (из-за тесноты мест обитания и пр.) переселение абхазских групп на богатые кормами северокавказские равнины? Можно вспомнить и распространенное абхазское историческое предание, согласно которому Абхазия в прошлом была населена так густо, что кошки по крышам строений могли, не сходя на землю, добираться от морского побережья до высоких гор. Что же касается того, где "зарыта собака", то в период агрессии султанской Турции упадок, не связанный с мифической стихией переселения, был общим явлением в жизни всех народов региона, в том числе западных грузин, особенно мегрелов, которые и скотоводством прекрасно занимались и которые в тех же источниках наделяются чертами не меньшей отсталости. Чтобы в этом убедиться, нужно просто до конца и внимательно перечитать описания тех же Ламберти, Челеби и др. /см. ниже/.

Если же говорить о моей будто бы "невольной иллюстрации прихода горского населения на территорию Абхазии", то, во-первых, я никогда не отрицал постоянно происходившего процесса инфильтрации населения и переселения малых и более значительных групп людей в обе стороны Кавказского хребта, а во-вторых, общий вывод, к которому я пришел в результате анализа материала и который Н. Ломоури обошел, как нежелательный для него факт, полным молчанием, гласит следующее: "Таким образом, этногенетические предания абхазов и адыгов, каково бы ни было их реальное историческое содержание, ведут происхождение этих народов на юг, в Малую Азию" (15).

Проф. Э. Мамиствалишвили пишет, что в XIV-XV вв. на территории нынешней Абхазской АССР не существовало политической единицы, независимой от Мегрельского (Одишского) княжества, в которое входила вся Абхазия". Основную часть населения края, особенно Сухуми /Цхуми/, "полным хозяином" которого якобы был мегрельский кн. Бедиани, составляли мест-

=====

15

=====

ные православные грузины, а также латиняне /генуэзцы-католики/, мусульмане, евреи и

др. Абхазы же "в то время не жили там" (16), а "упоминающиеся в грузинской исторической литературе "абхазы" / в кавычках/ ничем "по этносу, языку, культуре, религии не отличались от грузин" (17). Этим же "абхамам" было родственно и племя джиков (18); под авогазами также следует подразумевать джиков (19).

Автор вводит читателя в заблуждение, потому что никто не знает, сколько было грузин в Сухуми в XIV-XV вв. Скорее всего они составляли мизерное количество. Допустим, что их было много. Но, если верить автору статьи, в городе Каффе тоже "жило много грузин", что, однако, не дает основания для причисления их к "местным", то есть к коренным крымским жителям.

Нет также никаких оснований для противопоставления авогазов и абхазов и для полного отождествления авогазов с джиками. В письме сухумского консула Герардо Пинелли сказано: "Я принял консульство Севастополиса... Пробыл там недолго... Неожиданно на него напали авогазы и все население бежало. Я поступил подобно им..." В аннотации к письму издатель его А. Виния также отмечает разграбление Севастопольской генуэзской "колонии абхамами" (20). Иными словами, упоминаемые в этих документах авогазы и абхазы суть один народ — абхазский, населявший окрестности города (см. ниже). Так это понимает и большинство исследователей (М. Волков, Ф. Брун, З. Анчабадзе и др.).

Говоря об этнокультурных изменениях, которые, по мнению автора статьи, прослеживаются с XVII в. в Абхазии, он отмечает, что все эти изменения нашли свое "хорошее отображение в сведениях иностранцев" (21) — в описаниях итальянских миссионеров Дж. да Лукка и Арк. Ламберти, турецкого путешественника Эвл. Челе-

=====

16

=====

би, без всякой даже попытки критического анализа их сообщений.

О чем же они пишут? В частности, о том, что у абхазов нет писаных законов, пшеница у них не растет и даже будто бы и соли не употребляют /Лукка/, что не проживают в городах и крепостях и грабят друг друга /Ламберти/, что живут общинами, продают мальчиков и девочек, хозяйство и быт у них примитивные /Челеби/, что угасает христианство, процветает язычество и идолопоклонство и т.п. Путем такого тенденциозного подбора цитат, без должного учета всего контекста исторических источников читателю внушается мысль о резком культурном отставании абхазов — этих диких горцев и "лесных людей". Но если идти таким путем, то мы должны будем причислить и население самой Грузии, например, мегрелов, к числу столь же отсталых народов, потому что и они в тех же источниках, начиная с Галонифонтибуса, часто характеризуются не менее "варварскими" чертами /см. ниже/.

Но разве такой подход называется научным изучением культурного развития народов? Конечно, все на свете относительно, и развитие общества зависит от конкретно-исторических условий его существования. В каких-то областях абхазы отставали /например, у них, как и громадного большинства других кавказских народов, не было письменности/, а в некоторых других отношениях они пошли далеко вперед /например, в судостроении и мореходстве, в создании великой мифологии, фольклора вообще и т.д./.

Да и в позднесредневековый период они не стояли в целом на каких-то дальних задворках кавказской цивилизации.

В частности, наличие самостоятельного Абхазского княжества во главе с представителями традиционно-местной владетельской фамилии Чачба /Шервашидзе/, развитие феодальных отношений /с пережитками, как и везде, патриархальных форм/, феодализированный во многом этикет, вообще замечательная народная бытовая культура, как и родственная ей культура Кабарды — "законодательницы мод" на Кавказе, обраща-

=====

ли на себя внимание многих наблюдателей. Есть и другие факты, которые не дают оснований для утверждения о какой-то сугубо первобытной отсталости абхазов. А что касается грабежей, пиратства, торговли людьми, ослабления позиций христианской религии в период агрессии султанской Турции (22), многочисленных остатков языческих верований и т.п., то все это было тогда, можно сказать, общим явлением в жизни всех кавказских народов, не исключая и грузинского.

Подчеркивая черты отсталости абхазов, в том числе мнимых /кто, например, поверит, что в XVII в. они еще довольствовались только вином из меда, дикими животными и лесными плодами, не зная не только пшеницы, но и соли/, Э. Мамиствалишвили забывает, что Лукка пишет выше об изготовлении абхазами вина в большом количестве и вообще полностью игнорирует все то в исторических источниках, что не согласуется или противоречит его концепции "перекочевания" их с гор на побережье в 30-40-х годах указанного столетия /какая точность!/. Например, его нисколько не беспокоит единогласное молчание всех источников по поводу

переселения абхазов на побережье. А ведь должен же был хотя бы один из них сообщить что-нибудь о таком важном историческом событии, если бы в действительности оно имело место.

Э. Мамиствалишвили указывает, что "весной и летом 1630 года по Абхазии путешествовал итальянец Джованни Джулиано да Лукка", оставивший "весьма интересные сведения об этом крае" (23). Получается какая-то несуразность: переселение абхазов еще как будто только предстоит в будущем — "в 30-40-х годах XVII века", а Дж. да Лукка черным по белому пишет о том, что "Абхазы рассеяны по побережью Черного моря", ни слова, конечно, не говоря о какой-либо их миграции. В данном случае итальянец зафиксировал истинное положение вещей: испокон веков абхазы обитали на абхазских берегах Черного моря, с чем и было неразрывно связано столь развитые у них и широко известные в литературе судостроение, строительство стоянок, каналов и верфей, мореходство /не только каботажное/ и пиратство, оригинальные названия морских рыб, пословицы и поговорки, связанные с морем, и т.д. У того же итальянского автора мы читаем, что "вера у них /абхазов — Ш.И./ христианская", а по Эвл. Челеби "они не признают Корана", но и эти и другие "мелочи" остаются незамеченными.

Не случайно в том же номере "Народного образования", непосредственно под статьей Э. Мамиствалишвили напечатана и заметка Н. Бартая под многозначительным названием "Айрг, ты лишь грабишь побережье моря". Это своего рода "пиитическое" приложение к предыдущей публикации, символическое выражение концепции необузданной "горной стихии", олицетворением которой выступает у него Айрг, приведшей якобы к деградации грузинской культуры на территории современной Абхазии.

Приведя грузинский стихотворный перевод абхазской песни об Айрг, автор заметки, дав волю своей фантазии, изображает мифического героя стоящим на страже высокогорных вершин,

где находится и его родина. В низины он спускается только для грабежей побережья. И это выдается как "мнение самого абхазского народа". Выходит, говорит он в конце, "исторически черноморское побережье, где проживали грузинские племена, было местом разбоя и грабежа Айрга" (24), то есть абхазов.

Айрг /Аерг/, как известно, образ абхазской мифологии, который, напротив, защищает людей от опасностей на войне, на охоте, в пути. Иногда он отождествляется с божествами охоты /Ажвейпш/, а с распространением христианства — со св. Георгием Илорским у "самого синего моря".

Во всяком случае одному Айргу, должно быть, известно, почему люди берутся писать с легкостью необыкновенной о том, о чем и ведать не ведают. Вспоминается басня "Петух и Жемчужное зерно", где сказано: "Невежи судят точно так: в чем толку не поймут, то все у них пустяк".

В своей статье "Кто были суано-колхи" Т. Мибчуани утверждает, что в древности и вплоть до Страбона сваны являлись чуть ли не самым большим кавказским народом, занимавшим значительную часть современного абхазского побережья. К VII в. они населяли и верховья Кодора, а также район современного г. Гагра. Население Абхазского царства состояло главным образом из одних сванов. Под этническими названиями "абазги", "обозы", "эбзе" также подразумеваются сваны, вообще грузины (25). Доказывается все это по преимуществу якобы сванскими названиями, отложившимися в составе топонимики не только южной, но и северной части Абхазии. Автор проявляет явную тенденциозность и кричащее дилетантство, незнание и игнорирование абхазского языкового материала, когда он пытается обосновать сванское происхождение целого ряда абхазских названий местностей, таких, например, как Гагра, Мюссера,

=====

20

=====

Ачирха (А ырха), Бача /Ба а/, Жабна /Жьябна/, Бармыш, Бабушера /Бабышь-ира/, Тхубун / эхэбын/, Лабра, Тамыш /Тамшь/, Мерхеул /Мархьяул/ и др. Этимологии Т. Мибчуани подвергнуты обоснованной критике специалистом-топонимистом В. Кварчия, хотя и не все толкования последнего могут быть одинаково убедительными (26). В своем рвении к своего рода "пансванизму" Т. Мибчуани, находясь во власти примитивной народной интерпретации и обходя молчанием данные абхазского языка, доходит до того, что объявляет сванскими и наименования, встречающиеся почти на краю северо-западной части Абхазии и имеющие совершенно прозрачную абхазскую этимологию /например, Жабна — название одного из поселков Отхарского сельсовета, которое представляет собой типичный композит из двух абхазских коренных слов: ажъа — "заяц" и абна — "лес", а в целом выражает понятие "заячий лес").

Отвечая на вопрос об этническом составе древнего населения современного Гальского района, археолог Малхаз Барамидзе сказал: "По нашему мнению, в изученный экспедицией период, в конце III — начале II тысячелетия, в Пичори обитало сваноязычное население, а с середины II тысячелетия — мегрельско-занский этнос. Древние абхазские племена исповедовали христианство, а мусульмане абсуйцы пришли сюда в XVII-XVIII веках. Это были адыгские горские племена, которые смешались с местным населением и стали называть себя абхазами. Очевидно, что абсуйцы этнически никак не связываются с древними абхазами" (27). Что же получается? Северокавказские адыгские племена апсуйцев в XVII-XVIII вв. переселились на территорию современного абхазского побережья и вдруг заговорили по-абхазски?! Трудно поверить, что это говорит серьезный уче-

=====

21

=====

ный. В самом деле, где доказательства столь фантастических этнических превращений и метаморфоз? Их просто нет. В частности, этноним а-пс-уа (а не "абсуа", как пишет М. Барамидзе) состоит из основы пс и окончания уа с прозрачной этимологией: уа в абхазском выражает "человек", мн. уаа — "люди". Почему же тогда племя апсуа, если они были адыгами, называло себя абхазским, а не адыгским (28) словом?

Если послушать некоторых грузинских авторов, все основные грузинские племена — и мегрельские, и сванские, и картоязычные — одновременно оказываются "коренными жителями Абхазии" (29), то есть и у себя "дома", и достаточно далеко за его пределами.

Не пытаясь исчерпать все высказывания подобного рода, — их множество и далеко не всегда отличаются оригинальностью, — обратимся под конец к статье "Некоторые вопросы грузино-адыгских экономических и культурных взаимосвязей", принадлежащей профессору М.В. Цинцадзе (30). Там говорится, в частности, что адыгские племена жили и развивались "в соседстве с населением картвельского происхождения". Но кого автор имеет в виду под "соседями" многочисленных адыгских племен? Надо полагать, прежде всего — жителей средневековой Абхазии, которые этнически характеризуются им как "население картвельского происхождения". Но это — завуалированная форма отрицания абхазской этнической принадлежности того населения, которое проживало на территории тогдашней Абхазии.

=====

22

=====

Далее он пишет, что через Марухский перевал "абазинские племена непрерывным потоком переселялись в Абхазию". В кавказоведческой научной литературе давно установлено, что абазинские племена в позднесредневековый период действительно переселялись, но не в Абхазию, как утверждает М.В. Цинцадзе, а, наоборот, главным образом, из северо-западных частей исторической Абхазии на северную сторону Главного Кавказского хребта. Это, между прочим, находит свое отражение также в языке и преданиях самих абазин. Обратного движения абазин история не знает.

Эта теория "непрерывного потока" абхазских и других переселений в Абхазию, которой придерживаются, как мы видели, и другие исследователи, понадобилась М.В. Цинцадзе, очевидно, для подтверждения ничем не обоснованного положения о том, что хлынувшие на юг по абхазским перевальным путям массы отсталых воинственных северокавказских горцев — имеются ввиду абхазские и другие племена — обосновались на побережье, а затем и ассимилировали местное коренное грузинское население Абхазии, которая будто бы исторически не является этнической территорией абхазского народа.

В брошюре, изданной "Библиотекой общества "Руставели" /1990/, напечатаны две бездоказательные статьи на абхазскую тематику, содержащие ошибочные и явно тенденциозные утверждения, неоправданные преувеличения и обобщения, без всякого сравнительного анализа положения вещей в Абхазии и сопредельных областей. В одной из них, принадлежащей Д.Л. Мухелишвили, читаем: "В средневековый период вплоть до XVII в. граница между Абхазией и Мегрелией, в том числе этническая, проходила по р. Келасури, а "вся территория южнее этой реки... была населена, как и ранее, грузинами... /мегрелами"". К этому времени /нач. XVII в./ в Абхазии "происходят существенные изменения: абхазское население предстает перед нами не в качестве земледельческого, а скотоводческого, не христианского, а "языческого". Очевидна явная не только экономическая, но и социальная деградация" (31).

Этим же сюжетам посвящена и другая статья сборника, написанная И.П. Антелава,

составленная также без единой ссылки на источники или литературу. С одной стороны, он признает "абазгов и апшилов аборигенным населением" Аб-

=====
23
=====

хазии и их "этническое родство с сегодняшними апсуйцами" , а с другой, — прошу у читателей прощения за длинную цитату, — вещает как вечную истину: "Абхазская сторона под Абхазией подразумевает всю Абхазскую АССР до реки Ингури и, исходя из этого, картвельский этнический элемент объявляется пришедшим. Это заведомо ложный пропагандистский постулат, так как этническая Абхазия никогда не совпадала с нынешней Абхазской АССР... В этом отношении между Апсуйцами и Абазго-Апшилами наблюдается большая культурно-историческая разница, большая лакуна преемственности развития, к сожалению, в сторону деградации соответствующих традиций... "Отречение от христианства" высококультурной христианской области объясняется наплывом этнически родственного, но культурно-исторически отсталого горского элемента. Горские родичи абхазов принесли с собой примитивные общественные отношения, языческие религиозные культы. Интенсивному феодальному хозяйству было противопоставлено экстенсивное горское хозяйство, культуре Евангелия и "Витязя в тигровой шкуре" — культура заимствованного у Осетии "Нартского эпоса". Абхазское эриставство, в условиях распада и слабости страны, не смогло приобщить горских сородичей высокой культуре. Произошло обратное. Началась деградация общегрузинской культуры и христианства Абхазии. Абхазия вернулась к давно пройденному этапу примитивных общественных отношений". Дальше лучше: "Непрерывные войны мегрельских владетелей и абхазов на протяжении XVII века не были обычными внутрифеодальными усобицами. Это была борьба между грузинской социально-политической системой и горской примитивной общественной системой. Появился также новый важнейший фактор — Османская агрессия и пропаганда ислама в горном Кавказе, Абхазии. Ислам здесь приобрел больше сторонников, чем христианство, которое требовало определенного высокого культурного уровня". Начинаются агрессивные действия абхазов, которые "вышли из собственных этнических границ /современный Гудаутский регион/... Абхазская автономия может быть создана на исконно абхазской земле — Гудаутском регионе, где была и есть настоящая Абхазия" (32).

=====
24
=====

Трудно полемизировать с автором, который так плохо разбирается в вопросах исторической этнографии абхазов, что "настоящую Абхазию" в прошлом и настоящем видит только в Гудаутском регионе. Его самого сильно тянет к постулированию: принимать в качестве исходного те или иные положения без всяких доказательств. В частности, занимался ли он когда-нибудь хоть в малой степени определением в научном плане этнических границ Абхазии? Провозглашая вечное несовпадение этнической Абхазии с нынешней автономией, ведает ли он, что не только совпадала, ибо на юге, как увидим ниже, она достигала /например, в середине XIX в./ прямо до р. Ингури, а с северо-западной стороны выходила и за ее пределы, так как территория садзов /джигеты/ — этнически неразрывной части абхазского народа — кончалась не на р. Псоу, где сейчас проходит государственная граница республики, а на р. Хоста /Хамыш/.

Несуразицей выглядит утверждение о том, что между апсуйцами и абазго-апшилами наблюдается будто бы большая культурно-историческая разница, поскольку, как считает и сам И.П. Антелава, все они являются аборигенными и почти идентичными этническими

группами Абхазии, а следовательно никакой такой "большой разницы" между ними и не могло быть.

От христианства абхазы никогда не отрекались (кстати, непонятно, почему именно христианство требовало более высокого уровня и разве абазги, принимая его в первых веках новой эры, находились на более высоком культурном уровне, чем в XVII в?). Но если речь идет об ослаблении у них позиций этой религии в период Османской агрессии, то разве не такую же картину мы наблюдаем, скажем, в Аджарии и даже отчасти в Мегрелии в позднесредневековое время, с чем была связана, в частности, активнейшая деятельность целого ряда иностранных миссионеров /Арк. Ламберти и др./, прилагавших разносторонние усилия для восстановления сильно пошатнувшихся и здесь устоев христианства и христианских нравов.

После всего, что сказано выше о "горной стихии", я не буду здесь особо останавливаться на слишком дорогом и сердцу этого автора "наплыве отсталого горского элемента", потому что, как уже говорилось, не было не только пресловутого "наплыва" горцев, но и их уж особой отсталости: в чем-то они действительно не поспевали, зато в других отношениях достигли многого. А если история не знает никакого сокруши-

=====

25

=====

тельного "наплыва" горцев, а к тому же абхазов нельзя всецело относить к последним, то нельзя говорить и о связываемой с ним хозяйственной и идеологической деградации, возврате Абхазии "к давно пройденному этапу примитивных общественных отношений". Такого нигде не было. Не было этого явления и в Абхазии, которая развивалась не вспять к пройденному этапу, а все более расширялись и укреплялись в ней институты феодальной социально-экономической формации: княжество во главе с владетелем, сложная социальная структура общества, своеобразные формы феодальной зависимости, идеологии, тончайшего этикета и т. д.

О нартском эпосе И.П. Антелаве лучше было бы хранить молчание, ибо, как говорится, "слышал звон, да не знает где он". Чего стоят, например, его по существу выпад против одного из шедевров мирового фольклора и его же негодящее мнение о заимствовании абхазами этих сказаний у других народов.

Но, пожалуй, едва ли не экстраординарным в антелавских смелых построениях является его стремление представить самые обычные феодальные противоречия и кровавые усобицы между абхазскими и мегрельскими владетелями как "борьбу между грузинской социально-политической системой и горской примитивной общественной системой".

Автор не договаривает, но смысл тирады ясен: речь идет о превосходстве одних народов над другими, в данном случае о якобы непримиримой борьбе между высшей грузинской системой ценностей и низшей — горской. Это образчик антинаучного и оскорбительного для абхазов деления столь близких между собой грузинского и абхазского народов на своего рода "высшие" и "низшие" категории. Не станем, однако, мы распространяться об этом. Можно ограничиться иронической улыбкой в адрес претенциозного и высокомерного автора, с привычной бездоказательностью сообщаящего, что "большинство населения Сухуми всегда было и остается грузинским", пишущего о злободневных абхазских проблемах в тисках равнодушных железных кавычек.

Следует вместе с тем отметить, что необоснованные исторические концепции и утверждения отдельных ученых нередко с готовностью подхватываются и получают гипертрофированный характер в разного рода выступлениях иных ретивых литераторов и журналистов. Выше я старался обходить такие бредни, как не заслуживающие внимания в силу их кричащей

=====

некомпетентности и несообразности. И все же сошлемся на один из ярчайших фактов подобного рода. В газете "Ахалгазрда комунисти" за 6 мая 1989 года, где писатели М. Кахидзе, Р. Мишвеладзе, Т. Мебуришвили и Г. Джулухидзе напечатали свою статью, мы читаем: "Наши соседние нации себя спасли, а на нас с открытой пастью взирает чудовище истории, покоряя нас мирно и бескровно, и мы оказались выброшенными на сушу издыхать, как рыбы. Используя нашу тысячелетнюю доброту и с нашего вежливого согласия, с Северного Кавказа пришли к нам адыгские племена (апсилы и абазги) пару веков тому назад, и мы их временно приютили на нашей грузинской земле, и это обернулось для нас проклятием и беспардонностью. Пора называть вещи своими именами. Племена, пришедшие в гости, назвались именем древнейшего грузинского племени — абхазов и, обнаглевшие от нашего простодушия, даже навязали адыгский язык грузинскому абхазу, тому абхазу, который в течение тысячелетий кроме родного грузинского на другом языке и звука не издавал. Теперь пришелец из-за гор, плющом окутавший наше национальное тело, оспаривает нашу землю" (33). Верится с трудом, но написано все именно так. Комментарии, конечно, излишни.

Бисмарк — человек не только умный, но, по Фр. Энгельсу, и "огромной изворотливости", сказал, как известно, примерно так: вы только дайте территорию, а мои ученые и журналисты легко докажут, что она всегда принадлежала нам. Слава богу, однако, что запрещение и искажение истины недолговечны и что историческая правда не является приватной собственностью безответственных графоманов и нравственных циников с неумными имперскими амбициями.

Таким образом, как видно из приведенных здесь высказываний, в современной грузинской историографии по существу представлены три основные точки зрения по вопросу об этнической (соответственно и культурной) ситуации в Абхазии: 1) Абхазская АССР в целом является тем историческим регионом, где издревле протекала жизнь двух народов — грузин и абхазов, причем из этих двух автохтонных этносов именно первый, то есть грузины всегда составляли здесь основное преобла-

дающее население; 2) абхазы, наряду с грузинами, испокон веков жили в Абхазии, но в XVI-XVII вв. здесь произошло осложнение и резкое изменение этнокультурной ситуации в связи с массовым вторжением (или "перекочеванием") отсталых воинственных горцев с Северного Кавказа; 3) адыгские горские племена апсуйцы (апсуа — самоназвание абхазов) пришли сюда в XVII — XVIII веках и, смешавшись с местным (грузинским) населением, стали называть себя абхазами, не имея, однако, с последним ничего общего в этническом и прочем отношении, и др.

Мнение об отсутствии абхазского этнического элемента на территории средневековой Абхазии представляет грубое искажение истории абхазского народа, научно несостоятельно, находится в вопиющем противоречии с хорошо известными специалистам историческими источниками, существующими начиная с античных времен.

Примечания

- 1 Задолго до П. Ингороква, отвечая на вопрос о том, кто жил в нынешней Абхазии до X-XI вв., Дм. Бакрадзе писал: "Мы думаем, что абхазы, после их переселения из-за гор, как более сильные, потеснили мегрелов, и эти последние, в силу своей слабости, уступили им свою землю"... "Если, - продолжает он, - после XVII в. абхазский язык так сильно потеснил мегрельский - согласно Ламберти, от Кодора до Ингури, - то становится ясным, что абхазский язык истари мало-помалу внедрялся в коренные земли распространения мегрельского языка и ... вся Цебельда и Абхазия, если не целиком, то все-таки большая часть была еще занята мегрельским племенем" (Дм. Бакрадзе. История Грузии. Тифлис, 1889, с. 272-273).
- 2 Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. М., 1976, с. 43, 45 и др.
- 3 Журн. "Мнатоби", № 3, 1950, с. 129.
- 4 Ингороква П. Георгий Мерчуле - грузинский писатель X века. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.)
- 5 Проф. Г. Соселия. Вопреки исторической правде. Газ. "Сов. Абхазия", 18 декабря 1955 года).
- 6 Газ. "Комунисти", 2 июня 1957 года.
- 7 Адамия И. Грузинское народное зодчество. Книга вторая. (На грузинском языке, с русским и английским резюме). Тбилиси, 1968, с. 125.
- 8 Адамия И. Указ. соч., с. 13.
- 9 Инадзе М. П. К истории Грузии античного периода (Ф. Арриан и его сведения о Грузии). Тбилиси, 1953, с. 18-20).
- 10 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 168 и др.).
- 11 По поводу искажения истории грузино-абхазских взаимоотношений /Ответ авторам "Абхазского письма"/ - "Заря Востока", 28-30 июля 1989 года. Известный документ, называемый "Абхазским письмом", был направлен в свое время в разные вышестоящие органы и содержит подробный исторический анализ абхазо-грузинских взаимоотношений.
- 12 Лордкипанидзе М. Абхазия — неотъемлемая часть Грузии. — Газ. "Ахалгаздра ивериели", 30 августа 1990 года /на груз. яз./; ее же. Абхазы и Абхазия. Тбилиси, 1990, с 59.
- 13 Читатели помнят, что у меня нет там ни единого некорректного слова, задевающего честь и достоинство оппонента, а, напротив, отмечал его вклад в грузинскую историографию. Н. Ломоури же полемизирует со мной высокомерно и поучительно, пишет грубо и дерзко, тоном, не допускающим возражения, иронически смакуя и повторяя многократно редакционную ремарку обо мне, как "известном абхазоведе", обвиняет в сознательном сокрытии фактов, и фальсификации мнений грузинских специалистов и т.п. Можно было бы закрыть на все это глаза, если бы речь шла только об обычном недостатке простого такта, а не преднамеренном стремлении представить меня читателям чуть ли не фанатиком, некомпетентным к тому же в вопросах исторической и современной этнографии абхазского народа, в которых он сам, мягко говоря, разбирается далеко не должным образом. Более того, свою пространную статью он завершает угрожающим указанием на то, что "видимо, разбор и оценка его /т.е. Ш. Инал-ипа/ "деятельности" дело будущего". По существу, это призыв к судилищу, как будто идут не 1990-ые, а 1937 год и не пахнет еще ни гласностью, ни плюрализмом мнений, что живем мы под покровом страшных сталинских ночей. Я мог бы, между прочим, явиться на столь желанный его душе ареопаг, в частности, для того, чтобы на менторские выпады, изрекаемые с высоты величия, спросить: "К чему все это? Да и судьи кто?!..."
- 14 Ломоури Н. Ответ профессору Ш. Инал-ипа. — "Литературули Сакартвело", 20 октября 1989 года /на груз. яз./.
- 15 Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965, С. 106.
- 16 Проф. Э. Мамиствалишвили. Из истории Черноморского побережья Грузии. "Народное образование», 22 октября 1989 г., с. 11.
- 17 Там же.
- 18 Там же. с. 10.

19 Там же, с. 11.

20 Там же.

21 Там же.

22 Антиохский патриарх Макарий, прибывший в Грузию в 1666 году, так описывает религиозное состояние абхазов его времени: "Абхазцы, услышав о нашем прибытии..., явились к нам и приняли от нас крещение. Их было двадцать пять человек и между ними два предводителя, которые попросили нас поехать к ним и окрестить всех абхазцев, ибо они давно жаждут иметь у себя людей, которые бы их окрестили и научили христианской вере. Эти абхазцы составляют в наше время большую нацию и называются Абазами. До недавнего времени все они считались христианами и у них же находился католикосский престол, который теперь находится в Имеретии. Да и до сих пор еще величественная церковь апостола Андрея, через которого они приняли христианство, находится в их стране и весьма почитается ими. В наше время лишь немногие из них умеют перекреститься и делать земные поклоны..., так как у них нет священников и никто вообще о них не заботится и не учит их. В виду этого я посвятил для них нового мокохского (моковского?) епископа, представил его вышеупомянутым предводителям абхазского племени, велел ему отправиться к ним для обучения их (хр. вере) и крещения их". Это описание очевидца свидетельствует не только о печальном положении христианства в Абхазии около середины XVII в. (которое, впрочем, согласно тому же источнику, ничем особенным не отличалось от положения вещей и в соседней Мегрелии), но и о том насколько живучи были еще, несмотря ни на что, многовековые христианские традиции среди абхазского населения, в частности, они сохраняли благоговейное отношение к божьим храмам (Пицундскому и др.) и "весьма почитались ими". (П. Жузе. Грузия в 17 столетии по изображению патриарха Макария. Казань, 1905, с. 43).

23 Там же, с. 11.

24 Бартая Н. Айрг, ты лишь грабишь побережье моря. "Народное образование", 22 октября 1989 г.. с. 12.

25 Мибчуани Т. Кто были суано-колхи. "Народное образование", 10 декабря 1989 года.

26 Кварчия В. Тенденциозность или дилетантство? "Бзыбь", 14 апреля 1990 года.

27 Археологи едут в Абхазию /беседа с руководителем археологической экспедиции Малхазом Барамидзе. Беседу вела Эка Ахалкаци, "Заря Востока", 6.V.90 г., № 107, с. 4.

28 Вообще же, как известно, самоназвание народа часто не совпадает с тем названием, под которым он известен у соседних и других народов. Например, грузины себя называют "картвели" (отсюда мегр. "қор у", абх. "ақыр уа"), персидско-арабское название "гурджи" получило широкое распространение в восточных странах, в том числе в Турции, с ним же, по-видимому, связаны русское "грузин", восходящее к XV в., а также названия грузин в западноевропейских языках — фр. "жоржиан", нем. "георгиер", англ. "Джорджи" (Г.Г. Пайчадзе. Название "Грузия" в русских письменных исторических источниках. — В сб. "Вопросы истории народов Кавказа", Тбилиси, 1988, с. 167, 182—183.)

29 См., например, Ш.А. Бадридзе. Некоторые вопросы политического и социально-экономического строя Абхазского царства. — В сб. "Вопросы истории народов Кавказа", Тбилиси, 1988, с. 136-137.

30 Цинцадзе М.В. Некоторые вопросы грузино-адыгских экономических и культурных взаимосвязей. — В кн. "Вопросы истории народов Кавказа", Тбилиси, 1988, с. 225.

31 Чл.-корр. АН ГССР Д.Л. Мухелишвили. Грузия — "малая империя"?! - "Библиотека общества Руставели", изд-во "Саранги", 1990, с. 10.

32 Антелава И.П. К некоторым вопросам "абхазской проблемы". — "Библиотека общества Руставели", 1990, сс. 19,20,22,23,25,27 и др.

33 Кахидзе М. и др. Это ли забота о стране и справедливости. — Газ. "Ахалгазда комунисти", № 53, 6 мая 1989 г. (на груз. яз.).

II. О чем говорят исторические источники и о чем они молчат?

А теперь обратимся непосредственно к самим историческим источникам. О чем они говорят и о чем они молчат?

В соответствии с заданной темой, нас здесь интересуют в первую очередь сообщения авторов, писавших об Абхазии и абхазах, начиная с позднесредневекового времени до начала XX в. При этом, однако, как указывалось выше, наша задача заключается не столько в том, чтобы исчерпать все исторические источники указанного времени, сколько изучить и проанализировать главнейшие из них с точки зрения в основном тогдашней этнической ситуации и ее изменений на территории Абхазии.

Начнем свое изложение материалов со свидетельств одного автора самого конца XIV — начала XV веков (анализ привлекаемых источников ведется в основном в хронологической последовательности).

I. Испанский Аноним. Галонифонтибус. Шильтбергер. Меховский.

В национальной библиотеке Мадрида хранится рукописная "Книга знаний обо всех королевствах...", написанная в 1350-1360 гг (1). Эта рукопись, хотя несколько и путаный, но в общем ценный исторический источник, в частности, по истории сред-

=====

29

=====

невековой Абхазии. Ее анонимный автор — испанский миссионер-францисканец, направлявшийся через Крымскую Готию по восточному берегу Черного моря вплоть до Трапезунда страну "Великого хана". В 1350 г., пройдя по берегу Арусахии (видимо, Зихия), Песонту (Пицунда), он попадает в "королевство" Сант-Эстрополи (Сухуми), через которое надо было пройти, чтобы попасть в Горганию — страну "короля" Давида (грузинский царь Давид IX, 1346-1360 гг.). Горганию (Грузию) он называет очень "обширной" областью земли империи Узклето (хана Узбека), расположенной между Черным и Каспийским морями. В другом месте он пишет, что покинул Сант-Эстрополи и направился в Горганию. В то же время он упоминает страну или область Ауэгазию (Аногазию), после которой идет страна Давида. Таким образом, становится ясным, что Сант-Эстрополи находится на территории страны Ауэгазии-Аногазии, то есть Абхазии. Среди основного населения "королевства" Сант-Эстрополи Аноним называет команов-христиан и многочисленных евреев, также христианского вероисповедания. В это время, как мы знаем, Сухуми был торговым центром гемузцев, и здесь в 1318 г. уже функционировала католическая епископия.

Поэтому, видимо, он и делает оговорку, что местные христиане совершают обряд жертвоприношения "более по образцу греческой, нежели латинской церкви". Трудно сказать, кого он имел в виду под названием команы. Скорее всего это гумцы, гумские абхазы, жители Гума — исторической области Абхазии в районе Сухуми и его окрестностей.

Далее аноним говорит о флаге "короля" с изображением вертикально расположенной ладони левой руки серебристого цвета на геральдическом красном фоне.

Следует отметить, что средневековые абхазские флаги и XV, и XVI вв. имели на своем красном полотнище опять-таки изображение ладони левой руки. Об этом пишет Омар Бегуаа — абхазский ученый, проживающий в Стамбуле, опираясь на исследование турецкого историка И.Х. Кониалы "Старинные кожаные карты из архива Топкапы", изданной в Стамбуле в 1936 г.

Средневековый итальянский миссионер Иоанн де Галонифонтибус, епископ Нахичевана, а затем архиепископ персидского города Султании, глава христиан Персии и "всего

Востока", куда входила и католическая епархия Севастополиса, длительное время служил в этих краях, много путешествовал

=====
30
=====

по разным европейским и азиатским странам и знал несколько восточных языков. В самом конце XIV века, после 3-го похода Тимура, он побывал и на Кавказе, посетил, в частности, Черкесию, Абхазию, Мегрелию и Грузию. В главе "Черкесия" он прямо пишет: "Я путешествовал по этим землям и вокруг них" (2). Относительно Мегрелии мы даже читаем, что он "жил в этой стране долгое время" (3). На основе этих поездок и личных наблюдений он составил свои описания под названием "Кавказские народы и их соседи" (1404 г.), состоящие из нескольких коротеньких глав ("Черкесия", "Абхазия", "Мингрелия", "Грузия", "Дагестан" и др.), которые имеют большое значение для изучения истории и этнографии народов Кавказа.

Неизвестно, сколько времени пришлось Галонифонтибусу прожить в Абхазии, но факт его прибывания здесь по пути из Черкесии в Мегрелию не подлежит никакому сомнению. Краткие, но очень интересные и важные сведения, которые он сообщает об этой стране, могли быть получены им только в результате непосредственного общения с местным населением.

Прежде всего, автор точно определяет географическое положение Абхазии как края, расположенного на побережье Черного моря, между Черкесией и Мегрелией. "За (Черкесией), — пишет он, — находится Абхазия" (4), а "к востоку от них (т.е. абхазов — Ш.И.), по направлению к Грузии, лежит страна, называемая Мингрелией", горы которой "граничат с горами Абхазии". Абхазы, читаем мы у него, "имеют свой собственный язык. Они искусны в выделке сукна, холста и шелка", вместо хлеба употребляют в пищу "вареное перемолотое просо", а в веревки "следуют грузинам" (5), то есть являются христианами.

Итак, согласно Иоанну де Галонифонтибусу, абхазы в конце XIV в. компактно населяли, как коренные жители, территорию современной Абхазии, между черноморскими черкесами и мегрелами, представляя собой этнически самостоятельный народ со своим особым языком, не смешиваемый ни с

=====
31
=====

адыгами (черкесами), ни с мегрелами, ни с грузинами, при полном отсутствии каких бы то ни было указаний, которые говорили бы против их автохтонности на данной прибрежной территории, за их миграцию откуда-нибудь с юга или севера.

Отмечу мимоходом, что тому же автору принадлежит также любопытное и единственное в своем роде сообщение о слепке ступни императорской ноги, который абхазы носили на своей голове. "Не очень миролюбивый римский император, — пишет Галонифонтибус, — поработил их и послал им слепок ступни своей ноги для того, чтобы они носили его на голове как символ их покорения и с того дня они носят этот слепок на своей голове" (6). В связи с этим следует иметь в виду, что и у самих абхазов отмечаются пережитки древнего загадочного культа поклонения стопе бога (7). Выражением этого является, надо полагать, такой оригинальный абхазский фразеологизм: "Ухьышьаргу а сакухшоуп", то есть: "Да буду я принесен в жертву (досл. "обведен вокруг") золотой стопе (подошве) твоей (муж.) ноги". Абхазы говорят также: "Упату схи икуп", то есть: "Твое уважение лежит на моей голове" (или "ношу на своей голове" в том же значении).

Эти параллели и сопоставления описанного в источнике шестисотлетней давности с

абхазскими языковыми и этнографическими материалами, которые заслуживают специального изучения, лишний раз свидетельствуют об этнической идентичности средневековых абхазов с нынешними, поскольку в быту последних, как мы видели, до сих пор сохраняются кое-какие отголоски воспоминаний, связанные, вероятно, с указанным загадочным слепком якобы императорской, а скорее всего божьей ноги.

В работе Галонифонтибуса говорится еще и о том, что у черкесов имеется не только свой язык, но и своя письменность (8). Эти сведения перекликаются с аналогичным и почти синхронным сообщением немецкого (баварского) автора Иоанна Шильтбергера, также посетившего на рубеже XIV-XV

====

32

====

вв. Абхазию, Черкесию и другие уголки Кавказа. По словам Шильтбергера, в его время в числе языков, на которых велось христианское богослужение, были черкесский (зихский), абхазский, грузинский и мингрельский языки (9).

Вот еще одна выписка из "Путешествия..." И. Шильтбергера: "Далее — королевство Грузии, жители которой исповедуют греческую веру, говорят на особом языке и весьма храбры. Есть еще страна Абхазия, с главным городом Сухум. Страна эта имеет весьма нездоровый климат, поэтому и женщины и мужчины там носят четырехугольные плоские шапки. Есть также небольшая страна Мингрелия со столицей Батум. Жители исповедуют греческую веру" (10). Прямые упоминания собственно Абхазии и ее главного города Сухума, а также о некоторых бытовых особенностях населения не оставляют сомнения в том, что автор побывал в нашем крае, но его сообщения о нездоровом климате этой страны и связанных с этим оригинальных головных уборах жителей не находят пока, насколько известно, подтверждения в других исторических источниках.

Какое-то сомнение вызывают и свидетельства Галонифонтибуса о местной письменности, а Шильтбергера — о богослужении на черкесском, абхазском и мегрельском языках.

Как понимать эти сообщения? Или оба автора, которые почти одновременно лично побывали на Западном Кавказе и писали независимо друг от друга, грубо ошибались, или же, напротив, в указанное время у черкесов существовала какая-то местная, утраченная впоследствии форма письменности, приспособленная для церковного богослужения, хотя в этом пока нет полной уверенности. Тем более, что у Дж. Интериано мы находим другие указания в отношении черкесов (зихов), которые, очевидно, могут быть отнесены и к абхазам. Зихи, сказано у него, "не имеют письменности и не пользуются никаким алфавитом — ни собственным, ни иностранным. Священники у них служат по-своему, употребляя греческие слова

====

33

====

и начертания, не понимая их смысла. Когда же случается им писать кому-нибудь, хотя это бывает очень редко, то большею частью пользуются услугами евреев и еврейскими письменами" (11).

Джорджио Интериано — путешественник, географ и этнограф эпохи итальянского Возрождения, автор первого в средневековой литературе монографического описания Черкесии, в конце XV века длительное время провел в этой стране, о чем свидетельствуют его слова: "Я много лет тому назад исследовал и наблюдал природу и условия страны и быта черкесов... в Сарматии". Свои наблюдения он издал в Венеции в 1502 году отдельной книгой под названием "Быт и страна зихов, именуемых черкесами". Там написано: "Они живут от реки Таны до Азии... на берегу моря вплоть до мыса Бусси и р. Фазиса и здесь

граничат с Абхазией, то есть частью Колхиды" (12). Как видно из этого, Интериано понимал этнонимы "зихи" и "черкесы" в широком смысле, обнимая ими не только собственно черкесов, но и собственно абхазов, юго-восточную границу которых он так же, как и Челеби, проводил по Фазису (Риони).

А что можно сказать об абхазах по этим источникам, о их так называемой миграции? Если, как мы видели, собственно абхазы (апсуа), имеющие свой собственный язык", в конц XIV — начале XV в. вне всякого сомнения жили на своей земле в Абхазии, то могли ли они вдруг почему-то перебраться "всем миром" куда-то в горы с тем, чтобы через какие-нибудь две сотни лет, к XVII веку, вновь переселиться обратно на свою старую родину? Но таких сказочных миграционных прогулок целого народа история не знает.

Интересным источником для истории края середины XV в. являются письма восточных владык к папе Римскому Пию II, герцогу Бургундскому Филиппу III Доброму и дожу Венеции. Доставили письма послы, приехавшие в Европу с посланцем папы на Востоке, ученым монахом Лудовико да Болонья. Он уже в 1457 г. засылался Ватиканом на Восток, где занимался

=====

34

=====

подготовкой антиосманской коалиции. Там он, видимо, и встречался с Кваркваре, самцхийским атабегом, пославшим еще тогда письмо папе, в котором перечислял будущих членов Коалиции (13). Теперь же Лудовико, после двухлетнего пребывания на Востоке в качестве главы всех католиков Персии и Грузии, в 1459 г., возвратился в Рим. Письма были привезены от Трапезундского императора Давида и Грузинского царя Георгия VIII к Филиппу и по одному от Кваркваре папе и дожу Венеции. Во всех посланиях перечислялись будущие участники похода, и среди них Рабиа (Фаба), которого Георгий называет князем Анакозии, а Кваркваре — владельцем Анакопии, что говорит о том, что Анакозия — это Анакопия. Дважды названы у Кваркваре абхазы — авогазы (ср. с названием Сухумской бухты на итальянской карте 1519 г. — *Avogaxia prov*). Вместе с тем, в тех письмах, где фигурирует Рабиа, ничего не говорится об авогазах, а где говорится об авогазах, не упоминается Рабиа. Значит, авогазы — это подданные Рабиа из их страны Авогазии (Абхазии). Вместе с тем, в первом письме Кваркваре авогазы объявляются подданными царя Георгия и поэтому, якобы, будут выступать с ним, а Бендиа пойдет в поход с Багратором (имеретинским). В позднем письме Кваркваре Бендиа назван "царем" Мегрелии и Абхазии. Получается какая-то неувязка. Если абхазы подчинялись Бендиа, то должны были бы выступать вместе с ним. Обращает на себя внимание, что в письмах и Георгия, и Давида ничего не говорится о совместном выступлении первого с авогазами во главе с Рабиа. В них Рабиа представлен как самостоятельный владыка, дающий такие же обещания, как и остальные, выставляя даже больше войска, чем Давид, Кваркваре, армянские и др. владетели (30 тыс. чел.). О том, что переговоры велись с ним непосредственно, говорит следующий факт. Когда, 15 лет спустя, "Венеция с папского благословления пыталась блокироваться с Узун Хасаном" против турецкой агрессии, у берегов Анакопии вновь появляется Лудовико Болонский вместе с послом Узун Хасана, ставшим уже шахом Персии. Однако, по свидетельству Амброджо Контарини, они были здесь ограблены, что, по-видимому, повлияло на ход переговоров о создании новой коалиции.

=====

35

=====

Таким образом, материалы, связанные с попытками организовать антитурецкую

коалицию, показывают, что в середине XV века на Черноморском побережье существовало особое княжество с центром в Анакопии (Анакозии), которое, видимо, простиралось далеко на север. Так, например, немецкий путешественник Герберштейн свидетельствовал, что в XVI веке "афгазы обитали даже в низовьях Кубани, а соседние с ними адыги занимали ближайшие горные районы". Владелец этого княжества в середине XV века выступал как самостоятельный правитель, способный выставить значительное для того времени количество войск для предполагавшегося "крестового похода". Та же Абхазия, которая названа "под рукой" "царя" Бендиа, должна, скорее всего, обозначать южную Абхазию — от Сухуми и до реки Ингури.

О народе "газаров" рассказывает польский ученый начала XVI века Матвей Меховский. В своем "Трактате о двух Сарматиях" (14), изданном в 1517 году, он пишет о них как о "воинственных людях, имеющих связи по всей Азии и в Египте; у них заволжские татары приобретают оружие. В настоящее время греки называют эти племена абгазары и абгазели. По соседству с ними находятся племена черкесов и менгрелов".

Под "газарами" он имел в виду, вероятнее всего, абхазов, а его "абгазары" и "абгазели" представляют собой разные формы одного и того же названия. Их локализация, указанная Меховским, также соответствует сообщениям предыдущих и других писателей по данному вопросу.

2. Джiovанни Лукка. Дортели Д'Асколи.

Перейдем теперь к сообщениям итальянского монаха XVII в. Джiovанни Лукки (Жан де Лукка), относящимся к 1625-1634 гг. Автор, являясь представителем доминиканской миссии в Крыму (в Каффе), неоднократно выезжал в глубь татарских, ногайских и черкесских земель для близкого ознакомления с образом жизни этих народов. Побывал он и у абхазов. В предисловии к своей работе он подчеркивает: "В этом опи-

=====

36

=====

сании я изложу только то, что видел своими глазами" (15). Не останавливаясь подробно на его описании черкесов, в котором, в частности, мы находим любопытные этнографические параллели в их быту с абхазами (последние "одеваются подобно черкесам, но волосы стригут иначе, чем те" (16); мальчики и девушки "прислуживают гостю с открытым лицом и моют ему ноги" (17); родственники покойного "бичуют себя, а жены царапают себе лицо" и др.), отметим то, что он рассказывает об абхазах, включая и определение их географического положения.

Дж. Лукка пишет об абхазах, как о самостоятельной этнической единице, наравне с татарами, черкесами, мегрелами, грузинами и др., как об особом народе, со своим особым языком, "резко отличающимся от языка их соседей" и живущем в своей стране в пределах Западного Закавказья. Черкесы, говорит он, соседят с ногайскими татарами и занимают "лесные места" от Тамани до Дербента, так что "страна черкесов тянется на 26 дней пути", а к "югу живут абхазы" (*Подчеркнуто мной — Ш.И.*). Или: "К югу от них (черкесов) живут абахазы" (19). У него же в другом месте читаем: "Абхазы населяют горы, простирающиеся до страны черкесов, на запад от них лежит Черное море, на востоке Мингрелия" (20). Это можно понимать только в том смысле, что абхазские земли в первой четверти XVII в. находились примерно в тех местах, что и позднее, вплоть до нашего времени.

Уточняя географическое положение Абхазии, Жан де Лукка пишет: "От Кудесчио (вероятно, Кодош. — Ш.И.) до Абхазии 140 миль" (21). В другом месте сказано: "Абхазию от Мингрелии отделяет р. Аус, расположенная к востоку от Сухума", а Скурчу он считает первым пунктом Мегрелии. По его словам, абхазы "обладают очень хорошей гаванью",

рая называется Эски-Сумуни" ("Старый Сухум"), что их "страна очень приятная и воздух в ней очень здоров", а сами они **"рассеяны по всему берегу" и "выбрав себе пребывание в одном месте, не покидают его" и "возделывают много вина"** (*Подчеркнуто мной. — Ш.И.*).

Очень важные сведения содержатся в описании Жана де Лукка о политическом и религиозном состоянии Абхазии того времени. Согласно его непосредственным наблюдениям, Абхазией правили тогда два князя: Северной — Карабей, а Южной — Путо Шервашидзе, резиденция которого находилась в Сухуме. В 1625 г. Лукка посетил Путо (Пузо) и лечил его больную жену. Во время этого визита он, в частности, узнал, что князь христианин (даже показал гостю носимый им нательный крест) и что весь его народ, по его свидетельству, — христиане (22). Сообщает Лукка и о том, что абхазы имели священников под названием "папари", которые "погребают мертвых и молятся богу об их душах".

Несомненный интерес представляет и описание уникального обряда "воздушного" погребения, который ему удалось зафиксировать, находясь в Пицунде. Абхазы, — пишет он, — "покойников кладут в выдолбленные пни деревьев, служащих для них гробом, и потом, привязав их к четырем столбам, для предохранения от шакалов, держат их как бы висящими в воздухе" (23), а иногда просто подвешивали трупы в выдолбленных стволах на деревьях. Этот обряд, засвидетельствованный у колхов и абхазов и в других источниках, в том числе у некоторых античных авторов (Аполлоний Родосский, Нимфодор, Николай Дамасский, Силий Италик, Клавдий Элиан и др.), имеет исключительно большое значение с точки зрения автохтонности абхазского этноса и преемственности его культуры на занимаемой территории, что подтверждается и археологическими данными.

Не случайно, конечно, и то, что и другой префект той же миссии в Крыму Дортели д'Асколи в своем труде, написанном почти одновременно (в 1634 г.), перечисляя языки **"народов Черного моря"** (*Подчеркнуто мной. Ш.И.*), называет и абхаз-

ский (абазский), причем помещает он его между черкесским (черкасским) и мегрельским (менгрельским) языками, и все это в полном соответствии с исторически сложившимся географическим положением абхазского языка. Он же упоминает приморский город или стоянку под именем Аббаза, которая, пишет он, "стоит на самой границе Менгрелии" (24). Город Аббаза упоминается и у голландского автора XVII в. Николаса Витсена, по словам которого страна Аббаза на востоке граничит с Мегрелией, от которой отделена какой-то рекой Суум, а на западе простирается до реки Кубань.

3. Эвлия Челеби

Известный турецкий географ и путешественник XVII века Эвлия Челеби — автор десяти томных путевых записок под названием "Книга путешествия" — дважды побывал в Закавказье: в 1640-1641 и 1646-1648 годах. Объездил с востока на запад всю Грузию (Борджистан), включая Лазистан и Менгрелию (Менгрелистан). Описание Абхазии — "прекрасной страны Аббаза" (иногда он ее называет "Аббастаном") (25) — относится ко

времени его первого путешествия (1640-1641 гг.). В 1666 году он путешествовал по закубанской части Северо-Западного Кавказа вплоть до Зеленчуков и далее до Дербента. Конечно, Челеби — выразитель идей своей эпохи, сын своей социальной среды, апологет ислама, идеолог суннизма, сторонник агрессивной политики Османского государства, принимавший и сам активное участие в некоторых военно-дипломати-

=====

39

=====

ческих (26) акциях султанского правительства. В силу этого, книга Челеби, как всякий исторический источник, не свободна от недостатков, упущений, субъективизма, ошибок (в частности, в отношении точной локализации и границ отдельных родоплеменных групп и вообще пространственной ориентации автора) и требует к себе критического отношения. Тем не менее в целом она, безусловно, "является важным историко-культурным документом, который вносит много нового в освещение прошлого народов нашей страны, а также народов Турции и Ирана" (27).

Значение ее тем более велико, что источников подобного рода, особенно по истории и этнографии Абхазии, очень мало. Эвлия Челеби считал, в частности, что только морское побережье Абхазии было покорено Турцией, в горные же области османское влияние не проникало, и жители их, называемые "непокорным и мятежным народом", налогов не платили. Автор обычно всегда отмечает этнический состав населения, довольно подробно описывает города и укрепления, торговые и другие хозяйственные занятия людей. Указывает, например, что в Абхазии все разводят овец, коз и свиней ("имеют очень много свиней", — пишет он об общине Арт) (28), сеют пшеницу и гоми и получают большой урожай и т.д.

Осмотрев 70 мегрельских селений, путешественник со своими спутниками вернулся в крепость Гонио на р. Чорохи (29), где ему "было велено... идти в поход на Азов" во главе трехсот

=====

40

=====

вооруженных ружьями янычаров с пятью невольниками-грузинами на десяти лазских судах (30). Так, в 1641 году начался неудачный поход турок на крепость Азов, еще в 1637 году занятую казаками. Отряд плыл вдоль морского берега, от причала к причалу. За сутки, пройдя пять причалов, — Сукара, Хандыр, Сиври, Явисе и Рабче, — они достигли реки Фаша (Фазис, Риони). Все эти пять гаваней, — пишет автор, — находятся в пределах Менгрелистана" (31).

Далее идет описание реки Риони. По его словам, она широка, как Дунай, — от полмили до мили, глубина — около восьми-десяти кулачей (32) и впадает в Черное море. Суда проходят вверх по ней около ста миль. От Стамбула до ее устья тысяча триста миль. "В нее входят корабли, идущие в Мегрелистан и в страну Абаза".

Вот что он пишет о границе между мегрелами и абхазами: "На восточном ее берегу расположены сплошь мятежные деревни мегрелов. Западный берег является страной племени абаза чач (33). Так как оба берега покрыты зарослями колючих кустарников и дремучими лесами, абаза похищают мегрелов, мегрелы — абаза и продают купцам."

Приступая к описанию страны Абаза, Челеби вновь подчеркивает, что "началом расположенной целиком на северном берегу Черного моря страны Абаза является река Фаша, а конечный предел — гавань Анапы" (34). Вместе с тем он же пишет, что, миновав р. Фаша, они "направились к западу,

весь день плыли вдоль берега Черного моря и достигли страны Абаза" (35), которая, по

его словам, "**расположена целиком на северном берегу Черного моря**" (*Подчеркнуто мной. — Ш.И.*) (36).

====

41

====

Таким образом, у Челеби имеется определенное противоречие с самим собой по вопросу о том, где в его время фактически проходила этническая граница между мегрелами и абхазами. Он пишет, с одной стороны, что в р. Фаша "входят корабли, идущие в Мегрелистан и в страну Абаза", что на восточном ее берегу расположены сплошь мегрельские деревни, на западном — страна племени абаза-чач, а с другой стороны, наоборот, указывает, что от устья Фаша целый день плыли, чтобы достигнуть страны Абаза, которую, к тому же он помещает не на восточном, а "целиком" на северном берегу Черного моря.

Чем объяснить такое противоречие? Может быть, действительно челебиевская Фаша — это не Риони, а какая-то другая река, например, Кодор, как предполагают некоторые комментаторы труда турецкого путешественника?

Исходя из описания Челеби, трудно и даже невозможно сомневаться в том, что Фаша — это река Риони. Вся совокупность особенностей Фаша, отраженная в характеристике Челеби, — начиная от названия (Фаша — Фаза) и кончая размерами и географическим положением реки, — убеждает нас в том, что ни одна другая река, кроме Риони, не может подразумеваться под челебиевской Фашой. Его указания о том, что Фаша "течет к югу", в общем и целом соответствует действительности, потому что только в нижнем течении она протекает с востока на запад. В этом же общем контексте следует, очевидно, понимать и то место источника, где говорится о восточном (мегрельском) и западном (абхазском) берегах Фаша. Иными словами, если следовать самому Челеби, не требуя от него точных современных географических представлений, то нет большого отступления от истины, когда он говорит, что Фаша течет на юг. Не учитывая особенностей челебиевских познаний, некоторые его нынешние комментаторы ссылаются на то, что у Риони в нижнем течении "нет восточного и западного берегов, есть северный и южный", что автор "мог ошибиться" и что "не исключено, что р. Фаша — это Кодори" (37).

Конечно, от ошибок никто не застрахован. Но в самом главном Челеби неуязвим — в том, что река, о которой идет речь, называется Фашой, а это — разновидность названия «Фазис», как именовалась в древности Риони. Челеби лично

====

42

====

был на Фаше, обошел ее берега, частично плыл по ней и даже пил ее "сладкую воду". Поэтому он не мог ошибиться при определении ее основных особенностей, говоря, например, что "от Стамбула до этого места тысяча триста миль" и что "она широка, как река Дунай" — местами вплоть до "одной мили" и судоходна на 100 миль вверх (38), чего при всем желании не скажешь о Кодоре. Следует иметь в виду и то, что со времен Челеби, — а с тех пор прошло ровно 350 лет, — река могла в значительной степени "изменить направление течения, особенно в нижней, равнинной ее части. Все это требует, однако, дополнительного специального исследования.

Гораздо труднее ответить на другой вопрос — насколько соответствует действительности этническая граница между абхазами и мегрелами по р. Фаше (Риони), на что не раз и без колебаний указывает Челеби в своем труде? В Абхазии он побывал, правда, только однажды, останавливаясь на прибрежных стоянках во время Азовского похода, но в жилах его, как сына абхазки, текла абхазская кровь, и он знал предание об арабском

происхождении абхазов и лазов, а Мегрелию посетил даже два раза, объездив не только побережье, но и осмотрев еще 70 деревень в глубине этой страны. Следовательно, он хорошо знал обе страны, и у нас нет оснований для сомнения в том, что автор неплохо разбирался в этнической ситуации всего этого края. Тем более, что он сообщает любопытные сведения о захвате пленных друг у друга, используя при похищении дремучие кустарники и леса на обоих берегах тогдашнего Риони. При всем том требуется специальный анализ сведений Эвлия Челеби с точки зрения их достоверности, сопоставление их с указаниями других источников об этнической границе между Абхазией и Мегрелией около середины XVII века.

Можно, конечно, спорить о достоверности или недостоверности свидетельства Челеби относительно места прохождения этнической границы между мегрелами и абхазами в XVII в., тем более, что сообщения самого автора

=====

43

=====

не лишены в этом отношении некоторых противоречий, указанных выше.

Вместе с тем обращает на себя внимание, во-первых, то что в его сочинении не содержится, как и у Арк. Ламберти, Жана Шардена и др. (см. ниже), ровным счетом никаких указаний о переселении абхазов откуда бы то ни было. Исключается, чтобы он не обмолвился ни единым словом о таком событии, как переселение из-за гор описываемого им народа, если бы таковое действительно имело место, тем более в XVII в., что называется непосредственно у него на глазах.

Во-вторых, книга путешествия Эвлия Челеби, лично побывавшего в ряде пунктов абхазского побережья и давшего конкретное описание двадцати пяти "племен" народа абаза, в том числе Десяти горских обществ (хотя "в горы он ходил"), неоспоримо свидетельствует о том, что вся территория "страны Абаза" — от "Мегрелистана" и абхазского общества пушерхи вблизи мегрелов до "Черкестана" — сплошь была населена многоплеменными абазами, то есть собственно абхазами, джигетами (садзами), абазинами, убыхами при отсутствии среди них сколько-нибудь заметных иноэтнических элементов, начиная от "племени чач" на границе с Мегрелией (которые, кстати, "между собой говорят также и по-мегрельски") (39), и кончая "племенем кутаси" недалеко от Анапы, также "знающими и черкесский язык" (40).

И все-таки, как сказано, вызывает большое недоумение противоречивое сообщение Челеби о границе между абхазами и мегрелами. В его описании содержатся четкие указания о том, что такой границей является р. Риони. Челеби фактически утверждает, по крайней мере, о частичном абхазо-мегрельском двуязычии приморского "главного племени" Абхазии (Чач), которые "говорят также и по-мегрельски". По его словам, на восточной стороне Риони лежат уже полностью мегрельские деревни, на западной — абхазские или, скорее

=====

44

=====

абхазские и мегрельские. Переправившись через Риони (Фазис), путешественники держали путь к западу и шли целый день по абхазскому берегу — от Фазиса до замка Анапского (41).

Это сообщение, хотя оно и противоречит одновременным описаниям Арк. Ламберти и других авторов о распространении мегрельского элемента на запад до р. Кодор, мы не должны, мне кажется, полностью игнорировать и сбрасывать со счетов, как пустую случайность или выдумку самого автора, который, казалось бы, не должен был допускать

такую грубую ошибку. Здесь есть над чем задуматься (42).

Может быть, что Челеби отразил то положение, при котором какая-то (возможно, господствующая) часть населения узкой прибрежной полосы, подвергнувшись в основном уже мегрельской языковой ассимиляции, сохраняла еще сознание своей былой этнической принадлежности к абхазам. Этническое название "чач", бесспорно, связано с Чачба — абхазской формой фамильного имени владельцев Абхазии, распространявших временами свое влияние и далеко за пределами своего княжества.

=====

45

=====

Хотя у Челеби действительно встречаются отдельные противоречивые утверждения, по существу только одно несоответствие — путешественники весь день плыли от Фаши до страны Абаза (43), а это не согласуется с его же убеждением о Риони, как о пограничной реке между Мегрелией и Абхазией, но он сам, как видно, не сомневается в предлагаемой локализации "Абхазистана" в целом — от Фаши до Анапы. Причем исключается смешивание различных этнических групп: автор, как правило, безошибочно отличает мегрелов от абхазов, а этих последних — от черкесов и т.д. Может быть, Челеби по традиции, восходящей к эпохе Абхазского царства употреблял термин "абаза" в самом широком смысле, охватывая им не только собственно абхазов и абазин, убыхов и часть черкесов (до Анапы), но также и тех мегрелов, которые обитали (возможно, отчасти вместе с абхазами) на правой стороне Риони.

Одним словом, несмотря на явную, по-видимому, ошибочность неоднократного и однозначного утверждения Челеби об абхазо-мегрельской границе по Риони к середине XVII века, как-то трудно поддается пониманию такая несуразность со стороны хорошо осведомленного автора, лично наблюдавшего обстановку на месте.

Ал. Цагарели в своих "Мингрельских этюдах", написанных в 1876-1879 годах, т.е. в период массового махаджирского выселения абхазов и связанного с этим сокращения ареала функционирования абхазского языка, сообщает интересные сведения о пределах распространения абхазского языка в юго-восточном направлении. Согласно его данным, еще во второй половине 70-х годов XIX в. на абхазском языке говорили

=====

46

=====

многие жители не только во внутренних частях Самурзакана, особенно мужчины и представители высшего сословия, но кое-где и на левом берегу р. Ингури. Говоря о соприкосновении абхазского языка с мегрельским в этом районе, он пишет: "Есть общины, села и поселки в Самурзакано, в которых языком семьи и общества служит мингрельский язык и где однако между мужчинами знание абхазского языка довольно распространено. Эти местности обнимают пространство между правым берегом р. Ингури и незначительной речкой Эртис-цхали, или Эрис-цхари" (44). Приводятся, например, имена поручика кн. Кваджи Акиртава (45) из сел. Тчубурхинджи (точнее Чубурхинджи) на левом берегу р. Ингури и кн. Бахвы Чиковани (46) из окрестностей села Джвари (на обоих берегах р. Ингури) как лиц, "одинаково хорошо владеющих абхазским, мингрельским и грузинским языками" (47).

Во второй "Книге путешествий" Эвл. Челеби, обобщая свои впечатления о поездке по абхазскому побережью, вновь пишет, что "страна абхазов пролегает от Фазиса (Риони) вдоль по морскому берегу, на протяжении сорока дней в длину, при ширине от пяти дней до одного, действительно расположенные между абхазским Кютассии и черкесским Шана". А все абхазское население им подразделяется на две большие группы —

приморских и горных жителей. "К горным племенам абхазским" он относит Псху, Мункедлеби, Убыхи, Чаграй, Ала корейш, Чичакорес, Мача, Панчареш. Эти "племена" никогда не смешиваются с прибрежными абхазами, из которых, по Челеби, "самые лучшие и храбрые суть Садаша (Садша)" — общество на северо-западе страны, жители которого одинаково "хорошо говорят как абхазским, так и черкесским языками", хотя и причисляются к черкесам.

Итак, по Эвл. Челеби, в Абхазии середины XVII в. насчитывалось 25 приморских и горских "племен", главным из которых являлось абхазское племя Чач на юго-востоке страны, основная часть которого обитала на берегу моря. У них было сильное войско и целый ряд гаваней, главная из которых — большая пристань Лакба, в имени которой слабо проглядывает

=====

47

=====

старинное общенациональное название столицы Абхазии - Аква (А́уа). **"Непокорный и мятежный этот народ числом многие сотни тысяч"** — пишет он, имея в виду все племена Абаза. (*Подчеркнуто мной. — Ш.И.*). Все разводили овец, коз и свиней, сеяли пшеницу и гоми, вместе с мегрелами занимались захватом пленных друг у друга. И все это, — подчеркнем еще раз, — при абсолютном отсутствии указаний о каких-ли бо реальных или хотя бы мифических переселениях.

4. Арканджело Ламберти.

Итальянский католический священник XVII века Арканджело Ламберти появился в Мегрелии ко времени завершения пребывания там префекта миссии Конгрегации театинцев Пиетро Авитабиле, находившегося на этой должности с 1626 г. Ламберти состоял миссионером этой же Конгрегации во время правления Левана II Дадиани /1611-1657 гг./. В течение почти двух десятков лет он служил при Циппурийском /Джипурийском/ монастыре, на правом берегу Ингури, который находился в "руках" миссионеров, создавших там свое хозяйство, в том числе культурный сад. В 1654 году он издал в Неаполе свое "Описание Колхиды, называемой теперь Менгрелией..." (48). Это большое и в основном достоверное описание "только верных фактов" из жизни и быта мегрельского народа. Оно было переведено с итальянского оригинала на русский язык частично П. Юрченко /1876г./, а полностью К.Ф. Ганом в 1911 году. Ценность "Описания" состоит прежде всего в том, что оно основано, главным образом, на непосредственных продолжительных личных наблюдениях автора, который сам в предисловии указывает, что прожил в Мегрелии "почти восемнадцать лет и изъездил весь этот край" в 1633 -1650 годах. Неизвестно, когда и сколько времени, но побывал он и в Черкесии. Таким образом, хотя Ламберти свое сочинение

=====

48

=====

посвятил Мегрелии, где вел свою миссионерскую службу по поручению папы Урбана VIII, но попутно сообщает сведения и о некоторых соседних с Мегрелией народах: абхазах, черкесах, сванах, карачаевцах и других (49).

При всем важном значении этих сведений остается все же не совсем понятным то обстоятельство, что любознательный миссионер, живя так долго в непосредственной близости от Абхазии, ни разу не посетил ее внутренние области и что его сообщения об этой стране и ее жителях, разбросанные по книге, занимают в обширном сочинении, к

сожалению, слишком скромное место.

Когда-то "прежде", пишет Ламберти, грузинские цари были могущественны и власть их распространялась далеко — до Тавриза и Эрзрума, а со стороны Колхиды — до Каффы /Феодосия/. "Под владычеством грузинских царей, — читаем мы у него, — находились абхазы или абаски, черкесы и джики или цики". Он подчеркивает, что "за Колхидой, в странах абхазов и джиков стоят прекрасные храмы, выстроенные в грузинском стиле" (50). Как видим, Ламберти говорит не о каком-то переселении абхазов, а, наоборот, о том, что непосредственно за Мегрелией находятся "страны абхазов и джиков", которые представляются автору коренными жителями своей прибрежной страны и постоянными непосредственными северо-западными соседями мегрелов. Это он отмечает в целом ряде мест своей работы.

В описании сказано и о том, в частности, что современный автору мегрельский владетельный князь Леван женился на дочери абхазского князя Шервашидзе /Шарапши — Sciarapscia/ (51), которая была, якобы за измену, жестоко наказана отрезанием носа.

=====

49

=====

Собрав войско, Леван "отправился, взяв и ее, во владения ее отца, который, застигнутый врасплох, удалился в горы со всем своим народом. Дадияни же опустошил страну, уничтожил все огнем и мечом" (52). Там же мы находим и сведение об ответных нападениях абхазов на границы княжества Дадияни, которого Ламберти характеризует как "великодушного и благородного", "добрейшего", человека, забыв то, что сказано чуть выше им же самим о его безнравственности и вероломстве. И это несмотря на заверения о том, что в "рассказе читатель найдет только верные факты, беспристрастное описание" (55). Говоря об окружающих Колхиду, то есть Мегрелию, "варварских народах", Ламберти указывает, что "ближайшими являются абхазцы, аланы, сваны, карачаевцы, джики, черкесы. Все они именуются христианами, но живут без законов и занимаются охотой и грабежами. Разнообразие их наречий и языков удивительное". Примерно то же самое он говорит и в другом месте: "... ближайшие соседи Колхиды: сваны, абхазы, аланы, черкесы, зихи, карачаевцы. Все они хотя величают себя именем христиан, но ни по вере, ни по набожности ничего христианского у них совершенно не заметно" (56). "С северной стороны ближе всех /к мингрельцам/ живут те же кавказцы, которых турки называют абазами или абкассами" (57).

Конечно, здесь упомянуты не все "ближайшие соседи" Мегрелии /не названы, например, грузины, лазы, турки/. Крайне сомнительно, чтобы в первой половине XVII в. у перечисленных народов, особенно абхазов и сванов, было бы "совершенно не заметно ничего христианского". Но бесспорно то, что автор, пишущий о "происхождении" этих народов, не мог бы умолчать сведения о таком событии, как современное ему переселение с севера абхазов — этих "ближайших соседей Колхиды".

=====

50

=====

Одним словом, описание Арк. Ламберти и весь подтекст его сочинения не оставляют никакого сомнения в том, что именно собственно абхазы, ниоткуда не приходившие и отличающиеся своей этнической самобытностью, являлись обитателями своей "страны Абхазии", как коренные ее жители. Он считает само собой разумеющимся фактом традиционное проживание по соседству, в непосредственной смежности друг с другом, абхазского и мегрельского народов на своих исторических территориях вдоль кавказского побережья Черного моря.

О границах Колхиды /Мегрелии/ Ламберти пишет в разных местах своего труда и почти всегда аналогичным образом. Так, в авторском предисловии сказано: "В этом моем описании под именем Колхиды подразумевается та страна, которая лежит между рекой Кораксом /Кодором/ и Фазисом и которая называется Мингрелией, как это принято называть в наше время" (58). По существу то же самое мы читаем и в первой главе: "Границей Колхиды со стороны абхазцев или абасков служит река, называемая туземцами Кодором /Coddors/, а по моему мнению, он и есть древний Коракс" (59). Перечисление ближайших к Мегрелии народов он начинает, как мы видели, с абхазов (60). Укажем еще на одно место, где сказано: у Мегрелии две границы: Корач /Кодор/ и Фазис /Рион/ (61). Говоря о Драндском /Dandra/ монастыре, автор отмечает, что эта епископская церковь находится "на реке Кодоре, на границе с Абхазией" (62).

Наконец, завершая свою характеристику рек Колхиды, он снова обращает наше внимание на Кодор, но уже как на этнически пограничную реку. "Последняя из всех рек Коддорс /Кодор/; это должно быть Кораче, потому что вся Колхида расположена между Фазисом и Кораксом, и совершенно так, как Фазис отделяет Мингрелию от Гурии, так и Коракс отделяет ее от Абхазии, а как за Фазисом мингрельский язык сразу сменяется грузинским, так за Кораксом сменяется абхазским, отсюда ясно, что Коддорс мингрельцев есть древний Коракс,

====

51

====

потому что сейчас после переправы через Коддорс живут абхазы /Abcasi/ со своим особым языком" (63).

Итак, по Ламберти, жители Мегрелии обыкновенно называют свою страну Одиши, а другие — Мегрелией, которая лежит между Имеретией с юго-восточной и Абхазией с северо-западной стороны, изобилуя водой, реками, лесами и недоступными болотами на побережье, "замещающими, так сказать, стены и рвы" от вторжения врагов с моря, причем не только политическая, но и этническая граница между двумя народами и княжествами проходила в его время по Кодору.

Несмотря на все эти ясные указания хорошо информированного автора, вряд ли все же можно считать исключенными некоторые неточности в отношении этнической границы между абхазами и мегрелами к середине XVII в., тем более, что он был не совсем прав и по вопросу об юго-восточной границе Мегрелии, ибо, говоря словами комментатора, "Мингрелию от Имерети отделяет не Рион, а Цхени-цкали" (64).

Можно предполагать, что в результате ряда военно-политических акций одишских владетелей, начиная с Сабедиано, мегрелами было занято морское побережье на левой стороне нижнего течения Кодора, но выше в основном жили абхазы. Полное отрицание присутствия последних на всем пространстве между Кодором и Ингури трудно согласуется со многими существенными моментами этнокультурной истории этой части Абхазии, в том числе с описаниями самого Ламберти.

Так, говоря об одном животном /серне/, Ламберти отмечает, что он его сам "видел... и в Черкесии" (65).

Такого прямого указания о пребывании в Абхазии мы у него нигде не находим. Однако описание местоположения и некоторых особенностей Илорского, Бедийского и Моквского /"лежит на широкой равнине среди двух рек"/ монастырей склоняет к мысли, что автор, по всей вероятности, посещал эти места, которые, как он пишет, в его время входили в состав Мегрелии. Но что до самого Кодора ему не приходилось добираться, видно из следующих его слов: переправа через Рион и

====

52

=====

Кодор "без помощи лодки невозможна, потому что они очень широки и глубоки" (66).

Как известно, "очень широкой и глубокой" река Кодор не является, в обычное время ее легко переходили не только верхом на лошадях, но и пешком, да и лодками и галерами для преодоления этой быстротекущей даже в низовьях горной реки пользовались, по-видимому, очень мало и редко, в отличие от Риони (67). Риони /Фазис/ он подробно описал, ибо "видел своими собственными глазами" (68), чего нигде не сказано в отношении Кодора.

Хотя Ламберти нигде прямо не указывает, что он был в Абхазии, но сведения о ней и ее жителях, рассыпанные по книге, описание природных особенностей края, внешнего вида и быта абхазов, их занятий и, особенно, уникального, по его же словам, древнеабхазского обычая подвешивать покойников на деревьях с принесением в жертву их коней, о чем мы читаем в главе XXVIII (69), заставляют думать, что автор, по-видимому, путешествовал частично и среди абхазов, скорее всего в Самурзакане и Абжуа. Ибо он хранит полное молчание о каких-либо привлеченных информаторах или других источниках информации по абхазам, которыми он мог бы пользоваться.

Но если во время своих обследований Ламберти не доходил даже до самого Кодора /не говоря уже о внутренних частях Абхазии/, ничего не сообщает о Сухуме, лишь в одном месте только упоминает о Драндском, полностью молчит о Лыхненском, Пицундском, Цандрипшском и других христианских храмах, которыми вообще миссионер так живо интересовался, не указывает ни о каких своих литературных или прочих источниках по вопросам этнографии абхазского народа, то откуда же он мог черпать свои конкретные и порой весьма редкие сведения о специфических условиях жизни и быта абхазов? Остается только предположить, что он и в данном случае опирался главным образом на свои собственные полевые наблюдения и материалы, которые мог собирать в основном на территории современного Гальского и частично Очамчирского районов, где, наряду с мегрелами, продолжали жить

=====

53

=====

и коренные абхазы — носители отмеченных самим Ламберти абхазских этнокультурных особенностей.

Арк. Ламберти описывает Илорскую церковь св. Георгия, которую, как видно, он посещал. Это вытекает из характера его описания. Например, все иконы, указывает он, сделаны из серебра и золота "и украшены драгоценными камнями. Даже двери обшиты толстыми серебряными плитами... Этого святого боятся не только здешние жители, но и сами абхазы, очень искусные воры по природе, и турки, которые совершенно лишены света христианской религии; все они поклоняются этой святыне и боятся ее" (70). Ниже, говоря о знаменитом илорском "празднике быка", он также пишет: "Не только одишцы, но даже и абхазцы и сваны в большом числе приходят на этот праздник" (71).

Но могли ли абжуйские абхазы за столетие с небольшим сделаться столь ревностными почитателями этой церкви, если бы никто из них и их предков никогда не проживал в непосредственной близости от нее. Есть даже основание предполагать, что она была возведена, как почти повсюду в Абхазии, на месте древнеабхазского языческого святилища. Абхазы ее так и называют до сих пор — Илорское святилище /Елыр-Ныха/, которое к тому же неразрывно связано, согласно преданиям, и с некоторыми другими абхазскими коренными святилищами, как "брат с сестрой" /например, с Къач-ныха в с. Джгерда, Дыдрыпшь-ныха в с. Ачандара и др./.

Большое значение в исторической жизни Мегрелии Ламберти придает морю и горам, которые, обрамляя ее с южной и северной сторон, служили "природной защитой от

нападений врагов". По его описанию, на побережье была "масса лесов и болот". Только "в некоторых местах" со стороны моря не было "ни лесов, ни болот, и отсюда враг легко мог бы "проникнуть в глубь страны, и поэтому "искусством и старанием владельцев" "здесь для защиты этого-то прохода выстроили **несколько деревянных крепостей**, в которых стоит стража, вооруженная ружьями. **Такую же защиту** /Подчеркнуто мной — Ш.И./ они устроили также со стороны гор: так как в одном месте, которое называется Олуше /Olusce/, горы открыты и враг легко может зайти и опусто-

====
54
====

шить землю, то там с весьма большими расходами вывели пену, длиною в шестьдесят тысяч шагов и на известном расстоянии в ней находятся башни, занимаемые значительной стражей стрелков. Чтобы в них не было недостатка, одишские епископы, князья и знатные вельможи разделили между собой очередь помесечно, так что каждый помесечно охраняет это место своими людьми" (72).

На схематической карте, приведенной автором к своему "Описанию", Олуше показано где-то в верховьях р. Мокви /Галидзги?/, а сама стена тянется по подгорью примерно от верховьев р. Дваб (правого притока Мокви) до верховьев р. Окуми, то есть западный конец ее прерывается на значительном расстоянии от Кодора, восточный — от Ингури, а общая протяженность по прямой около 20-25 км. Что же касается неизвестного по другим источникам названия О-луш-е, то не является ли этот термин мегрельским оформлением /ср. о-цхен-е — "место пребывания лошадей", "конюшня") редкого уже абхазского /бзыбского/ фамильного имени Лушба /Лшэаа, Лышэба/. Возможно, что фамилия эта представляет собой остаток некогда значительного родоплеменного объединения, проживавшего в предгорной части современных Очамчирского и Гальского районов. Интересно, что еще один не очень точно локализуемый топоним в верховьях Бзыби также связан с этой фамилией и в переводе означает "Ворота Лушба" /Лышэгуашэ/.

Следовательно, если судить по указанной схеме, дадиановская стена защищала Мегрелию не от абхазов, живущих за Кодором, и не от северокавказцев, вторгавшихся сюда по Клухорской дороге, а в основном только закрывала выход из ущелья р. Галидзги. Однако галидзгинское ущелье из-за отсутствия в этом районе подходящих перевальных путей, подобных клухорскому, не представляло собой большой опасности. Может быть, строители оборонительной линии заботились о защите "предгорной дороги" /Аху а/ или о спасении равнинных жителей, которые, в случае вражеского вторжения со стороны моря, могли бы временно укрываться за стеной, питаясь дичью, водившейся в ущель-

====
55
====

ях в изобилии. Но это все же лишь один из недостаточно убедительных вариантов объяснения достаточно загадочной стены. Тем более, если учесть слова документа о том, что в районе Олуше "горы открыты и враг легко может зайти и опустошить землю."

Не будем вдаваться в подробности сложной историографии этого вопроса. Несомненно, на мой взгляд, только одно: нет ни логических, ни достаточных фактических данных для отождествления Дадиановской стены с Келасурской: мегрельский князь лишь частично восстановил относительно небольшой отрезок древней стены. Эти оборонительные линии совершенно разные по времени, размерам, мощности и архитектуре сооружения.

Келасурская, или т.н. Великая Абхазская стена, в основе своей — сооружение, вероятно, раннесредневекового времени и представляет собой не ламбертиевскую "деревянную крепость", построенную "в одном месте" под именем Олуше, а мощные и исключительно

каменные сооружения длиною не в 60 тысяч шагов, а около ста километров по всему предгорью от устья Келасури до Ингури. К тому же, по Ламберти, Мегрелия в то время простиралась только до Кодора, а как же в таком случае тогдашние мегрельские правители /если даже допустить, что они были в состоянии осилить такое гигантское строительство/ могли возвести важнейшую часть этой стены — от устья Келасури до Кодора — на чужой земле, то есть на территории того княжества, которым Дадзиани находились в состоянии постоянной конфронтации. Короче говоря, кто создает свои оборонительные сооружения, так сказать, во дворе неприятеля, какой такой "добрый" сосед разрешит это сделать? Таких чудес история не знает.

Несколько слов о социально-экономической жизни позднесредневековой Мегрелии и Абхазии по данным Арк. Ламберти. В частности, он неоднократно подчеркивает необычайную подвижность мегрельского населения. Вот несколько выдержек из его сочинения: "Чтоб наслаждаться различными местностями, мингрельцы постоянно переходят с одного места на другое" (73). Еще одна цитата: "Мингрельцы... избегают постоянного ме-

=====

56

=====

ста жительства... Они желают каждый день перемещать место жительства" (74). В другом месте он пишет еще сильнее: "Вся жизнь мингрельца непрерывная кочевка" (75).

Если даже в этих словах есть элемент преувеличения, то все же совсем не верить автору у нас нет оснований. Но в чем же тогда причина склонности населения тогдашней Мегрелии к перемене мест? Вряд ли объяснение, предлагаемое самим автором, — "чтобы наслаждаться различными местностями", — является серьезным и верным, во всяком случае достаточным. Существовали, конечно, более глубокие социально-экономические и политические причины, вынуждавшие крестьян часто переходить с места на место и даже покидать родной край в поисках лучшей доли. Эти причины были связаны, в первую очередь, с феодальным строем, с его жестокостью и беззаконием, унижением человеческого достоинства, спасаясь от которого люди убегали куда глаза глядят.

Многие бежали из Мегрелии, особенно в Абхазию, тем более, что "во всей стране непроходимые леса и болота" (76).

Бежали однако не только от болот, сколько от крепостного гнета и безземелья, своеволия князей и дворян, которые, по Ламберти, за воровство, — а "воровали все", — за святотатство и другие преступления подвергали правонарушителей, согласно тому же свидетельству, различного рода беспощадным наказаниям — отрубали голову, ноги, руки, отрезали носы и уши, ослепляли с помощью огня, подвешивали одной рукой к дереву, изжаривали у костра, закапывали младенцев живыми в яму, продавали невольников туркам в рабство, надевали на шею железные ошейники, заковывали в цепи, сажали в тюрьму вместе со злыми собаками и т.д., а владетель, говорит далее Ламберти, "в такие убийства не вмешивался и говорил, что рабы — их /то

=====

57

=====

есть князей, — Ш.И./ собственность, и они могут с ними поступать, как хотят" (77).

Сам Леван не только отрезал нос и уши у своей жены и женился на своей тетке, жене дяди, но, по требованию последней, лично отравил двух своих сыновей, чтобы им не досталась в будущем власть.

Ламберти характеризует абхазов, наряду со многими кавказскими народами, как дикий, немиротворительный народ, "не имеющий ни денег, ни товаров" (78).

Кроме скотокрадства и других форм присвоения чужой собственности, автор в своем "Описании" уделяет немало внимания работорговле, которой в значительных масштабах занимались мегрелы, абхазы, черкесы, аланы /имеются в виду осетины/, джики и др., продавая свой товар туркам (79).

Много раз, — пишет Ламберти, — "я был очевидцем того, как муж продавал туркам свою жену только из-за того, что он заподозрил ее в колдовстве". Он вспоминает и такой факт. В 1633 году, во время нашествия персов, один карталинский дворянин продал в рабство какому-то турку свою мать за одну красивую лошадь (80). У него же в другом месте мы читаем, что "один из первейших вельмож одишских"... заманил 12 священников в церковь, велел затворить двери, заковал несчастных священнослужителей в цепи, остриг и отправил всех прямо на корабль, где продал туркам в рабство за разные товары (81). Можно ли, имея такую картину перед собой, всерьез говорить о каких-то особых преимуществах в отношении социально-экономического и культурного развития одного из рассматриваемых народов перед другими. "Все воровали" — не ближе ли к истине эти слова источника, чем утверждения иных современных авторов, которые, не считаясь с историческими условиями места и времени, чернят чужое прошлое, чтобы приукрасить свое. И является ли вместе с тем известная ламбертиевская характеристика — "В городах и крепостях абхазцы не живут, но /обыкновенно/ собираются десять или двад-

=====

58

=====

цать семейств одной фамилии, выбирают какое-нибудь возвышенное место, строят здесь из соломы несколько шалашей и обводят все крепким забором и глубоким рвом" , — если даже она стопроцентная правда, показателем такой уж дремучей отсталости народа для той эпохи, как это представляется иным любителям цитирования итальянского миссионера.

5. Жан Шарден. Иосиф Цампи. Джузеппе Миланский. Христофор Кастелли. Даппер.

Важное значение для изучения истории народов Закавказья, особенно Мегрелии, имеют и материалы крупнейшего французского путешественника XVII века Жана Шардена (83). Путешествие его в целом длилось два года /1672-1673/, в том числе в Мегрелии в течение трех или даже пяти месяцев (84) и проходило по маршруту: Париж — Константинополь — Каффа /Крым/ — Дузла /солеварни/ — близлежащее татарское селение со "множеством круглых и квадратных палаток" (85) — снова Каффа — Меотийский пролив /Меотийские болота/ — мыс Куодос /Корокондама/ — вдоль черкес-

=====

59

=====

ских /зихских/ берегов (86) — Изгаур /Мегрельский рейд/ - "пустынная местность, где нет ни одного дома" (87) и куда он прибыл 10 сентября 1672 года.

Таким образом, Шарден только проезжал мимо черкесских и абхазских гаваней и стоянок, ни разу, как видно, не сходя на берег. Вот почему, не располагая достоверными сведениями, он не стал "обозначать большее число мест" на составленной им карте Черного моря.

Автор описания, несомненно, был эрудированным и наблюдательным человеком /недаром он вез с собой "книги, бумаги и математические инструменты"/ (88), но в ряде случаев, в частности, когда речь идет об абхазо-черкесских этнографических группах, ему явно не хватает не только полноты и точности информации, но и объективности.

Например, он пишет, имея в виду черкесов, что "эти народы совсем дики" (89). Конечно, нельзя судить о степени цивилизованности народа, не имея с ним почти никакого соприкосновения.

Тем не менее, несмотря на недостатки и ограниченность конкретных материалов по абхазам, его сведения, несомненно, представляют собой важный источник наших знаний по истории и этнографии Абхазии XVII века. Тем более, что он, по его словам, "избегал всего сомнительного, о чем он не был бы хорошо осведомлен" (90).

"Абхазы, — пишет Шарден, — граничат с черкесами. Они занимают сто миль по морскому берегу, между Черкесией и Мегрелией. Они не так дики, как черкесы, но имеют ту же склонность к кражам и разбойничеству. С ними ведут торговлю с теми же предосторожностями, о которых я упоминал. Они имеют потребность в тех же предметах, что и соседи их, и, как и те, обменивают их на невольников обоюбого пола, меха, ланьи и тигровые шкуры, льняную пряжу, самшит, воск и мед.

=====

60

=====

Прокопий, в своей истории войны с персами, называет этот народ абазгами" (91).

Как мы видим, Шарден характеризует абхазов как жителей Абхазского побережья, генетически связанных с абазгами византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского, и занимавших в XVII в. территорию, протянувшуюся по морскому берегу на сто миль, или около 160-190 км между черкесами на северо-западе и мегрелами на юго-востоке, то есть, начиная примерно где-то в районе Большого Сочи и до Кодора /Ингури/. Он, как и его ближайший предшественник Ламберти, не только хранит на всем протяжении своего повествования полное молчание о каком-либо переселении абхазов на занимаемом ими побережье, но, напротив, отмечает их бессленное непрерывное проживание на этих местах в течение веков и тысячелетий.

Сведения Шардена о границе, которая отделяла в его время Абхазию от Мегрелии, можно сказать, в точности совпадает со свидетельством Ламберти. Говоря о географическом положении Колхиды /Мегрелии/, он пишет: "Коракс /Согах/ и Фазис /Phasis/ — реки, прославленные древними историками, называемые теперь Кодур и Рион, составляют ее границы. Первая отделяет ее от Абхазии, вторая - от Имеретии" (92).

По его словам, от моря к горам граница простиралась на 110 миль, а от Абхазии к Имеретинскому царству — на 60. О составе населения к востоку от Кодора автор конкретно ничего не сообщает, хотя и указывает, что проехал Мегрелию "из конца в конец" (93).

А что касается самого Изгаура, то есть гавани у левого приустья р. Кодор, то, как сказано, в шарденовские времена это была пустынная безлюдная местность без "единого дома", если не считать "шалашей из ветвей", которые ставились там только на случай прибытия кораблей с разными купеческими товарами (94). Совпадают шарденовские

=====

61

=====

сведения о западной границе Мегрелии с тем, что говорит об этом и другой его современник, упомянутый выше монах И. Цампи, рукопись которого французский путешественник включил в свою книгу. Так, Цампи, рассказывая, что современный ему имеретинский католикос управляет Мингрелией, Гурией, Абхазией и Сванетией, пишет: "Его метрополия находится в Пичиоте (95), близ границы Абхазии, и называется храмом святого Андрея или пресвятой девы Марии (96). Свое определение — "находится в Пицунде, близ границы Абхазии" — автор дополняет в следующей главе, где говорится о

Дранде /"дандрелийском епископе"/, как местности, находящейся тоже "у границы абхазов" (97). В главе "о мингрельских церквах" сказано, что из них "самая красивая церковь - Мокаурийская", то есть, вероятно, Моквская (98).

По его же словам, "абхазы населяют часть Колхиды", а "общим названием колхов обозначается несколько племен, почти не имеющих отличия одно от другого в отношении священных обрядов, а именно: абхазы, черкесы, аланы, сваны и другие..., которые в сущности составляют одну народность" (99).

Очень мало, к сожалению, рассказывает Шарден о крепостной стене, о которой говорилось выше. Колхида, читаем мы у него, **"была некогда защищена от абхазов с северной стороны в шестьдесят миль длины, которая давно уже разрушилась; леса ее служат ей теперь защитой и главной охраной"**, ибо страна "почти вся покрыта лесом" /Подчеркнуто мной. — Ш.И./ (100).

Слова "никогда" и "давно уже разрушилась", а также полное молчание автора о строительстве стены кем-либо из местных князей заставляют думать, что Шарден имел в виду

=====

62

=====

древнюю Келасурскую линию обороны. Тем более, что в других местах своей работы он не упускает случая отметить связь местных правителей с теми или иными фортификационными сооружениями на территории их страны.

Вот, например, что он пишет о Рухской крепости: "В Мингрелии нет ни городов, ни посадов, и всего лишь два селения на берегу моря; дома разбросаны по всей стране ... есть там девять или десять замков, из коих главный, называемый Рукс (101), служит местопребыванием князя мингрельского. Замок окружен каменной стеной, но так плохо построенной и такой тонкой, что его пробили бы самые малые полевые орудия" (102).

Каким представляется, по данным Шардена и его современников, этнический состав населения междуречья Кодор-Ингури? Как мы уже знаем, Шарден пишет о Кодоре, как о пограничной реке между Абхазией и Мегрелией. Но дальнейшее изложение, во всяком случае некоторые места его описания, создают впечатление, что речь идет об этой реке не как этническом рубеже, а как политической границе между двумя княжествами, что собственно Мегрелия начиналась на Ингуре /"Лангур" по его терминологии/ и простиралась далее на восток и что, наконец, абхазы, о которых он говорит многократно, являлись не только закодорскими жителями, но составляли если не все население, то коренную часть народа междуречья Кодор-Ингури, хотя у самого побережья местные люди почти не селились из-за его заболоченности, а также опасаясь нападения морских пиратов и продажи в рабство.

Об этом свидетельствует и удручающая обстановка, которую Шарден наблюдал в Исфаурской гавани, где в день прибытия он видел семь купеческих кораблей, но не заметил ни одного дома на берегу. По его описанию, Исфаур представлял собой отлогий морской берег, сплошь покрытый лесами (103).

=====

63

=====

Там находилась площадь в 250 на 50 шагов с улицей и 20 маленьких плетеных хижин для купцов по обеим сторонам дороги. Ничего другого на этом "главном рынке Мингрелии" не было, "даже ни одного крестьянского дома" (104), а только большое количество скованных и привязанных друг к другу рабов разного возраста и пола " и с дюжину голых крикунов с луками и стрелами, нагоняющих страх" (105). У Шардена написано, что

мегрельский князь пригласил абхазов на площадь против турок, а они "разоряют и жгут все, увозя людей и скот" и что "они недалеко от гавани" Исфаур, а вечером "мы увидели весь базар в огне" (106). "Война и набеги абхазцев сделали дорогу настолько опасной, что он не осмелился двинуться в путь", — рассказывал монах Цампи, вызванный Шарденом в Исфаур на помощь (107). "Война в Мингрелии доставляла нашим купцам выгоду, так как абхазцы приносили продавать им свою добычу" (108).

Кто же такие все эти "абхазцы", где более точно они жили? Текст шарденовского описания не дает нам прямого ответа этот вопрос. Однако не исключается, что они не какие-то "зарубежные" пришельцы, а из числа местных абжуйских жителей, тем более, что нигде не говорится о их приходе из-за Кодора.

Из контекста разговора Цампи, предостерегающего Шардена от поездки "в злую и дикую страну" (109), вытекает, что Мегрелия по-существу начинается не там, где ведется беседа, то есть в Исфауре, находившемся в левом приустье Кодора, а дальше, на Ингури, где служил и сам итальянский миссионер, пригласивший к себе французского путешественника и ознакомивший его с местными условиями.

=====

64

=====

Мне представляется, что в указанном здесь смысле, то есть, что Мегрелия начиналась не на Кодоре, а в основном на Ингури, можно понимать следующие слова и самого Шардена, которые им говорил, находясь со своими спутниками на исфаурском рейде: "Я сказал отцу Цампи, что несчастья, которые могут встретиться нам в Мингрелии..." (110); "... с утра до вечера приходит множество абхазцев и мингрельцев" (111); следуя же в Мингрелию, "мы рискуем подвергаться опасностям только в течение четырех дней, в каковой срок достигнем безопасного места" (112). Направляясь из Истаура в Анарги / Анаклию/ близ устья Ингури, "называемой туземцами Лангур" (113), мы сели в лодку со всем багажом нашим и товарами, закупленными на сто экю по моей просьбе отцом Цампи, как человеком, знающим, что имеет сбыт в Мингрелии" (114).

В дни, когда находились в Анарги, "абхазцы увели более 1200 человек, много мелкого скота и унесли большую добычу; они разграбили дом одного из театинцев" в Сипиасе /в четырех с половиной милях от Анарги /, а мегрельский "князь послал двух дворян к абхазскому князю, укоряя его и угрожая за его вероломство, за то, что, войдя в Мингрелию, он под присягой обещал охранять ее от турок, а между тем употребил свою рать на ее разграбление" (115) и т.д.

Таких примеров из путевых записей Шардена можно принести еще немало. И мог ли он, находясь в Исфауре, если бы этот пункт являлся мегрельским, говорить о поездке в Мегрелию? Иными словами, как можно отправляться в Мегрелию, пребывая в той же Мегрелии? Если путешественник пишет о "несча-

=====

65

=====

ствиях, которые могут встретиться ему в Мингрелии", то он знает, что он еще не добрался до этой страны. К этой же мысли склоняет и такая его фраза: "Следуя же в Мегрелию, мы рискуем подвергаться опасностям только в течение четырех дней". Выходит, что им нужно было еще четыре дня /по тогдашним временам/, чтобы доехать с грузом из Исфаура до настоящей Мегрелии. А подчеркнутое указание Шардена о том, что "с утра до вечера приходит множество абхазцев и мингрельцев", свидетельствует о том, вероятно, что в левобережных окрестностях Исфаура находились уже в то время как абхазские, так и мегрельские селения, а следовательно население было смешанным — абхазо-

мегрельским. К такому предположению склоняют внимательное прочтение и анализ всего текста шарденовского описания (116).

У Шардена мы находим мало конкретных материалов о других кавказских народах, а то, что он рассказывает о них, также нередко отличается или свойственным вообще ему пренебрежительным отношением к ним, как к "варварам", страдает противоречивостью. Вот один пример. Из древней истории видно, пишет Шарден, что "алланы назывались аланами, сваны — тцанами, жиги — зихами, карачеркесы — карачиолами", причем последних он характеризует как "северную отрасль" кавказских народов и "самый красивый народ в мире", которые "некогда были христианами" (117). А теперь, продолжает он, "ходят почти голыми", отъявленные убийцы и самые дерзкие воры на свете" и "кроме дара слова, нет в них почти ничего человеческого" (118).

Комментарии излишни.

Сохранились работы и других итальянцев, которые также одновременно с Ламберти находились в Мегрелии — миссионеров Джузеппе Джудиче Миланезе /Миланского/ и художника и врача Христофора Каstellи и др. 19 ноября 1633 года

=====

66

=====

они побывали в Илорской церкви, а оттуда отправились к мегрельскому князю Левану Дадиани, который предоставил в их распоряжение несколько человек, жилье и церковь, где Джузеппе Миланский проработал десять лет /посланный князем в Рим для вербовки новых миссионеров, он, возвращаясь обратно в Колхиду, умер в 1646 г. в константинопольской тюрьме, куда его заточили по приказу турецкого султана/. Его статьи о Мегрелии /Колхиде/, изданные на грузинском языке отдельной книгой с приложением части рисунков Хр. Каstellи, содержат также некоторые дополнительные сведения об Абхазии и абхазах. Например, в отношении Илорской церкви, находившейся в то время в ведении Бедийского епископа, ежегодного многолюдного Илорского праздника св. Георгия и приуроченной к этому дню /21 ноября/ ярмарки, куда собирались, если верить автору, до 20 тыс. человек. Он характеризует абхазов как храбрый народ, живущий на западной стороне от Мегрелии и занимающийся грабежами и продажей людей туркам. Описывает и семейную трагедию Дарундии /Танурии по русским источникам/ — дочери абхазского владетеля Сетемана /Абедзана по П.Авитабиле/ Шервашидзе и др. (119).

Неоценимое значение имеют материалы Хр. Каstellи. В его коллекции зарисовок, с надписями и приписками к ним, имеется целый ряд рисунков, посвященных абхазам и Абхазии. Среди них известные абхазские храмы, бытовые и батальонные сцены — князь в полном вооружении на коне, дворянин, вооруженный луком и стрелами и др. Интересны и несколько портретов: дочери абхазского владетеля с отрезанным носом, ее отца князя Сетемана, главного абхазского владетеля Беслыквы / Антония/ Шервашидзе с указанием о том, что последний встречал в кавказских горах иерусалимского архимандрита Никифора Николо Ирбаха /грузина Николоза Ирубакидзе Чолокашвили, бывшего до того послом царя Теймураза у папы римского/, и рисунок, где он со всей своей семьей в предгорьях, недалеко от моря, принимает благословение от него, и др. Среди иллюстраций мы находим также составленную художником карту Мегрелии, на которой дается такая же локализация упомянутой выше крепостной стены, как у Ламберти. От

=====

67

=====

него же мы узнаем, что главный владетель Беслыквы /Безалус/ Чарасина /Чарасия, Чачба/

живет в Пицунде и передал католикам малую церковь, стоящую позади престольного храма, что этот "дон Баслакус" имел братьев Соломона и Сетемана, что начальником Анакопийской крепости и пристани был Даут Чичадзе /Чичба/, которого крестил сам Кастелли, что абхазка Ордага прислуживала в их католической миссии, упоминает он и абхазку Гиметию (120).

Голландский путешественник XVII в. Даппер тоже пишет о стране Абогастес, Боказни или Абоказии /хотя сам считает, что более правильным являлось бы Афгазия/. По его словам, это часть Мегрелии /Колхиды/, но она "отделена от нее, поскольку над ней стоит особый князь /правитель/", граничит же с юга с Мегрелией по р. Купа. Вместе с тем, как это ни странно, он указывает границей и р. Фасо /Фазис, Риони/. Ее города — "великолепная" Прецунда /Пицунда/ и Эчисумуни /Сухуми/ с прекрасной гаванью, куда ежегодно приходят корабли из разных городов. Он пишет, что абхазцы торгуют мехами всех видов, кожами, воском, рабами и многочисленными соколами, которыми снабжают Константинополь, Грузию и Персию. Однако денег не употребляют. Занимаются скотоводством и охотой. Описывает он и обряды "воздушного" погребения и посвящения коня, а также кое-что и другое, повторяемое за Луккой и Ламберти. По его словам, Абхазия страна "превосходная для здоровья", а сами "абказы" или "абафсы", абаза (по-турецки), "прекрасно сложены, красивы, с замечательным цветом кожи, сильные и способные исполнять все виды работы", и "турки очень высоко ценят рабов-абхазов из-за их красоты" (121).

====
68
=====

6. Николай Витсен. Энгельберт Кемпфер.

Сообщения о черкесах и некоторых соседних с ними народах содержатся в изданном в 1692 году очерке известного голландского государственного деятеля XVII — начала XVIII вв. Николая Витсена. Правда, он не был ни в Абхазии, ни на Северном Кавказе, но посланный в течение года работать в московском посольстве Нидерландов, имел широкие возможности для собирания большого литературного и прочего материала о соседних с Россией областях и странах. "Земля черкесов, — читаем мы у Витсена, — лежит у самых гор; с правой стороны Черное море, где живет народ, называемый абаса, абхазы или абассы, страна которых находится под властью двух государей", а недалеко оттуда живет еще народ "лезов" /лазов/, граничащих с Грузией. По соседству с абхазами находятся также черкесы и мегрелы, с которыми абхазы "иногда воюют", "говорят на особом языке", "христиане по имени" /а не по существу/, "большие воры", "смелые мореплаватели и иногда из-за них бывает опасно плавание из Каффы в Константинополь"; "одеваются как черкесы", "очень ленивы: не ловят рыбу в море, хотя она там в изобилии" (122).

Одним словом, согласно Витсену, абхазы — это народ мореплавателей Черноморского побережья Кавказа, живущий в окружении черкесских племен, с одной стороны, мегрелов и лазов, с другой.

В том же плане, но более точно определяется географическое положение абхазов и в книге крупного немецкого путешественника и ученого конца XVII — начала XVIII вв. Энгельберта Кемпфера, тезисно писавшего о том, что "с черкесами граничат абхазы на расстоянии 100 французских миль до Мингрелии" (123).

7. Царевич Вахушти.

Перу известного грузинского ученого XVIII века, сына царя Вахтанга VI, Вахушти Багратиони /1696-1757/ принадле-

жит большая работа под названием "История Грузии", в которой освещаются вопросы географии и исторического прошлого Грузии и Абхазии, с древних времен почти до середины XVIII столетия. Из всего многообразия содержания этого труда меня в данном случае больше интересовали сведения, связанные с Абхазией, ее населением, социально-экономическим развитием и ее этнополитическими границами в XVII — XVIII вв., причем я пользовался в основном соответствующими разделами сборника Г.А. Амичба (124).

Согласно описаниям Вахушти, на побережье Черного моря, к северо-западу от грузинских земель, лежит страна под названием Абхазия (Апхазети), населенная абхазами (апхазта). Можно сказать, что он рассматривает Абхазию и ее народ в определенном этнокультурном и политическом единстве с непосредственно примыкающей к ней с западной стороны Джигетией и джигетами (джигами). На это указывает, в частности, то, что Абхазия и Джигетия, абхазы и джигеты, как правило, всегда упоминаются вместе, рядом друг с другом, как нечто единое целое. Например: "Вахтанг... взял у греков Джикети вместе с Абхазией"; в Абхазию "некоторые включают пределы Джикети до моря"; "сия страна во всем /подобна/ Абхазии", в том числе "обычаями и нравами"; "Дадиани получил Одиши, Гуриели — Гурию, Шарвашидзе — абхазов и джиков"; "Георгий Дадиани заполучил наемные войска абхазов, джиков и черкесов и прибыл /из Абхазии/ в Одиши." Обращает на себя внимание и само двуединое словосочетание "абхазо-джики" (125) (апхаз-джикитурт) и т.д.

Опираясь на грузинские летописи и лишь кое-где дополняя и уточняя их, Вахушти пересказывает содержание известных

ему источников по истории Абхазии. В частности, пишет о ее правителях /эриставах/ Леоне I и Леоне II, который "сел приставом в Анакопии", овладел всей Эгриси и "назвался царем абхазов, распространил название своего эриставства на Эгриси, построил Кутаиси и сделал его "подобно Анакопии", своим "вторым стольным" городом (126) и др.

Заслуживают внимания сообщения Вахушти о старинных абхазских привилегированных фамилиях. Среди таких фамилий, "которые пишутся эриставами", он упоминает Качибадзе, Шарвашидзе, Анчапидзе /Анчабадзе, по-абхазски Ачба/. Вахушти пишет: "Мачабели говорят /что они/ Анчапидзе, пришедшие из Абхазии". Владетелями абхазов называет князей Шервашидзе, "ниже /него стоят/ Анчапидзе", а гурийские Шервашидзе, указывает он, все "выходцы из Абхазии" (127). У Вахушти мы встречаем упоминание одного Шервашидзе, как "владетеля Абхазии" еще в первой половине XIV века. Он называет и другого владетеля из того же рода, который со своими "абхазцами" в начале XV века /1414 год/ отразил поход одишского князя Мамаи Дадиани (128).

Судя по материалам Вахушти, нельзя сказать, чтобы Абхазия сколько-нибудь существенно отставала в своем социально-экономическом развитии от соседних стран и народов. Вспомним, например, его характеристику Лыхны — тогдашней резиденции абхазских владетелей /"Зупу вроде маленького города, дворец и место пребывания Шервашидзе, который владеет над абхазами и не зависит ни от кого"/ (129), а всей Абхазии как страны, которая "изобилует всевозможными плодами", в том числе "всякими зерновыми /злаками/, фруктами, виноградниками". Широко известно его красочное описание самобытной породы абхазской козы высокими рогами и длинной бородой, его свидетельство об умении абхазов плавать по морю на своих знаменитых судах, вмещавших от ста до трехсот человек, о их "могуществе" во время морских сражений, а

также о том, что они,

====

71

====

хотя и "причисляются к идолопоклонникам", но "весьма чтут священников", почитают гостей, "имеют свой собственный язык, но знатные люди владеют также грузинским" (130) и т.д.

Уникальный обычай "воздушного погребения", впервые отмеченный у колхов Нимфодором Сиракузским и Аполлоном Родосским /III в. до н.э./, а археологически засвидетельствованный еще с III тыс. до н.э. и сохранявшийся в быту абхазов, а отчасти и адыгов вплоть до позднейшего средневековья, как об этом пишут разные авторы, в том числе Лукка, Челеби, Ламберти и сам Вахушти, является одним из неопровержимых доказательств аборигенности абхазов на занимаемой ими территории, этнокультурной преемственности на абхазском побережье.

О западной границе Мегрелии /Одиши/ Вахушти рассказывает в разных местах своего сочинения. "Границами Одиши являются ..., - пишет он, — с запада — Черное море и малая Анакопийская гора", хотя и знает о том, что с конца 70-х годов XVII в. абхазские правители расширили юго-восточные пределы своего владения до р. Ингури (131). Он говорит, что эта граница проходила у некогда "превосходного", но к его времени "опустевшего" города Анакопии (132). "Запад от Анакопи есть Абхазия", — сказано у него (133).

В то же время историк указывает: "В настоящее же время до реки Эгриси занимают абхазы". Об Одиши и Анакопии говорится и в других местах (134). Рассказывая о расширении юго-восточных границ Абхазии до р. Ингури /Эгриси/ в начале 80-х годов XVII века, Вахушти пишет: "Однако в Одиши было горе большое, как описано нами, /исходившее / в основном от абхазов; ибо приходили /они/ на лодках и по суше, и полонили /одишцев/, овладели вплоть до реки Эгриси и заселились сами же абхазы ..." (135).

Таким образом, все основные сообщения Вахушти — о хозяйственных занятиях жителей Абхазии, о том, что кн.

====

72

====

Шервашидзе "владеет абхазцами, не подчиняясь никому", о мореходстве абхазов и их ладьях, вмещающих до 300 человек, об их обычае класть гробы с мертвецами на деревьях, о Джикетии как "стране за Абхазией, к западу от Каппетис-цкали", и что она "всцело подобна Абхазии" и др. — являются очень ценными и важными. Особняком стоят, однако, его сведения о том, что в его время Абхазия находилась "к западу от Анакопии", а отсюда "простиралась до реки Каппети", то есть только до Бзыби. Это противоречит всем источникам, о которых говорилось выше, и вообще не соответствует действительности, если только автор под Абхазией не подразумевал лишь часть ее — историческую Абазгию.

8. Яков Рейнеггс

В конце XVIII в. (1797 г.) немецкий ученый доктор Яков Рейнеггс издал свое "Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа". Автор объездил Кавказ, побывал и в Абхазии, в частности, в Пицунде (Безонта), Лыхнах (Суппу), Анакопии (Анакуфе), Сухуми (Сагхуми), Анаклии (Анаклея) и др. Встречался с местными жителями, собирал

сведения о их языке, хозяйственных занятиях (земледелии, скотоводстве, пчеловодстве, обработке железа, "из которого выделывают прекрасную сталь", серебряных рудниках, доступ к которым абхазами был запрещен, обработке хлопчатобумажной нити, вывозившейся в Смирну и Салоники), о борьбе абхазского народа "против пророка и его заместителя великого султана" ("возмущение 1771 года"), о религиозном состоянии абхазов, их преданиях, верованиях и т.д.

Для нашей темы особое значение имеет свидетельство Рейнеггса о северо-западных и юго-восточных пределах распространения абхазов на рубеже XVIII - XIX вв., когда он объездил всю Абхазию. Рейнеггс называет почти все народы и этнические группы, в непосредственном окружении которых исстари находились абхазы — шапсугов, абазин, сванов и мегрелов.

Свое описание абхазов, их страны, истории и обычаев Рейнеггс начинает с указания о том, что "Безонта и вся юго-западная полоса гордийских гор принадлежит сильному, боево-

=====

73

=====

му древнему народу, который называет себя Абхаз (Абгз) и свою страну "Аваза". Она граничит, — продолжает он, — "на северо-западе с племенем Шапсик, на северо-востоке с Соани, на юго-востоке с рекой Энгури и владениями "Мингрелии", а вместе с тем отмечает и "большую абхазскую деревню, лежащую... у реки Энгури под названием Куг. Рейнеггс указывает также на "город, а около него крепость Анаклею у правого берега реки Энгури и ее слияния с морем. Это резиденция абхазского князя Левана Сервазитсе" (136) (само название Анаклея, Анаклия происходит от абхазского "Акра" — маяк).

Таким образом, исходя из рейнеггсовского описания и других достоверных источников, можно заключить, что в конце XVIII в. юго-восточная этническая граница абхазов (впрочем как и политическая граница Абхазского княжества) проходила непосредственно по правобережью нижнего течения р. Ингури вплоть до ее впадения в море, на приустье которой был расположен город-крепость Акра (Анаклия). И ни одного слова о их миграции откуда бы то ни было. Напротив, абхазы характеризуются Рейнеггсом как коренной "древний народ".

=====

74

=====

Примечания

1 "Книга знаний обо всех королевствах, странах и владениях, имеющих в мире, гербах и эмблемах каждой страны и владения или же королей и владетелей, правящих ими, написанная испанским францисканцем в середине XIV века" (впервые опубликована в 1877 г., отпечатана для Общества Хаклит, 1912 г., Лондон, на англ. яз.); см. также Циала Чачибая. Сан-Себастьян, 1350 г. — Газ. "Единение", апрель 1991 г., с. 7; Омар Бегуаа. Абхазский атарчей... В журн. "Апсны аказара", 1990, N"2, с. 3.

2 Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404г.). /Из Сочинения "Книга познания мира"/. Баку, 1980, с. 18.

3 Там же, с. 20.

4 Там же, с. 18.

5 Там же, с. 19.

6 Там же.

- 7 Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси, 1970, с. 73.
- 8 И. Галонифонтибус. Указ. соч., с. 17.
- 9 См. "Записки императорского Новороссийского унив-та", т. 1, вып. I-II. Одесса. 1867, с. 102.
- 10 Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984. с. 40.
- 11 Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами... В сб.: "Адыги...", Нальчик, 1974, с. 47.
- 12 См. сб. "Адыги...", сс. 46,47.
- 13 Пайчадзе Д.Г. Антиосманская коалиция европейских стран и Грузия в 60-х годах XV века. Тбилиси, 1989 г. (на груз, яз.), с. 95.
- 14 Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М. — Л., 1936, сс. 62,63.
- 15 См. сб. "Адыги...", с. 68.
- 16 Там же, с. 69.
- 17 Там же. с. 71.
- 18 Там же, с. 72.
- 19 Там же, с. 70.
- 20 Жан де Лукка. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625г. ЗООИД, XI, 1879, с. 488, 492.
- 21 См. сб. "Адыги...", с. 70.
- 22 Цит. по З. В. Анчабадзе. Указ. соч., с. 295, 299, 302.
- 23 ЗООИД, т. XI. с. 492.
- 24 Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии... ЗООИД, XXIV. Одесса, 1902, сс. 100,105.
- 25 Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Выпуск 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983, с. 4,32,47.
- 26 См.: Ф.М. Алиев и др. "Книга путешествия" как источник по истории Закавказья. — Предисловие к указанному сочинению Эвлия Челеби, с. 5 сл.
- 27 Там же, с. 24.
- 28 Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 50.
- 29 Там же, с. 46.
- 30 Там же.
- 31 Там же, с. 47.
- 32 Кулач — мера длины (около 1,95 м).
- 33 Народ или племя Челеби обычно называет по имени господствующей фамнии, например: Чач-Чачба (Шервашидзе), Чанда и Арт в Абхазии, Чхетия и Чичуа в Лазистане и т.д.
- 34 Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 47-48.
- 35 Там же, с. 46.
- 36 Там же, с. 47.
- 37 Там же, с. 301 (примечание 7).
- 38 Там же, с. 47.
- 39 Там же, с. 49.
- 40 Там же, с. 53.
- 41 Э. Челеби. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. ЗООИД, т. 13, Одесса, 1875, с. 168-169.
- 42 Тем более, что следует учитывать и некоторые различия в разных переводах памятника. В цитированном здесь переводе 1875 года говорится, например, что Эвл. Челеби и его спутники "шли целый день по абхазскому берегу..." или о том, что племя чач "говорило тем же мингрельским языком", который в употреблении на левой стороне Фазиса, а в московском академическом издании 1983 года мы читаем эти же места в более уточненном переводе, а именно: "весь день плыли вдоль берега Черного моря и

достигли страны Абаза." "Племя чач. Между собою они говорят также и по-мегрельски, так как вся противоположная сторона реки Фаши является Мегрелистаном" (Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 47, 49). Разночтения очевидны, но мы придерживаемся текста академического издания, надо полагать, более правильного.

43 Может быть, челебиевские слова "весь день плыли... и достигли страна Абаза" следует понимать в том смысле, что путешественники, миновав Риони, за день доехали до основной гавани главного абхазского "племени" чач Лакба, то есть, вероятно, Сухуми, который по-абхазски называется Аква (А уа). Вслед за Лакбой Челеби перечисляет один за другим еще восемь абхазских пристаней (с юго-востока на северо-запад): Лачига, Гагра, Чанда, Липо (большая река), Араклар, Ливш, Харуна, Кутаси.

44 Ал. Цагарели. Мингрельские этюды. СПб., 1880, с. VII.

45 В оригинале это имя написано ошибочно — "Кважи".

46 В оригинале "Чикоани".

47 Ал. Цагарели. Указ. соч., с. VII.

48 Арканджело Ламберти. Описание Колхиды, называемой теперь Менгрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран с картой 1654 года.

Перевод итальянского К.Ф.Ган. СМОМПК, вып.43, Тифлис, 1913, сс. 128, 129, 176 и др.

49 См. вступительную статью В.К.Гарданова к тексту Арканджело Ламберти в книге "Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв." Нальчик, 1974, сс.56-58.

50 Арканджело Ламберти. Указ. соч., с.9.

51 Там же, с. 18.

52 Там же, с. 18

53 Там же, с. 24

54 Там же, сс. 31,81.

55 Там же, с. 15.

56 Указ. сб. "Адыги, балкарцы и карачаевцы ...", с. 59.

57 Арканджело Ламберти. Описание Колхиды (ЗООИД), X, Одесса, 1877, с. 216.

58 Арканджело Ламберти. Указ. соч., с. 15.

59 Там же, с. 2.

60 Там же, с. 2,9.

61 Там же, с. 88.

62 Там же, с. 128.

63 Там же, с. 200-201.

64 Там же, с. 2.

65 Там же, с. 216.

66 Там же, с. 88.

67 Там же, с. 193-195.

68 Там же, с. 189-190.

69 Там же, с. 193.

70 Там же, с. 153.

71 Там же.

72 Там же, с. 185-186.

73 Там же, с. 219.

74 Там же, с. 114.

75 Там же, с. 28.

76 Там же, с. 28.

77 Там же, с. 83.

78 Там же, с. 24, 182.

79 Там же, с. 180-181.

80 Там же, с. 179.

81 Там же, с. 179.

82 Там же, с. 189.

- 83 Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 гг. Тифлис, 1902. По существу, однако, не вся эта работа принадлежит одному Ж.Шардену, если учесть, что он включил в свой труд в "дословном переводе" большую /около 60 страниц/ неопубликованную рукопись о состоянии христианской религии у мегрелов итальянского монаха Иосифа Цампи, прошедшего 23 года миссионером в Колхиде, которому, в противоположность французскому путешественнику, не знавшему туземных языков, были "отлично известны местные обряды и верования". Рукопись из 24 глав была подарена автором Шардену во время пребывания последнего в гостях у монаха в Мегрелии /Жан Шарден. Указ. соч., с. 39/.
- 84 Ж Шарден. Указ. соч., с. 156, 159.
- 85 Там же, с. 17.
- 86 В том числе несколько гаваней, куда стекались к прибытию судов "полуголые и жадные варвары", причем "торговлю с черкесами вели с оружием в руках" и заложниками. /Там же, с. 19/.
- 87 Ж. Шарден. Указ. соч., с. 20-21.
- 88 Там же, с. 14.
- 89 Там же, с. 20.
- 90 Там же, с. 21.
- 91 Там же, с. 20.
- 92 Там же, с. 21.
- 93 Там же.
- 94 Там же.
- 95 Так итальянский монах называет Пицунду.
- 96 Ж. Шарден. Указ соч., с. 45.
- 97 Там же, с. 46.
- 98 Там же, с. 53.
- 99 Там же, с. 21, 22.
- 100 Там же, с. 21, 22.
- 101 Рукс - это Рухи, но, согласно документу XV в., Мегрелия тогда представляла собой "небольшую страну со столицей Батум" (И. Шильтбергер. Указ. соч., с. 40.).
- 102 Ж.Шарден. Указ. соч., с. 28
- 103 Там же, с. 102.
- 104 Там же.
- 105 Там же, с. 103.
- 106 Там же, с. 104.
- 107 Там же, с. 106.
- 108 Там же, с. 108.
- 109 Там же, с. 105.
- 110 Там же, с. 106-107.
- 111 Там же, с. 107.
- 112 Там же.
- 113 Там же, с. 110.
- 114 Там же, с. 107.
- 115 Там же, с. 111.
- 116 Путь Шардена из Мегрелии пролегал по линии: Сипиас /резиденция театинцев на Ингури/ — Анаргия /Анаклия/ — Фазис /Риони/ — Гонио — Ахалцих — Сурам — Гори — Тифлис — Тегеран.
- 117 Ж.Шарден. Указ. соч., с. 21.
- 118 Там же, с. 22.
- 119 Дон Джузеппе из Милана. Письма о Грузии. XVII век. Перевел с итальянской, предисловием и примечаниями снабдил Бежан Гиоргадзе. Тбилиси, 1964, сс. 80-83, 96-47. /на груз из./
- 120 Кастелли Христофор. Альбом зарисовок и реляций. Перевод и комментарии Б.

Гиоргадзе. Тбилиси, 1977, сс. 15, 17; Чачхалиа Д. Абхазия в зарисовках Каstellи. 1600-1659". — "Апсны а азара", №5, 1991, С. 3-5.

121 Дампер Ольферт. Азия или подробное описание Великих Моголов, Персидского королевства, а также Грузии, Мегрелии, Черкесии и других соседних стран, из различных старых и новых материалов, путевых заметок, собранных О. Данпером, Д. Анитцо на нидерландском языке и переведенное на немецкий Йоханном Кристффом Беерном. Нюрнберг, 1681, С. 160-161.

122 Николай Витсен. Черкесия. - В кн. "Адыги...", с. 90.

123 "Адыги...", с. 118.

124 Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников.

Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и комментариями снабдил Г.А. Амичба. Тбилиси, 1988.

125 Амичба Г.А. Указ. соч., с. 128, 136,144. 151, 154, 158, 163.

126 Там же, с. 129.

127 Там же, с. 135-137.

128 Там же, с. 138.

129 Там же, с. 151

130 Там же, с. 152-154.

131 Там же, с. 146.

132 Там же, с. 150.

133 Там же.

134 Там же, с. 156.

135 Там же, с. 168.

136 Д-р Яков Рейнеггс. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. Вторая часть. Хильдесхайм и Санкт-Петербург, 1797, с. 4-13.

III. О том, где "зарыта собака"

Выше нам уже приходилось отмечать, что существует мнение о какой-то глубокой, чуть ли не прирожденной отсталости абхазов в эпоху позднего средневековья, о резком упадке их хозяйства и культуры в результате "засилия горских племен". Вот где, по Н. Ломоури, "зарыта собака". Опирается оно в основном на описания некоторых миссионеров и путешественников, которые, как известно, нередко были склонны изображать местных жителей "варварами". Отдельные из их современных комментаторов, пишущие об экономическом и культурном положении Абхазии того времени преимущественно со знаком минус, также порою слишком сгущают краски, проявляют односторонность и далеко не всегда учитывают противоположные свидетельства тех же источников, на которые они ссылаются.

В частности, когда пишут о "полном и безраздельном господстве в крае натурального хозяйства", об отсутствии здесь городов, денег и товаров у населения (1), о том, что жители не знали христианской религии, почти не занимались даже земледелием, предаваясь воровству и грабежам и т.д., нельзя обходить молчанием сведения другого характера, содержащиеся в тех или иных описаниях, которые позволяют нарисовать отнюдь не варварскую картину жизни абхазов. Например, как

====

75

====

мы могли убедиться из вышеизложенного, воровство или отсутствие городов и пр. было особенностью не одних абхазов. По словам Ламберти, в то время "воровали все" и "вся

жизнь мингрельцев непрерывная кочевка", а Шарден отмечает, что в Мингрелии тоже "нет ни городов, ни посадов".

Совершенно неправильно утверждение, что абхазы не занимались или почти не занимались земледелием. Вспоминаются в этой связи слова Челеби /и не только его/, что в Абхазии сеют пшеницу и гоми и получают большой урожай, все разводят овец, коз и свиней, а Шарден указывал, что они даже "продавали льняную пряжу".

Выше мы уже ссылались на сообщение Вахушти о Зупу /Лыхны/ как "маленьком городе" и резиденции владетельных князей Шервашидзе, а также на сведения Челеби о том, что страна абазы "имеет сильное войско" и "большую пристань Лакба в трехстах милях от Трапезунта". По Витсену, абхазы "смелые мореплаватели и иногда из-за них бывает опасно плавание из Каффы в Константинополь".

Рейнеггс писал, что "земледелие с избытком удовлетворяет потребности абхазов" и что они занимаются и скотоводством, и пчеловодством, и обработкой железа ("из которого выделывают прекрасную сталь" и оружие), выделкой хлопчатобумажной нити, вывозившейся в Смирну /Измил/ и Салоники, а своими рудниками /"заводы золотые и серебряные", сказано в договоре абхазского владетеля Сафарбея с русским правительством 1809 г./ они так дорожили, что доступ к ним чужих был ими запрещен. Знали они в какой-то степени и деньги, в частности, те немногие из них, которые все же проживали в Сухуме — единственном городе края (например в 1350 году, как об этом говорит вышеупомянутый Аноним).

Конечно, отставание абхазов в ряде областей социально-экономического и культурного развития нельзя отрицать. Но приходится повторить лишний раз о том, что такая отсталость была присуща не им одним, ее разделяли вместе с ними все ближайшие соседние народы. Необходимо учитывать и всеобщий закон неравномерного развития. Например, если фактом является вековое отставание абхазов в отношении создания своей письменности, как, впрочем, и громадного большинства других кавказских народов, то они же продвинулись далеко вперед в развитии, скажем, льноводства, скотоводства, судостроения и мореплавания, военного дела, производства вооружения (в том числе замечательных кремневок, кольчуг и пр.),

=====

76

=====

фольклора, уникальной бытовой культуры, включая их тончайший этикетный кодекс и другие формы хозяйственной и духовной жизни.

Имея все это в виду, надо быть очень осторожным при характеристике уровня культурного развития абхазского народа даже с учетом агрессии султанской Турции, ослабления позиций христианства, влияние которого окончательно подорвано здесь никогда не было (вспомним вахуштиевские слова о том, что абхазы "весьма чтут священников" и свидетельства многих других авторов о том, что нигде так не чтут христианские храмы, как у абхазов и грузин). А что касается языческих религиозных верований, то они во многом до сих пор сохраняют силу почти на всем Кавказе, в том числе в Грузии, особенно среди горцев.

Так, если говорить в самых кратких словах, обстоит дело с главным тезисом оппонента и его единомышленников по поводу того, где "зарыта собака", то есть катастрофического будто бы упадка хозяйства и культуры абхазов в XVII веке.

Примечания

1 Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959, с. 281-282.

2 В этой связи о многом говорит, в частности, характерное челебиевское сообщение о том, что абхазы, жившие в Стамбуле, отправляли своих детей в Абхазию для воспитания согласно обычаю предков, приобщения к национальной культуре и традициям.

IV. Говорят специалисты

Обозревая специальные исследования по истории Абхазии XVII-XIX вв., такие, например, как работы проф. И.Г. Антелава, проф. З.В. Анчабадзе, проф. Г.А. Дзидзария и др., можем совершенно точно констатировать, что ни у одного из этих ученых, которые опирались на всесторонний анализ широкого круга разнообразных источников, нельзя найти даже отдаленного намека на пребывание абхазов на Северном Кавказе и их миграционное движение на юг, к побережью.

Возьмем "Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков" И.Г. Антелава, в которых подробно исследуются такие вопросы, как образование самостоятельного Абхазского княжества, борьба абхазов против агрессии султанской Турции, экономическое состояние Абхазии и ее общественно-политический строй в XVII-XVIII веках и др. Там, в частности, мы читаем, что в конце XVII века Абхазия распадается на три феодальные владения. Как сказано в документе начала XIX века, "в царствование Тамары в Абхазии княжил Дадого Шервашидзе; потомки его в XVII веке братья Ростом, Джикешия и Квапу, сыновья Зегнака, поделили страну между собою. Старший из них — Ростом — занял первое место в Абхазии от р. Бзыби до Кодора; средний — Джикешия — область от Кодора до Галидзги, что на абхазском языке называется Абжуа, т. е. средняя область; что же касается младшего — Квапу, он занял местность от Галидзги до Ингури. Это последнее место, благодаря смутному времени, было относительно безлюдно, поэтому Квапу из Бзыби, т.е. владения старшего брата, **"переселил несколько семейств"** (*Подчеркнуто мной. — Ш.И.*) княжеских и дворянских фамилий, как то: Анчабадзе, Эмухвари,

====

78

====

Иналишвили, Маргания, Званбая, Лакербая и Акиртава" (1). Но это только внутренние эпизодические передвижения населения от одного конца страны в другой, от побережья к побережью, и такие в целом незначительные "переманивания" людей, как сказано у самого И.Г. Антелава, вряд ли могли существенно изменить этно-демографическую и языковую обстановку в крае.

Сошлемся также на З.В. Анчабадзе — одного из наиболее признанных авторитетов в области исторического абхазоведения. Признавая изменение этнических границ под воздействием разных причин, он в то же время всегда подчеркивал автохтонность абхазов на занимаемой ими ныне территории (исключая, быть может, юго-восточный сектор страны). Если же говорить конкретно об интересующем нас здесь периоде, то положение Абхазии в то время представлялось ему следующим образом.

В XVI в. Абхазия (вплоть до района Пицунды включительно) находилась в зависимости от Мегрельского княжества, политическая гегемония которого в Западной Грузии, включая Абхазию, сохранялась и в течение первой половины XVII века. Начиная, однако, с начала этого столетия, Абхазское княжество, отделившись от Мегрелии, выступает как фактически самостоятельная политическая сила (2). Но номинальная зависимость давала себя знать и в период правления мегрельского князя Левана II Дадиани (1611-1657 гг.), который, перейдя к оборонительной тактике в своих отношениях с абхазами, частично восстановил древнюю Келасурскую стену. В условиях непрерывной феодальной междоусобицы, на какой-то отрезок времени владетель Абхазии признавал себя вассалом

и картлийского царя Шах-Наваза (Вахтанг V) (1658-1675 гг.). О временном и эфемерном характере этой зависимости говорит и то, что именно во второй половине XVII в. особенно усиливаются набеги абхазских феодалов на Мегрелию, в результате чего, по свидетельству миссионера Цампи, Мегрелия "впала в состояние крайней разрухи... и постоянного страха". Таким образом, заключает З.В. Анчабадзе, в 80-х годах XVII в. абхазские феодалы захватили северные районы

=====

79

=====

Мегрелии вплоть до р. Ингури и, совершая набеги и на заингурские земли, "им удалось прочно утвердиться на приморской территории, расположенной между Кодори и Ингури" (3). У него же в другом месте сказано: "Южная этническая и политическая граница Абхазии в течение большей части XVII в. (до конца 70-х годов) проходила в основном по р. Кодор (в нижней его части)" (4). Еще одна цитата: "Как видно, абхазы этнически освоили вначале область между Кодором и Гализгой (Абжуа). Именно это обстоятельство, по-видимому, имел в виду Вахушти, когда он писал: "Абхазы овладели (территорией) до р. Эгриси и сами обосновались там" (5). И ни слова о приходе абхазов из-за гор. Напротив, говоря об абхазском обычае воздушного захоронения, З.В. Анчабадзе пишет: "Этот обряд является одним из красноречивых свидетельств автохтонности абхазов на занимаемой ими территории" (6).

З.В. Анчабадзе отвергает, как ошибочное, утверждение Эвл. Челеби о том, что граница между абхазами и мегрелами проходила в его время по Риони, считает, что оно "выражает" пережиточное представление об "Абхазии" как о политическом объединении, охватывавшем некогда всю Западную Грузию и черноморское побережье Кавказа вплоть до Анапы и далее" (7). Вместе с тем, опираясь на карту Арк. Ламберти, он отмечает, что северная граница Мегрелии XVII в. проходила не целиком по Кодору, а только по ее "среднему и нижнему течению" и что за пределами Келасурской "стены, в горах также проживали абхазы" (8). Несмотря на это, он в целом склоняется все же к тому, что в южной части современной Абхазии, особенно на территории, получившей впоследствии название Самурзакан, происходил к концу периода позднего средневековья "процесс абхазизации" живших там мегрелов. И этот процесс он связывает с сознательной политической деятельностью тогдашних абхазских владетелей, которые, чтобы утвердиться на занятой территории, "стали переселять

=====

80

=====

сюда абхазов /дворян и крестьян/. Таким образом, только "с конца XVII в., — заключает он, — здесь появилось постоянное абхазское население" (9).

Мы еще вернемся отчасти к некоторым сомнительным положениям и выводам З.В. Анчабадзе, а здесь подчеркнем еще раз главное — абсолютную несовместимость его концепции с представлениями о позднейшем появлении абхазского этнического элемента на территории современной Абхазской АССР.

А, может быть, другого мнения придерживается акад. К.В. Ломтатидзе — крупнейший авторитет в области абхазо-абазинovedения? Нет, она ничего не говорит о переселении абхазов с севера на юг, а, напротив, утверждает, что абзины, в частности, ашхарская субэтническая группа обитала в северо-западных районах исторической Абхазии, — эти микрорайоны автор называет конкретно, — и, по ее мнению, только в XIX в. перекочевала /как задолго до этого их соплеменники тапантовцы/ на северную сторону гор. "Сложная природа ашхарского диалекта, — указывает автор, — объясняется историческим

прошлым народа, говорящего на нем. На это место, где ашхарцы сейчас проживают — к берегам Инджика, они переселились в XIX в. с южных склонов Кавказского хребта. До этого они жили в Ахчипсоуском, Псхуском и других районах Абхазии. Не подлежит сомнению, что среди этих переселенцев встречались представители разных абхазских племен, например, садзов. В этом отношении обращают на себя внимание предания стариков. Ашхарские старики рассказывали нам, что кувинсковцы являются пришельцами из Ахчипсоу и Псху, а апсуйцы /чегереевцы/ — из Наху" (10).

Одним словом, все авторы XIV-XIX вв., писавшие об Абхазии и абхазах, — от Галонифонтибуса до Вахушти и Рейнеггса, — помещают "земли абхазов у Черного моря" (11), между мегрелами и черкесами, и ни один из них не говорит ни слова о их приходе сюда с Северного Кавказа или из других мест. Такого же единства мнения придерживаются фактически и все наиболее компетентные специалисты по истории Абхазии —

=====

81

=====

И.Г. Антелава, З.В. Анчабадзе, К.В. Ломтатидзе, Г.А. Дзидзария и др.

Среди неопровержимых доказательств аборигенности и несменяемости абхазов на занимаемой ими территории особое значение имеет, как указывалось и выше, их традиционная неразрывная связь с морем. Это нашло свое яркое отражение и в морской и судоходной лексике, широко представленной в абхазском языке. Однако на все эти факты сторонники "горной стихии" по незнанию, а скорее по нежеланию, не обращают, можно сказать, никакого внимания, потому, очевидно, что все это им свыше всякой меры не выгодно. А между тем хорошо известно, что в течение длинного ряда веков большого развития достигли не только у приморских черкесских и лазских племен, но особенно у абхазов мореходство и пиратство. Как об этом частично говорилось выше, абхазская речь и предания полны воспоминаний о неразрывном непосредственном общении абхазов с морем. Абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины, в частности, абхазское слово *апра* — "парус" было заимствовано грузинским языком (12). Фактов множество, но мы ограничимся одним характерным свидетельством. Генерал русской армии XIX в. И. Ф. Бларамберг в своем "Описании Кавказа" говорит, в частности, следующее: "Убыхи, чепсуги, гусие, занимающие устья речек Пейсва, Шиаке и Зуазе, впадающих в Черное море, **научились у своих соседей абхазцев заниматься пиратством**". (*Подчеркнуто мной. - Ш.И.*) (13). Как могли абхазы, живя вдали от моря, где-то на Северном Кавказе, сделаться такими образцовыми профессионалами в области мореплавания и пиратства, столь широкое развитие которых немислимо и без соответствующей многовековой традиции?

Эвл. Челеби, говоря о "стране Абаза", которая, по его словам, кончалась в районе Анапы (гавань Кутаси), как очевидец писал: "Все племена, у которых мы побывали и (земли которых) осмотрели от этой местности вплоть до реки Фаша, **живут на берегу моря... Непокорный и мятежный это народ, числом многие сотни тысяч**" (14). (*Подчеркнуто мной. — Ш.И.*)

Этот большой свободолюбивый народ, обитавший истари как на побережье, так и в нагорной части современной Абха-

=====

82

=====

зии, обладал всеми теми отличительными качествами, которые характеризуют любую самостоятельную этническую общность: своей территорией, своим особым языком,

включавшим несколько диалектов, своей неповторимой материальной и духовной культурой, развивавшейся в продолжение веков и тысячелетий в тесном взаимодействии с культурами окружающих генетически родственных и неродственных народов.

Примечания

- 1 Цит. по И.Г. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. Сухуми, 1949, с. 37-38.
- 2 Анчабадзе З.В. Указ. соч., с. 289.
- 3 Там же, с. 271.
- 4 Там же, с. 295.
- 5 Там же, с. 297.
- 6 Там же, с. 302.
- 7 Там же, с. 293-294.
- 8 Там же, с. 296.
- 9 Там же, с. 297
- 10 Ломтатидзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси. 1954, с. 232 /на груз. яз./.
- 11 Генрих-Юлиус Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. — В кн. "Адыги...", С. 266.
- 12 Акад. Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938, с. 87, 143.
- 13 Бларамберг И.Ф. Описание Кавказа... — В кн. "Адыги.с. 404.
- 14 Эвлия Челеби. Указ. соч., с. 53-54.

V. Об абхазском населении в междуречье Кодор-Ингури

Междуречье Кодор-Ингури — едва ли не основная часть этнической территории крупного древнеабхазского племени апсилов — было той пограничной полосой, где в течение длительного времени происходило продолжающееся до наших дней активное взаимодействие абхазского "племенного мира" с картвельским (грузинским, мегрельским). Абхазский "племенной мир" и его культура были представлены здесь в течение веков и тысячелетий, как об этом свидетельствуют многие исторические источники, начиная от археологии и кончая топонимией и фольклором.

В этой связи нельзя обойти молчанием самобытную "апсильскую" археологическую культуру, которую называют также цебельдинской. Цебельдинскую позднеантичную культуру изучали И.Г. Гзелишвили, К.И. Бердзенишвили, М.М Трапш, Ю.Н. Воронов, Г.К. Шамба, М.М. Гунба, Л.Г. Хрушкова, О.Х. Бгажба и др. Их раскопками в Цебельде и других местах выявлено большое количество оригинальных материалов. Эта специфичность является настолько значительной и яркой, что исследователи единодушно выделяют найденные здесь предметы в особую археологическую культуру — цебельдинскую, датируемую I-V вв. н.э. Цебельдинская культура, центром которой является Цебельда и прилегающие к ней территории, отличается целым рядом совершенно самобытных отличительных черт, отсутствующих или нехарактерных для любой другой области за пределами Абхазии. Главнейшим специфическим признаком этой культуры, отличающим ее от других культур, являются прежде всего одноручные и двуручные глиняные кувшины с чашеобразными венчиками, орнаментированные амфоры также с чашеобразными венчиками,

====

=====

женские и мужские украшения из бронзы, серебра, золота и железа. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что на левой стороне р. Кодор, в сел. Атара, М.М. Гунба в 1970 г. раскопаны могильники, в изобилии содержащие предметы как по составу, так и по формам относящиеся к той же Цебельдинской культуре (1). Были обнаружены предметы этой культуры в Очамчире и других местах, то есть она охватывала почти всю современную юго-восточную Абхазию, хотя не всеми грузинскими исследователями признается она абхазской.

Как можно судить на основе проведенных исследований, границы этой культуры простираются примерно от р. Келасури на северо-западе до р. Окуми на юго-востоке. Об ярко выраженном своеобразии археологической культуры района Цебельды говорит, в частности, и позднеантичная цебельдинская керамика, впервые открытая в быв. селе Ольгинское Гульрипшского района. Изучая ее, К.И. Бердзенишвили приходит к выводу, что большая часть этой керамики "стоит совершенно изолированно от синхронной глиняной посуды, распространенной на территории Грузии" (2). Подчеркивая уникальность этой керамики, как неразрывной части древнеабхазской (точнее — апсилийской) культуры, я в данном случае оставляю в стороне более чем сомнительные попытки названного автора увязать ее с "общегрузинским" религиозным культом, а самих апсильов, следуя Ингорокве, соответственно причислить к древнегрузинским племенам (3). Отмечу только два момента. Во-первых, автор противоречит сам себе: с одной стороны, правильно отмечает "совершенно изолированное" положение указанной керамики по отношению к синхронной грузинской керамической посуде, а с другой — пытается, вопреки фактам и логике, увязать ее с далекими от Абхазии религиозными верованиями грузин. Во-вторых, на ольгинских глиняных предметах она видит изображение головы свиньи, тогда как, по всей вероятности, это неясное и стертые наклепное украшение в виде головы барана или козла, что в огромной массе встречается на так называемой цебельдинской керамике. Были встречены, правда, изображения оле-

=====

85

=====

ня и быка, но это цельные ритуальные сосуды в виде этих животных.

Апсилы — один из основных этнических компонентов абхазского народа, в самоназвании которого (апсуа) звучит племенное имя, — занимали в течение веков территорию юго-восточной части современной Абхазии, а некогда, вероятно, и некоторые смежные районы западной Грузии. Н.В. Хоштария считала, например, что чхороцкуйские кремационные захоронения I-III пв. н.э. принадлежали апсилам (4).

В исторических источниках апсилы всегда упоминаются на Черноморском побережье Кавказа, всегда рядом с абазгами, всегда между последними и лазами и мегрелами. Самые крайние пределы территориального распространения апсильов, встречающиеся в греко-римских и других описаниях, — это неуточненная "область апсильев" Прокопия (возможно, где-то вблизи устья Ингури) на юго-востоке и Севастополь ("город Апсильи Цхум" грузинской летописи) на северо-западе. Южнее или севернее этих пунктов они почти нигде не отмечаются. Иначе говоря, современные южно-абхазские земли составляли центральную часть апсильской племенной территории. Но под натиском лазов и других причин в продолжение длительного времени происходило ее сокращение; соответственно менялись этнические границы, апсилы частично были отодвинуты на север, частично подвергались ассимиляции этническим освоением значительной части их земель.

Так в течение последнего столетия произошла ассимиляция абхазского населения современного Гальского (б. Самурзаканского) района. На смену абхазского языка пришел

мегрельский. С этим связано и постепенное изменение географической номенклатуры, исчезновение многих следов коренной и появление относительно новой топонимики в этом регионе Абхазии. Несмотря на это, путем полевых разысканий и изучения картографического материала и других источников и литературы удастся частично выявить не всеми еще забытые старые абхазские названия здешних рек и местностей. В той или иной степени они сохранились на всей территории района, но особенно в окумском секторе и выше, вплоть до альпийских гор, служивших истари местами летнего выпаса скота для жителей низин.

Приведем некоторые факты абхазской топонимики — названия местностей и рек указанного района. Начнем с гидро-

=====

86

=====

нимов, включая названия и тех местных мелких речушек, которых фактически уже нет по разным причинам (их не найдешь даже на самой подробной карте района).

Среди десятков абхазских наименований рек и водоемов района преобладают названия на куара, что в абхазском языке означает речку, ручеек. Например: Абзакуара, Акуара-Тбаа (Акуара-баа, т.е. "широкий ручеек") — на территории с. Пирвели Гали, Ахуацкуара и Маршанкуара — притоки р. Окуми, Акураейква (Акураеикуа) — приток р. Цхенцкари, Арасаракуара (с. Мзиури), Амракуара (или, может быть, Ашракуара) — приток р. Анария, Бацкуара (с. Мухури), Бужкуара (с. Гумуриши); Джихикуара, Дзагакуара и Шанцакуара (с. Чхуартал); Большая и Малая Еркуара (в верховьях — Тхирам), на современных картах — Эрцкали (б. Дад?), одна из них называется еще Вардзы (арзы) — приток Кохори; Мунцкуара (Мынзкуара) — теперь там Гальское море, Мых-куара (Мухкуара) — приток р. Речхкуара, Мышвкуара (Мышэкуара) — на территории Нов. Гали, Шашикуара — приток Б.Эрисцкали, Ходжкуара (Хуажэкуара) и др.

Ряд названий образован с помощью абхазского адзы (азы) и адзыхь (азыхь) — вода, река, родник, источник. К ним относятся: Адзыхь (Азыхь) — приток р. Шашикуара: Адзывры (Азыры) (второе ее название Гудаа) — вытекает из озера Бебесыр; Аергидзышра (Аергызышра) — озеро и местность, Апсха-Идзыхь (Апсха-Изыхь) — Царский источник в селе

Ачигвара и др.

Упомянем также Акыдра (акды по-абхазски "бревно") — источник в с. Речхи; Амцарха, то есть «огненная долина» — приток р. Охурей, Аруаш (Араш) — на горе Чамхарх, Аслангирей и Ачигвара — притоки р. Гагида, Бзана — приток Чхоуши (устье Ингури), Гуандра — речка и местность в северо-восточной части Абхазии, Накра — правый приток Ингури, Хецера (по-абхазски ахьацара — "грабовая роща") — на левом ее берегу. Общая, как видно, основа у гидронимов Окум (Окум) и Гум (Гумыста) и т.д.

В списке гор и горных местностей, составленном мною на основе полевых материалов и других источников и насчитывающем свыше 50 оронимов, представлены одни только абхазские названия и очень редко слова иноэтнической принадлежности. В составе этого материала немало названий, оформленных на шьха, что в абхазском выражает понятие "гора": Жыпшха, Жепишха (Жьыпшьха, Шьыпишьха) — гора Жипа (Жепа)

=====

87

=====

(возможно, от имени божества охоты Ажвейпш — Ажэипш), Речишха (Речашха) — гора Реча или Речская гора и др.; на ып (и ып) — место, стоянка: Гуджтып (Гуць ып) — стоянка (пастуха) Гуджа, Тенгизитып (енгыз и ып) — стоянка Тенгиза, Пашв итып

(Пашә и ып) — стоянка Пашва и др.; на локативный суффикс та (та): Арюта (Ар та), Ашта (Аш а), Дадал ичарта (Дадал ичар а или Дадал ичыр а) и др.; на рха — равнина, низина, долина: Кац-ирха — долина Каца (хребет на горе Ахахча); на хуа, ху — холм, возвышенность: Хуада, Ачамхарху (Ачамхарху) — кленовая вершина и др.; на абхазский показатель собирательности, обобщения ра: Акармара (А армара) — на р. Окуми, А мара — между Гумуриши и Очаке, Алашара, Анаара, Апшара (Апшьара), (5) Айсырра в Окумском ущелье, Амзара, Абгара, Ачырасра в тех же пределах и др. (6).

Вот названия горных местностей Самурзакана, которые мы находим в полевых материалах Б.В. Шинкуба, записанных им в 1948 году со слов старых бедийских пастухов Гажва Чкадуа и Гусара Аджинджал: Акыба, Амырчча (Амырчча), Анаара, Ар-рымва хуч (Ар-рым а хуч), Ар-рымва ду (Ар-рым а ду), Ахапквацв (Ахапквуацэ), Ацвгылара (Ацэгылара), Ачажвпа (Ачажэпа), Башкапсара (Башкапсара), Быквын-зтоу (Бы ун-зтоу), Едзаашра (Едзашьра), Отыр (О ыр), Панав (Пана), Хуаджал (Хуацал), Цакья-зтоу (Ца ья-зтоу), Джагуар-дзга (ьягуар—зга), Худзга (Хузга) (7), Чамхара-ахы (Чамхара-ахы) (8), Хинчкута (Хьынчкута) (9) и другие (10).

Может быть, все эти и другие названия даны пришедшими откуда-то сюда абхазскими пастухами, а не местным абхазским населением? Но это искусственное, если можно так выразиться, "сложносочиненное" объяснение, которое само еще нуждается в доказательстве. А главное состоит в том, что в рассматриваемом регионе отсутствует какой-либо доабхазский иноязычный топонимический субстратный слой, который не-

=====
88
=====

избежно должен был существовать, если бы абхазы были бы здесь позднейшими пришельцами. Иными словами, если бы мегрелы были древними коренными жителями Самурзакана, то там и в горах мы должны были иметь резкое преобладание не абхазских, а именно мегрельских названий местностей,

потому что мегрелы истари также широко занимались отгонным скотоводством, и такое первичное хозяйственное освоение ими близлежащих гор безусловно должно было бы найти свое соответствующее отражение и в "языке земли".

Как может легко убедиться всякий читатель, знающий абхазский язык, очень многие названия имеют совершенно прозрачную абхазскую этимологию. Ограничимся несколькими примерами: Акалама — бамбуковая, Акармара (А армара) — лианистая, Аисырра — осоковая, Алашара — светлая, Амзара — сосновая, Адзмах (Азмах) — болотистая, Анаара — наклонная, Апшыра (Апшыра) — смотровая, Нхыц (Нхы) — загорная, Окум-Арха (Окум-Арха) — окумская долина, Ауассара — место стрижки овец, Ацыгымва (Ацыгым а) — куньи тропы, Ахуца (Аху а) — подгорная (с. Окуми и вблизи него), Анаку (Ана у) — ледниковая (верх. Ингури) и т.д.

Ряд пунктов свое название получил по имени абхазских владельцев и феодалов, представителей других абхазских фамилий: Ах-Ихапы (Ах-Ихапы) — пещера владельца, Ачачба - абхазская форма фамилии владельцев Абхазии, Ачба-Икуара — речка кн. Ачба, Чаабалрхуа (Чебулурха) (по А.М. Павлинову, между Очамчирой и Зугдиди) и др.

Характерно, что абхазские названия местностей, в том числе альпийских гор, сохранились в памяти не только самурзаканских старожил, но даже и в некоторых местах внутренней Мегрелии. Так, по словам мегрельского пастуха Дионоза Шамуги из с. Мужава Целенджихского района, горы Аджба-икуара, что в переводе с абхазского означает "ручей Аджба", Букустоу (абх. Аба уы, Абы у зтоу — "содержащая пчелиную колоду"), Ашта (абх. Аш а — "поляна"), Башкапсара (абх. акапсара — "рассыпание") и Чамхарх (абх. ачамха — "клен") расположены "слева от р. Ингури", то есть на ее правобережье, а согласно Иосифу Кварацхелия (с. Джгали) на горе Гвандра берет свое

начало Хобис-Цкали (11).

=====
89
=====

Вот, наконец, некоторые из абхазских топонимов, связанных с укреплениями, фамильно-родовыми группами, религиозными верованиями и пр.

Укрепления, ограды, населенные пункты

	Название	Значение	Локализация
1	2	3	4
1	Абаагды	Разваленная крепость, досл. «безрогая» (от абх. Абаа – крепость, агды – безрогий).	Вблизи г. Гали (с. Мухури).
2	Абаажв (Абаажэ), по-мегрельски Абажу (12)	Старая (древняя) крепость (ажэ по-абхазски «старое».	С. Пирвели Гали
3	Абака (Аба а), мегр. Наабакаре (Нааба аре).	Памятник, монумент, надгробие (от абх. Аба а – «памятник»).	С. Царча
4	Абжигуара	Ограда (от абх. Агуара – «ограда», Абж – личное имя или название рода).	Между рр. Эрисцкали и Охурей.
5	Акра (Анакра на карте 1800 г., у А. Ламберти, Фр. Дюбуа и др. – Анакрия).	От абх. Акра – «маяк», наблюдательный пункт».	Устье р. Ингури (ср. Акра в устьях Дгаммыш и Тоумыш, а также в Пицундской роще).
6	Гал-Ху ы	Малый Гали (аху ы по-абхазски "малый, маленький»).	У г. Гали (совр. Пирвели Гали).
7	Акыдра (Акыдра)	Бревенчатое (место, укрепление), от абх. Акды – «бревно».	С. Речхи.

=====
90
=====

8	Ацангуара (А ангуара)	Ограда ацанов (от абх. А ан – миф. Племя карликов и агуара – «ограда».	С. Гуда, Гудаква (Гуда уа) исторических источников; ср. Аква (А уа) – абхазское название Сухуми.
9	Ачигвара (А гуара)	Ограда для коней (от абх. А ы – «лошадь», агуара – «ограда».	С. Ачигвара
10	Нарджхьоу-Абаа (Нарцхьоу-Абаа), второе тоже	Крепость Нарджхьоу.	С. Бедия (название Бедия существует с 999 года, когда там

	древнеабхазское название – Уатиацва (Уати а)		была построена церковь).
11	Речь-Абаа (Речь-Абаа) и др. (13)	Речхинская крепость (от абх. Абаа – «крепость»).	С. Речхи.

Названия, происходящие от имен абхазских родоплеменных групп

№№ п/п	Название	Значение	Локализация
1	2	3	4
1	Абаз	Ср.: «абаза» - самоназвание абазин.	С. Речхо-Цхири (14).

====
91
====

2	Атарба идзыхь (А арба изыхь).	Источник (рода) Тарба (азыхь – «источник», «родник»)	С. Чхуартал
3	Ажиба	Фамльное имя со значением «Золотарев» (от абх. Ахы – «золото»)	С. Гумуруши (на границе Окуми и Речхи)
4	Ачангуарта (А ангуар а)	Стоянка (рода) Чанба (гуар а – "ограда, «стойбище»)	С. Окуми
5	Гудзба (Гудзуба, Диха-Гудзуба)	Земля (холм) Гудзба	Холм у правого приустья р. Ингури
6	Капш-кыт (Қапшь-кы)	Село, община (рода) Капш	На границе сс. Окуми и Чхуартал
7	Наапхазури	Абхазское селище (досл. «Бывшее абхазское»)	С. Чубурхинджи (15)
8	Нажанео (совр. Нажанаури)	Селище абхазского (абхазо-черкесского) рода Жане (Ажанаа)	На берегу Ингури (Егури по грузинской летописи (16))
9	Сид (Сида)	Абхазо-абазинская фамилия (17)	Вблизи г. Гали
10	Чабалхуа (Чебалурхуа)	Община (рода) Чаабал (18)	В районе Окуми (19)

====
92
====

Можно привести и другие наименования самурзаканских населенных и других пунктов, восходящие по своему происхождению к абхазским названиям. Например, старый Александр Зухба, родом из самурзаканской «столицы» Окуми, рассказывал мне, что соседнее село Гумриш абхазы называли раньше своим древнеабхазским именем Гумрыпш (Гумрыпшь), из которого образовалась впоследствии мегрельская форма Гумриши. По-видимому, Гумрыпш генетически связан, как считает и К. С. Шакрыл, с абхазским родоплеменным названием «Гум», «Гумба» (20).

Топонимы, связанные с культом абхазов:

	Название	Значение	Локализация
1	Азаниш	Ср. абх. Азантха (Азантха) в с. Цебельда и на р. Бзыби	С. Лекухона (21)
2	Анана лтварта (Анана лтгар а)	Место восседания Ананы (абхазской богини пчел)	Ущ. Галидзги (XIII шахта)
3	Апарда (Апарда)	Занавес	С. Окуми
4	Ахаруа (Ахар а)	Культовый камень	С. Гумриши
5	Кыч-ныха (Кечь-ныха)	Святылище (рода) Кыч (аныха по-абхазски «святылище2»); ср. также храм в с. Джгерда Кыч-ныха, р. Кечь – приток Мдзымты, о-во Кечь у северо-кавказских абазин (23), холм и святылище Кыч в районе г. Зугдиди (24)	Между сс. Бедия и Окуми (22)
6	Лашкиндар	Божество собак	Ущ. р. Галидзги

=====

93

=====

7	Шашиквара (Шьашьыкуара)	Ручей Шаши, то есть, вероятно, река кузни Шашвы (Шьашэы)	Приток Б. Эрцкали
8	Шашкавара, Шагиквара (Шьашьыкуара)	Ручей Шаши	Ручей в с. Ачигвара
9	Шашиквара-ша	Ручей Шаши	Ручей в с. Царче
10	Шьагунаха (Шьагуны-ха)	Святылище (рода) Шьагу	С. Окуми
11	Швджина (Шэцьына, вероятно, от Шэпных)	Святылище стодубовой рощи (от абх. шэкы – «сто», аныха – «святылище», аць – «дуб»)	С.Окуми
12	Эргдзашира (у Т. Сахокиа) (25)	Место (восседания) жаждущего Аерг (бога дичи)	Перевал из Абхазии в Сванетию, озеро

=====

94

=====

Ряд названий местностей образован путем сочетания личного мужского (иногда фамильного) имени со староабхазским аабтра" (ааб ра, аап ра), означающим зимнюю стоянку мелкого рогатого скота в ущелье. Например, Мазиаабтра - "Стоянка Маза", Иуана иаабтра — "Стоянка Иуана", Хэатышь иаабтра — "Стоянка (представителей рода) Хватыш", Кик иаабтра — "Стоянка Кика" и др (26).

В недавно вышедшей своей книге, описывая горы, реки, озера и села Гальского района, В.А. Зухбая и Х.В. Зантарая приводят целый ряд названий бесспорно абхазского происхождения: Рекишха, Жепишха (27), Алашара, Анара (Анаара), Ашта, Айсырра, Ачигвара, Абажв, Патархуца, Маршаниквара, Авасаквара (Ауасаквара), Шашиквара (28), Аквариква, Адзуру, Апсха-Идзых (29), Ергуджарут (30), Адахвара (31) и др. (32). Однако они тщательно обходят щекотливый вопрос этнической принадлежности всех этих и подобных им наименований, как будто его и вовсе не существует. Не сказано ничего об этом и в особых главах, посвященных специально вопросам археологии, истории и

исторической географии района (последняя написана, к сожалению, только по данным карты Арк. Ламберти).

Авторы ценной в целом книги начинают свой исторический экскурс с совершенно правильного утверждения о том, что в прошлом, две тысячи лет назад, здесь (по их мнению, только "от Ингури до Галидзги") "обитало одно из древнейших абхазских племен — апсилы (апшилы)". И мы тем более вправе были ожидать от них поисков хотя бы каких-либо "абхазских следов" на этой территории. Если "абхазское племя апсилы" (33) и их

=====

95

=====

потомки проживали здесь, как мы считаем, не одно тысячелетие, то неужели они могли исчезнуть бесследно, не оставив заслуживающего упоминания. Правда, авторы рассматриваемого труда, как видно, вообще избегают этническую интерпретацию фактов и явлений. Но в данном случае я веду речь о бесспорных фактах, вроде приведенных выше. Разве и в таких случаях надо молчать? Но молчание не всегда золото, а иногда и нечто противоположное.

Несколько слов об южноабхазской лексике, связанной с судостроением и мореплаванием. Не подлежит никакому сомнению абхазская этническая принадлежность ряда староабхазских названий местностей на территории прибрежной части Абжуйской Абхазии (с. Тамыш), связанных с этими занятиями. Например, "Место изготовления (дословно "тесания") судов" (Ашхуацэырта), "Место хождение судов (по каналу)" (Ашхуатаныкуарта), "Место укрытия судов" (Ашхуа эахырта), "Место прикола судов" (Ашхуа ахэарта) и др. Бесспорно и то, что происхождение этих микропонимов уходит в глубь веков, что они могли возникнуть только в среде коренного южноабхазского приморского населения задолго до господства в Кавказских территориальных водах византийского, гунуэзского, турецкого, а затем русского флота и связанного с последним полного упадка местного мореплавания. Если бы даже у нас не было никаких других источников, то одного этого факта было бы, по-моему, достаточно для утверждения о наличии здесь в эпоху средних веков и ранее постоянного абхазского населения, занимавшегося рыболовством и поддерживавшего морским путем тесные торгово-экономические и прочие связи с соседними и другими прибрежными пунктами. О многовековых традициях в области мореходства, существовавших у древних жителей крупного уникального поселения эпохи бронзы в устье р. Тоумыш, свидетельствует и недавно найденная археологом Д. С. Бжания сенсационная керамическая модель морского судна-ладьи с высокими бортами, клиновидной носовой частью и выступающим форштевнем в виде стилизованного изображения головы животного (скорее всего, собаки или волка) (34). Здесь уместно вспомнить и свидетельство Вахушти о том, что абхазские галеры назывались алышкинтрами, то есть по имени абхазского божества со-

=====

96

=====

бак Алышкинтыр (у него эти военные многоместные абхазские корабли названы словом "олечкандари", что, как видно, является искаженной формой имени Алышкинтыр) (35).

Вряд ли можно сомневаться и в том, что староабхазское название местности приморья — Акра (отсюда мегрельская форма Анакрия, Анаклия) (36) в устье Ингури, означающее в переводе с абхазского "наблюдательный пункт", "маяк" (37), связано по своему происхождению с необычным развитием у абхазов мореплавания в античную эпоху и средние века.

Здесь хотелось бы отметить, что вообще абхазский язык отличается не только от картвельских, но и родственных с ним адыгских языков обилием исконных морских лексем. "Очевидную специфику состава отраслевой лексики, заметно обособляющую абхазский язык от других абхазско-адыгских, — пишет Г.А. Климов, — образует **богатый пласт терминов мореходства и морского промысла, свидетельствующий о давности тесного общения абхазов с морем**" (*Подчеркнуто мной. - Ш. И.*) (38).

М.М. Циколия в своей статье "Абхазская речь Гальского района", выделяя Окумско-Чхортольский подговор абжуйского диалекта, отмечает характерные для него основные фонетические, морфологические, лексические и интонационные

====

97

====

особенности, приводит также целый список абхазских названий здешних местностей. "Топонимика северной горной части Окум-Чхортольского подрайона и подступов к нему в основном абхазская", — пишет он. В его перечне мы находим как известные уже нам, так и новые (они мною подчеркнуты) абхазские топонимы, на которые мы также сошлемся без комментариев. Вот этот список: Апапкуара, Абзакуара, Апста (А пста), Жэраб-Тып (Жэраб-Тып), Аудра, Ачашвкуара (Ачаш экуара), Ачадара (А адара), Анаара, Ах-Ихапы (Ах-Ихапы), Пеп-Ихапы (Пеп-Ихапы), Берзыхв-Ихапы (Берзыхэ-Ихапы), Ачбеикуара (А беикуара), Авжчикуа (А жьчикуа), Боквшвинджара (Бо ушэинцъара), Куачкей-куара (Куачкейкуара), Башкапсара (Башкапсара), Пашв-Итып (Паш э-Итып), Тенгиз-Итып (Тенгыз-Итып), Ар-Рымуа (Ар-Рым а), Аусара, Алашара, Ачамхара (Ачамхара), Какури-Ипарта (Какури-Ипарта) и др. Автор далее сообщает: "В пределах самого Окуми и его окрестностей, где распространена только мегрельская речь, мы встречаем такие топонимические термины": Анчагуарта (Анчагуарта), Матейтахарта (Ма ей ахар а), Ныхыц (Ныхы), Капшкыт (Капшькыт), Аггавара (Агуа ара), Акыдра (Акыдра), Агвнаркела (Агунаркела), Ауардынцвра (Ауардынцэра), Акампырра (Акампырра), Акармара (А армара), Ашврыхв (Ашэрыхэ»), Атва-Ду (Ат эа-Ду), Апгара, Шанцаквара (Шъан акуара), Ара-Ду, Ачапара (Ачапара), Мыхкуара и др. "С другой стороны, следует отметить, — пишет М.М. Циколия в заключение, — что топонимика равнинной части этих же селений является в основном картвельской, но на них здесь останавливаться не будем" (39).

Конечно, в предгорной и альпийской зонах больше и лучше сохранилась абхазская топонимия, которая — надо это подчеркнуть лишний раз — создавалась в результате длительного интенсивного освоения этих гор абхазскими крестьянами - оседлыми жителями равнинной части того же района, перегонявшими летом свой скот на близлежащие и более дальние альпийские луга, богатые роскошными кормами.

Таким образом, в целом во всех горах и предгорьях Южной Абхазии, как и в других районах страны, по-прежнему безраздельно господствует старая и почти беспримесная, чисто абхазская топонимика. В населенной же полосе, преимущест-

====

98

====

венно на побережье и вблизи него, поверх древнего абхазского топонимического пласта неравномерно и вразброс наслоились сравнительно более молодые и даже совсем новые мегрельские и грузинские названия. Если говорить только о более ранних из них, то наиболее известными являются, например, Сатамашо — "место игриц", Цкургил — "холодный источник", Цхенцкар - "конская река", Олагвана — "место обжига кувшинов", Папанцкур (Папан ур) — "место провала попа", Бедия — "счастливое место",

Чубурхинджи — "каштановый мост" и др. Имеются пункты, названия которых являются общими для грузин и абхазов словами, такие, например, как Акардама (груз, "аклдама") — "могильная яма", "склеп", Рашишь-Накуччи — "след раши" (абх. "арашь" и груз, "раши" одинаково выражают собой понятие "легендарного крылавого коня"). Можно привести и другие примеры отложения грузинских географических названий на территории юго-восточного побережья Абхазии (40).

Однако, по крайней мере часть из них безусловно представляет собой видоизменение на грузинский лад соответствующих абхазских первоисточников. В этом можно убедиться легко на примере метаморфозы названия одной из речек Самурзакана. С самого начала она называлась по-абхазски Юардзы (арзы) - "поток-речка" (от а ар — "поток", азы — "речка, вода"); впоследствии имя подверглось трансформации, и речка получила новое обозначение, соответствующее нормам мегрельского языка, — Ерцкар (Ер ар), в котором первая часть оригинала (ар) заменена элементом "ер", а вторая (зы) — словом "цкар" (ар), что по-мегрельски выражает "воду", "речку". Точно такому же превращению подверглось и название соседней речки: вместо абхазского Хуажвуара — "рододендроновая речка" (от ахуаж э — "рододендрон" и акура — "речка") появилось Ходжжуара — "бычья речка" (ходж по-мегрельски "бык"). Вероятно, что и мегрельское Цхенцкар — "конская река" — также восходит к своему абхазскому прототипу — Ачдзы с тем же значением (а ы — "лошадь", азы — "вода"), то есть мы имеем здесь

====
99
====

копию или кальку — семантическое заимствование, буквальный перевод структуры слова. Древнеабхазское название реки Дад (между Гали и Ингури), связанное, как видно, с грозowymi явлениями (адыд в абхазском означает "гром") и зафиксированное в источниках (Вахушти, Делиль, Броссе) с XIX в. выступает уже под грузинским названием Эртис-цкали, а в XX в. Эрисцкали, выражающими собой непонятно почему то ли "единичная река", то ли "народная (национальная) река". Альбовская Дихагузба — наименование в основе своей абхазского происхождения — стала называться Оцарце (на правом берегу Ингури) (42) и т.д.

Мы привели выше лишь небольшую часть примеров. Дальнейшими поисками эти материалы, несомненно, могут быть значительно пополнены и уточнены. Трудно сомневаться в абхазской этнической принадлежности почти всех этих топонимов. Надо полагать, что подавляющее большинство из них появилось на самурзаканской географической карте значительно раньше XVII—XVIII вв. (хотя, как известно, определение времени и условий происхождения того или иного названия местности сопряжено нередко с большими затруднениями). Если говорить, например, о приблизительной датировке в контексте истории страны и народа, то приведенное выше абхазское название "Царский Источник" (Апсха-Изыхь) на территории села Ачигвара, которое не имеет никакого параллельного обозначения, связано по своему генезису, конечно же, с образованием Абхазского царства, во главе которого стояли правители, называвшиеся по-абхазски "апсха" (апсха), что переводится как "царь абхазов". Следовательно, данное название существует в составе южноабхазской топонимики не менее одной тысячи лет.

В с. Бедиа стоит в развалинах крепость, известная под названием Нарджхьоу (Нарцхьоу-Абаа) — а это имя одного самых главных героев абхазского нартского эпоса. Несомненно, что эта местность могла быть названа так только абхазами, жившими в окрестностях, и задолго до строительства самой крепости, которая относится ко времени зрелого средневековья, если не раньше. Следовательно, ко времени возникновения данного топонима все население Бедийской округи было абхазским. С теми же нартами, надо думать, связаны и названия Анария и Анарги в Самурзакане и т.д.

Как образовался и кому принадлежит отнюдь не до конца еще выявленный мощный слой бесспорно абхазской топонимики рассматриваемой области, в том числе оронимов, которые

=====

100

=====

почти сплошь состоят из одних абхазских названий, образующих своего рода национально-абхазский "топонимический заповедник" горных районов и Южной Абхазии, не подвергшийся, к счастью, пока всякого рода искусственным искажениям? Или такой еще факт. Как известно, вся альпийская зона исторической Абхазии (и только Абхазии) насыщена развалинами каменных оград и пастушечьих жилищ под названием "ацангуара" (а ан-гуара), которые строились абхазскими скотоводами в продолжение длительного исторического времени, но не позднее средне-средневекового периода. Эти же сооружения под тем же чисто абхазским названием "оград ацанов" в немалом количестве встречаются и в горах не только Очамчирского, но и Гальского районов. Кто является создателем этих достаточно древних памятников? Ими могли быть, если оставить в стороне миф о карликовом племени ацанов, только абхазы, населявшие долины указанных районов и перегонявшие свой скот каждое лето на горные пастбища (зимой там жить невозможно). Другие же народы, включая мегрелов, не знают этой своеобразной, давным-давно заброшенной ацангуаровской скотоводческой культуры, как и самого термина "ацангуара" (знают частично только самурзаканские мегрелы, которыми он усвоен от абхазов).

В.А. Гурко-Кряжин, опираясь на официальные и лично им собранные материалы, писал в середине 20-х годов, что в Гальском (прежде Самурзаканском) уезде "мы наблюдаем сильный мингрельский элемент, питающийся постоянным притоком колонистов с родины. **Как указывает топонимика территория ранее была заселена абхазами**" (*Подчеркнуто мной. - Ш. И.*) (43). Далее он отмечает, что, наряду "с многовековой инфильтрацией" мегрелов, в новое время имело место и "привлечение" их в качестве арендаторов на земли местных (абхазских) помещиков (в особенности с развитием плантационного хозяйства). Вследствие всего этого, "абхазское население подверглось здесь сильнейшей мингрелизации и утратило свой родной язык". Однако, читаем мы там же, этот процесс не был еще "бесповоротно завершенным: в 1925 году четыре селения, потребовали здесь устройства школ с преподаванием на абхазо-русском языке" (44).

Если бы до конца XVII в. абхазов не было до р. Кодор, то откуда появилась здесь, на территории юго-восточной части современной Абхазии, многочисленные старо-абхазские фами-

=====

101

=====

лии, в том числе такие, например, как Ануа (с. Тамыш), которую предания не без основания относят к числу древнейших родоплеменных групп только южной части Абхазии?

В Гальском районе к числу старых коренных абхазских фамилий, которые почти нигде больше в Абхазии мы не находим, относятся, например, Цхуцхубая, Кавшбая, Езыгуаа (Езыгуба, мегр. форма Эзугбая (от абхазского имени Езыгу) (45), Абрскил или Аблскир (мегр. Булискерия), причем последнее фамильное название ближайшим образом напоминает собой имя знаменитого героя абхазской мифологии — богоборца Абрскила. Только в этой части страны, на границе с Самурзаканом встречается фамилия Апшилава (Апшьлаа), название которой, вероятно восходит к самим апсилам (апшилам).

Как известно, в контактных зонах, при взаимодействии двух и более языков, побеждает обычно тот язык, который имеет большее распространение и который, что также не менее важно отметить, легче выучивать в силу его простоты. Но процесс ассимиляции абхазов затянулся на десятилетия. Этническое смешение и поглощение сопровождалось довольно длительным и активным сосуществованием абхазского, мегрельского и других языков. В одном документе 1880 года мы читаем: "Труднее всего приходится учителям... в Окумской школе, где учителя должны объясняться на мингрельском, абхазском и турецком и обучать русскому языку" (46).

Абхазский язык, несмотря на продолжавшееся ослабление его позиции, функционировал, конечно, и позже. Например, по свидетельству коренного жителя с. Пирвели Гали, по-абхазски Малый Гал (Гал-Хуны), старого педагога Михаила Кягусовича Эзугбая, еще в 1930-х годах во многих семьях этой и смежных деревень, где проживали представители ряда абхазских фамилий (Езыгуба — Езугбая, Кецба — Кецбая, Тарба — Тарбая, Зухба — Зухбая, Абухба — Абухбая и др.), хорошо говорили по-абхазски.

=====
102
=====

Леван II Дадияни пытался оградить стеной свои владения от вторжения, по-видимому, не только каких-то дальних и неведомых загорских пришельцев, но и от самих абхазов, в том числе местных жителей, живших издревле тут же вдоль стены, в предгорной полосе (Ахуа) и дальше в глубь довольно обширных ущелий Кодора, Дваба, Моквы, Галидзги и др., которые были почти неуязвимы для врагов (вспомним слова Э. Челеби о том, что турки "в горы не ходили"). Во всяком случае, обороняться в этих труднодоступных местах, как показала еще война мисимиан против византийских захватчиков в середине VI века, было куда легче, чем на низинах. За "стеной, в горах также проживали абхазы", — писал, как мы знаем, и З.В. Анчабадзе.

При этом должно быть отмечено и то, что именно абхазское население Абжуа является одной из наиболее долгожительских популяций в Абхазии, а феномен долгожительства, как известно, неразрывно связан с многовековой адаптацией местных, коренных жителей ко всем локально-климатическим, культурно-бытовым и другим особенностям среды их обитания, вплоть до мельчайших отличительных черт края. Короче, феномен популяционного, или группового, долгожительства — результат непрерывного влияния на население данной территории определенных природных и социальных факторов, длительный процесс его полнейшей адаптации, включая психологию народа и его нравственно-эстетические воззрения, длящийся в продолжение не одного тысячелетия. Еще короче: абжуйцы не могли быть такими "классическими" долгожителями, если бы их предки появились здесь всего лишь "пару веков назад".

В составе самурзаканского населения представлены как абхазские крестьяне (Абухба, Абыскыр (47), Езугба, Тарба, Кецба и др.), так и абхазские княжеско-дворянские фамилии (Ачба, Чачба, Инал-Ипа, Эмухвари, Чхотуа (48), Лакрба, Маан и др.), при полном отсутствии среди последних представителей мегрельского, сванского и вообще грузинского привилегированного сословия.

Такой социальной картины мы здесь не имели бы, если вся эта территория искони была бы населена мегрелами или другими группами грузинской этнической принадлежности. Фео-

=====
103
=====

дального общества без своей национальной господствующей верхушки не бывает.

В языке и этнографическом быту старшего поколения самурзаканцев мы еще совсем недавно находили большое количество старабхазских элементов, частично доживших и до наших дней. Это, например, «на первом плане обычай гостеприимства и чтение некоторых молитв по-абхазски» (Н. Альбов), почитание божеств охоты и дичи Айрг-Ажвейпшаа, кузни Шашвы, поминальные обряды и ряд других традиционных форм и отношений абхазского происхождения, а также абхазская лексика в речи самурзаканских мегрелов, о которой дает представление следующая таблица (далеко неполная выборка из разных полевых записей):

№№	Абхазское слово		
1	2	3	4
1	Абаажэ	Абажу(абаажу)	Башня, крепость
2	Абаагды	Абагд (абаагд)	Развалины крепости (досл. «безрогая крепость»)
3	Абцар	Абцари	Вооружение, оружие
4	Алаба	Льаба	Палка
5	Алабашья	Льябашья	Палка-посох с металл. наконечн.
6	Апс а	Апс а (Окум апс а)	Ущелье
7	А ып	ипу	Стоянка пастухов
8	Ахра	Ахра	Горная вершина
9	Ащэымкья	Ашвамкье	Пастушеский высокий столик
10	Ахэышэга	Хуш а	Место сидения старшего в пастушеской стоянке
11	асыпса	сыпса	ледник

=====

104

=====

12	Аб ул	Букуни	Цилиндрической формы деревянная посуда для кислого молока
13	Акума иа	Кума иа	Темя
14	Акуахьча	Куарчха	Шкурка-подстилка
15	Ача уа	Ча уа	Пастушеская деревянная кружка
16	Аҳаза	ҳаза	Налог; феодальная повинность
17	Абжында	Абжъанд	Подпруга
18	Ах а	Ах а	Головная часть уздечки
19	А ыху ад	ыху ад	Подхвостник
20	Акьахь	Кьехь	Каркас седла
21	Анаху а	Наху а	Недоузок (узда)
22	Акумпыл (амаха)	Кумпиль	Лук седла
23	Апшза	Пшиза	Белка
24	А ы ындра	ы ындра	Земляника
25	Аншьан	Нишьани	Манекен покойного

26	Амарцџа	Марцџа	Ну-ка!
27	Бзиала уаабейт	Бзальабет!	Добро пожаловать!..
28	Ей, сабиц!	Ей, сабиц!	Непереводимая абхазская идиома

Таких примеров усвоения в прошлом гальскими мегрелами абхазских терминов и традиционных норм поведения можно привести немало. Этого, естественно, не могло быть, если бы здесь не было абхазов и мегрелы всегда составляли подавляющее коренное население края. Элементы местной культуры были заимствованы иммигрантами, как это всегда бывает при взаимодействии местного населения с пришлым. Набирало силу и обратное влияние в силу непрерывно продолжавшегося в тече-

=====

105

=====

ние веков притока мегрелов и резкого увеличения количества смешанных браков между абхазами и мегрелками (в том числе особенно между владельческими фамилиями Шервашидзе и Дадияни), что в конце концов привело к утере абхазами региона своего языка и этнического самосознания, то есть к почти полной ассимиляции.

Как могли мегрельские князья и дворяне знать абхазский язык и как они могли претендовать на общее происхождение с "черкесами", то есть абхазами, о чем писал Э. Спенсер, находясь в Анаклии в 30-х годах XIX в. , если бы абхазские этнические и языковые традиции не имели бы здесь глубоко уходящих корней.

С интересующей нас точки зрения немаловажный интерес представляют сугубо локальные фольклорные материалы рассматриваемого региона. Например, знаменитая абхазская легенда о богоборце Абрскиле и исторические предания о "Царе Абхазии", или "Царе абхазов" (Апсха) являются весьма оригинальными памятниками устного народного творчества именно южных (абжуйских) абхазов, отнюдь не имеющими столь широкого распространения ни в одной другой части Абхазии, не говоря о других уголках Кавказа, причем каждый из этих уникальных памятников своими корнями уходит вглубь веков /предание об Апсха по своему происхождению бесспорно связано с концом I тысячелетия н.э., когда происходило образование Абхазского царства, а абрскиловская легенда восходит к еще более ранним временам/. Как же такие локальные памятники, которые, несомненно, являются национально-абхазскими памятниками, неразрывно связанными только с одной определенной территорией — Абжуйской Абхазией, могли возникнуть здесь, а затем передаваться из уст в уста, из поколения в поколение в продолжение многих сотен лет в условиях отсутствия на этих землях соответствующей, то есть абхазской этнической среды?

Старые абхазы из села Пакваш, что на левом берегу р. Галидзга, вспоминают о том, как у них еще не так давно женщины пугали своих детей словами: "Перестань плакать, Лауан идет!" (Уа у а эьуара, Лауан даауейт!), "Чтобы тебя Лауан забрал!" (Лауан уигааит!). Эти характерные абхазские выражения донесли до нас воспоминания о событиях, имевших место около середины XVII в. и связанных с именем

=====

106

=====

жестокого мегрельского владельца Левана II. Встает вопрос: как могли возникнуть такие представления и так отразить в исторической памяти именно южноабхазского населения, если бы самих абхазов в то время здесь вовсе не было?

Еще один весьма существенный вопрос. Чем можно объяснить наличие в пределах

именно интересующей нас части Абхазии особого абжуйского территориального диалекта абхазского языка? Причем исследователи /Н. Марр, Н. Яковлев, М. Циколия и др./ выделяют в нем и особое самурзаканское наречие /например, окумско-чхортольский говор/. Неужели он мог оформиться здесь со всеми своими фонетическими, морфологическими и лексическими специфическими особенностями менее чем за последние два столетия? Разве для завершения процесса образования такого диалекта, как и любого другого, не требуется несравненно более длительный период времени? Правда, языковеды, изучающие абхазские диалекты в их историческом взаимодействии с соседними языками, в том числе мегрельским, еще не сказали на этот счет своего решающего слова.

В монографии грузинского филолога М.М. Циколия "Абжуйский диалект абхазского языка" подчеркивается, что этот диалект характеризуется рядом особенностей, выявление которых... имеет важное значение для генезиса его исторического развития". К сожалению, автор не останавливается более конкретно на генетических вопросах — о времени, месте и условиях происхождения абжуйского диалекта. Зато дает его полное высококвалифицированное описание, с учетом влияния картвельских языков (особенно мегрельской речи), причем им впервые сделана попытка выделения его подгрупп — атарского, джгердинского, поквешского и багмаранского (49).

Известно, что территориальные диалекты представляют собой разновидность общенародного языка, отражающие собой языковые расхождения длительного периода племенного строя и эпохи феодализма (хотя иногда они связаны также и передвижениями населения на той или иной территории). Диалект и племя, как правило, всегда находятся между собой в органической взаимозависимости. Происхождение диалекта, как особой формы языка данной области, нельзя понять вне зависимости от исторических условий образования и развития определенной этнографической группы или племени.

=====

107

=====

Поэтому, надо полагать, как бзыбский диалект есть тип речи, связанный с абазгами и их территорией на северо-западной части Абхазии, так и абжуйский диалект исторически связан с апсилами и их потомками — абжуйцами и местами их основного проживания на юго-востоке страны, а этническую принадлежность апсилов к абхазам, как и их локализацию в Южной Абхазии, теперь почти никто из исследователей не отрицает. Еще М. Броссе, как известно, выводил Абжуа от Апсилии.

Акад. Т. Гамкрелидзе в недавно опубликованной газетной статье тоже пишет, что "апсилы, как видно, в генетическом и языковом отношении связаны с современным "апсуа-абхазским" этносом, они, возможно, являются их предками" (50).

Если абжуйские абхазы не являлись бы коренными жителями занимаемой ими земли, а пришли откуда-то извне, причем не в очень отдаленном прошлом, то на их территории не должно было быть значительных топонимических или других древнеабхазских памятников, а их историческая память не сохраняла бы те или иные воспоминания, связанные с домиграционной этнической и культурной жизнью. В самом деле, ведь "общеизвестно, что при переселении группы людей на новое место, не только они сами, но и их потомки в той или иной мере **сохраняют прежние отличительные, т. е. этнические свойства..., обладающие особой устойчивостью**". /Подчеркнуто мной. - Ш. И./ (51).

Если бы все самурзаканские абхазцы являлись недавними (с XVII в.) переселенцами из Бзыбской Абхазии, то они, естественно, должны были принести с собой и свой бзыбский диалект, отличающийся, как известно, многочисленными яркими особенностями. Но такого факта не установлено пока ни одним языковедом. Напротив, самурзаканская абхазская речь представляет собой, как видно, разновидность именно абжуйского диалекта, территориальные пределы которого в прошлом

выходили, должно быть, за рамки нынешних границ /в основном Очамчирский район/. Мы уже приводили выше документ начала XIX в., где говорится о переселении в XVII в. из Бзыби только "нескольких семейств" абхазских привилегированных фамилий. Как видно, количество их в любом варианте не могло превышать несколько сот человек. Поэтому они должны были быстро раствориться среди массы мегрелов, если бы последние составили преобладающее большинство населения. Но этого не произошло. Напротив, еще 200 с лишним лет назад не было никаких признаков ассимиляции самурзаканских абхазов. С другой стороны, допустим, однако, что население в Самурзакане было в то время сплошь мегрельским. Но как в таком случае небольшая кучка абхазских переселенцев — носителей труднейшего языка — смогла так изменить ситуацию, что почти до конца прошлого века господствующим языком здесь был абхазский, не говоря об абхазских обычаях.

Одним словом, согласно господствующему мнению специалистов, апсилы, наряду с абазгами и другими древнеабхазскими племенами, являются непосредственными предками современных абхазов. С этнонимом "апсилы" неразрывно связано и самоназвание абхазского народа /апсуа/. Апсилы, упоминаемые в источниках с I в.н.э., обитали в продолжение не одного тысячелетия в юго-восточной части нынешней Абхазии. Поэтому они не могли не передать своим потомкам — будущим абжуйцам и др. — свой язык и другие элементы своей культуры. Другое дело имевшие место здесь изменения политических границ и сокращение ареала распространения абхазского языка в процессе позднесредневековой этнической ассимиляции значительной части его носителей, о чем говорилось выше.

Вновь и вновь возникает перед нами все тот же естественный и вполне законный вопрос: возможно ли, чтобы все эти фамилии, топонимы, ацангвары, сам абжуйский диалект, фольклор, другие памятники абхазской культуры возникли здесь лишь в течение одного-двух столетий, после времени Ламберти, то есть имеют относительно очень позднее происхождение, а до этого ничего абхазского на территории современных Очамчирского и Гальского районов не было?

Можно ли исходить из такой предпосылки, которая сама нуждается в строгих научных доказательствах? Вряд ли можно сомневаться в том, что указанные выше и другие памятники материальной и духовной культуры были созданы апсила-

ми и их потомками — непосредственными предками современного абхазского населения Абжуа и его ближайших окрестностей. Поэтому, на мой взгляд, не выдерживает научной критики мнение некоторых авторов, включая З.В. Анчабадзе, о появлении постоянного абхазского населения в абжуйско-самурзаканском районе только с самого конца XVII века.

Конечно, этнические границы, как и политические, изменяются. "Этнические территории, а следовательно, и этнические рубежи... изменяются в ходе исторического процесса. Это изменение зависит иногда от того, что народы переселяются на новые территории или расширяют, военным и экономическим путем, области своего обитания. Но, пожалуй, гораздо чаще мы имеем дело не с процессами миграции или экспансии, а с процессом этнического развития /когда племена развиваются в народности или народности превращаются в нации/ или с процессом этнической ассимиляции /когда племена,

этнические группы и целые народности этнически растворяются среди народов соседей/. Сложный процесс трансформации этнических рубежей зависит от национальных отношений..." (52).

Итак, междуречье Кодор-Ингури относится к основной части апсильской этнической территории, а апсилы, племенное название которых ясно слышится и теперь в общем самоназвании абхазского народа, являются, как сказано, одним из основных этнических компонентов формирования абхазского народа. Они издревле населяли эти земли, а сравнительно незначительные их передвижения не меняли общей картины этнической ситуации. Иначе говоря, значительных миграционных движений или радикальной смены населения, как можно судить по имеющимся данным, здесь не наблюдалось. Главной особенностью этнических изменений в этой части Абхазии являлось длительное /порой довольно интенсивное/ внедрение мегрельского элемента и смешение его с коренным /абхазским/ населением, частью которого в результате этого впоследствии утеряны были родной язык и этническое самосознание.

Отмечаемая же Арк. Ламбсрти и некоторыми другими авторами абхазо-мегрельская языковая граница по Кодору к середине XVII в. отражает, по-видимому, исторически ограниченный отрезок времени, связанный в частности, с внешнеполитическими акциями отдельных мегрельских владетелей.

====

110

====

Что касается преобладания мегрельского языка в этот период, то об этом может идти речь, вероятнее всего, только для весьма узкой прибрежной полосы /где, кстати, только и вели свои наблюдения иностранные миссионеры/. Население же всего остального пространства выше этой полосы состояло уже, надо полагать, сплошь или почти сплошь из абхазов — непосредственных апсильских потомков. Причем можно допустить существование и для прибрежной полосы определенного периода абхазо-мегрельского двуязычия, которое в конце концов завершилось, как сказано, ассимиляцией самурзаканских абхазов мегрелами в течение в основном последнего столетия с лишним, поглощением абхазского языка мегрельским.

При всем этом, однако, в связи с проблемой о времени появления постоянного абхазского населения в юго-восточной части страны едва ли не самым решающим является вопрос об этнической принадлежности того мощного традиционного культурного наследия в широком смысле слова, которое представлено в том или ином виде на территории изучаемого междуречья. А в этом отношении, на мой взгляд, вопрос может стоять только так: либо будет доказано, что апсилы и их потомки не относятся к абхазской группе и ни этнически, ни территориально не связаны с Южной Абхазией, а указанные выше многочисленные археологические /в том числе старинные пастушеские каменные сооружения "ацангуара" на альпийских лугах/ и другие выразительные материалы абхазской архаики (от множества названий местностей и ономастики до древней богоборческой легенды об Абрскиле и многовариантного раннесредневекового предания об Апсха — "Царе Абхазии" и другие памятники местной материальной и духовной культуры, включая особый территориальный абжуйский диалект абхазского языка, неразрывно связанные с рассматриваемым регионом, а в большинстве своем только с ним) не имеют также никакого отношения к абхазам и последние появились каким-то чудом в Абжуа лишь после XVII века, либо же верченый тезис о якобы полном отсутствии здесь до этого времени постоянного абхазского населения придется признать необоснованным и совершенно несостоятельным.

Итак, на основе сказанного выше можно наметить некоторые выводы.

Известное сообщение Вахушти о том, что абхазский князь Сорех Шеркашидзе завоевал всю территорию до Эгриси и

"поселил там абхазцев" (53) вовсе не означает, что на указанной территории до того времени вообще не было абхазов, а переселение очевидно слишком небольшого количества представителей абхазского дворянства имело целью, надо полагать, не первичное этническое освоение края, — для этого нужны были бы совершенно другие массы людей, — а подкрепление политических позиций абхазских владетелей в постоянно беспокойном пограничном районе.

Правильно сказано в документе, что Самурзакан был "вечным яблоком раздора между Шервашидзе и Дадиани".

Как смогла такая кучка иммигрантов с труднейшим языком ассимилировать относительно многочисленное местное мегрельское население за каких-нибудь несколько десятилетий, ибо в начале XIX в. весь Самурзакан, как известно, говорил еще по-абхазски?

Выше мы уже приводили слова З.В. Анчабадзе, что "южная этническая и политическая граница Абхазии в течение большей части XVII в. /до конца 70-х годов/ проходила в основном по р. Кодор /в нижней его части/ и что за пределами Келасурской "стены, **в горах также проживали абхазы**" /Подчеркнуто мной. - Ш. И./ (54). Как мы видим, известный ученый-специалист утверждает, что указанная граница проходила не по всему Кодору, а только по нижнему его течению, а вместе с тем он считает, что абхазы /и только они/ жили и за пределами стены, то есть в горных ущельях южной части страны. Эта точка зрения выражает собой не всю правду, но, по-видимому, довольно близка к ней.

При этом, однако, возникает и другой, противоположный вопрос: если абхазы составляли коренное население, то как же меньшинство мегрельских переселенцев смогло их ассимилировать на протяжении в основном второй половины XIX — начала XX вв? Это явилось следствием редкого стечения нескольких важных обстоятельств.

Во-первых, неослабевающими темпами продолжалось, можно сказать, массовое переселение различных категорий мегрельских крестьян, а отчасти и представителей духовенства в Абхазию, главным образом в Самурзакан, при полном отсутствии какого-либо обратного оттока. /В основе стремления к перемене местожительства лежали причины не только

социально-экономического, но отчасти и экологического характера, неблагоприятные условия среды обитания; бесконечные дожди и "крайняя сырость" воздуха Мегрелии "служат причиной постоянных болезней, а часто и чумы", особенно страдают люди от водянки", — писал Шарден/ (55).

Во-вторых, немаловажное отрицательное значение имело для абхазов отсутствие у них своей письменности и литературы.

В-третьих, имели место возрастающие числом абхазо-мегрельские смешанные браки. Особенно это наблюдалось в среде абхазского дворянства. В частности, абхазские князья владетельного рода Шервашидзе по политическим и сословным соображениям женились, как правило, только на мегрелках из владетельной же фамилии Дадиани /обратных брачных связей, то есть случаев женитьбы мегрелов на абхазках было сравнительно очень мало./ Это были своего рода традиционные династические браки, а, кроме того, при переходе к мужу каждая мегрельская княжна в качестве приданого всегда брала с собой на постоянное жительство в Абхазию то или иное количество своих крепостных крестьян

(иногда чуть ли не целыми селами) и других приближенных лиц.

В этих условиях, когда окружающая этническая среда была не чисто абхазской, в смешанных самурзаканских семьях мегрельский язык постепенно становился языком матери и даже всей семьи. Словом, брачно-семейные отношения, исторически сложившиеся в Самурзакане, также явились одним из существенных факторов ассимиляции местных абхазов, которые и не помышляли тогда о таких последствиях своей, как им казалось, сугубо личной жизни.

В-четвертых, — и об этом также говорилось выше, — свою роль сыграла, очевидно, и относительная простота мегрельского языка по сравнению с абхазским, хотя положение о том, что когда взаимодействуют два языка, победу одерживает обычно тот из них, которому по его фонетическим и структурным особенностям гораздо легче научиться носителям более сложного языка, некоторые ученые подвергают сомнению.

Без сочетания всех этих основных факторов языковой ассимиляции абхазов не было бы. Получается, таким образом, что иногда, в силу определенных обстоятельств, и коренная этническая группа, составляющая большинство на данной территории, может подвергнуться ассимиляции со стороны меньшинства пришлого населения. История знает и другие факты

=====

113

=====

подобного рода. Ограничимся одним примером. В конце IV и V вв. часть алан, разгромленных гуннами, смешалось с местным населением и передала им свой язык, а сама восприняла почти полностью кавказскую культуру, то есть точно также, как это позднее имело место в Самурзакане. Уже с этого времени, как полагают некоторые исследователи, начинается формирование осетинской народности.

В этом резюме, надеюсь, находит свое краткое выражение мой взгляд на поставленную проблему, мой ответ на вопрос о том, как могло пришлое мегрельское меньшинство ассимилировать местных жителей, если последние составляли большинство. Сторонники такой постановки вопроса полагают, что Южная Абхазия искони была мегрельской территорией и только с XVII в., когда абхазским феодалам удалось передвинуть свою политическую границу до Ингура и переселить туда абхазов, произошла будто бы там скорая победа абхазского языка и культуры. Они не считают с невозможностью столь резкого изменения ситуации в результате появления здесь мизерной кучки абхазских переселенцев — носителей сложнейшего языка. Они вообще не принимают во внимание все те историко-культурные условия и этнографические факты о глубоких корнях абхазского "племенного мира" в рассматриваемом регионе, о которых, как мне кажется, достаточно подробно говорится в этой работе.

=====

Примечания

1 Гунба М. М. Некоторые новые вопросы абхазской этнографии. "Алашара", № 4, стр. 95-96 (на абх. яз.)

2 Бердзенишвили К. И. Позднеантичная керамика из цебельды. "Материалы по археологии Грузии и Кавказа", II. Тбилиси, 1959, стр. 108 (русское резюме).

3 Там же.

4 Хоштария Н. В. Цихисдзири. Тбилиси, 1962, с. 22.

5 Шервашидзе М. Карта Абхазии. 1912г. (на абх. яз.).

6 В 1968 г., находясь на Анааре, я записал у пастухов следующие абхазские названия самурзаканских "гор с ацангварами": Анаара — Адзмах (Анаара — АЗмах), Ачачба, Ах -

- Ихапы (Ах — ихапы), Апшыра (Апшыра), Ачажвпа (Ачажэпа), Дадал - ичырта, Ашта, что выходит прямо к Ингури, и др. (Ш.Д. Инал-Ипа. Труды. Сухуми, 1988 с. 209-210, 224-225).
- 7 Ср. с. Аалдзга (Аалзга) — названием реки Абжуйской Абхазии.
- 8 Информаторы сообщили, что это второе название известной в Самурказане горы Очаке (Очакья).
- 9 По словам тех же сказителей, так по-абхазски называются верховья Ингури.
- 10 Баграт Шинкуба. Золотые россыпи. Сухуми, 1990, с. 470 (на абх. яз.)
- 11 Бигвава В. Образ жизни абхазских долгожителей. Тбилиси, 1988. с. 65,70.
- 12 Джибладзе Л. В. Стратиграфия... поселений Колхидской низменности. Тбилиси, 1990, с. 8.
- 13 А. М. Павлинов в 1888 году на своем пути из Очамчиры через Бедиа и Окуми в Зугдиди отмечал местности с замковыми развалинами, носившие абхазские названия: Ахуз, Амзаара, Кечь-ныха, хуада, Чебалурха и др. (Стражев В. И. Руинная Абхазия. - "Известия" Абхазского научного общества (АБНО), вып. 1, Сухуми, 1925, с. 168).
- 14 Шония Н. Об изучении топонимики Восточной Абхазии. - "Друг памятника", 21, 1970, с. 62, 63 (на груз. яз.).
- 15 Там же.
- 16 Какабадзе С. С. Грузинские документы Института народов Азии. М., 1967, с. 16, 167, 170, 480.
- 17 Название самурзаканского села Сид (Сида) по своей форме полностью совпадает с абазинской фамилией Сид (Сид-ипа) (в русской транскрипции Сидов, кабардино-черкесской - Сидаков). Она была распространена среди абазин вплоть до XIX в. Ее мы находим еще у Пейсонеля, как название главенствующей (башилбаевского) племени Сид-Ипа (Тхайцухов М. С. Этнокультурная общность ономастики, с. 6) (рукопись). По словам Л. И. Лаврова, Сидовы (по абхазо-абазински - Сидаа) причисляли себя к роду абхазских князей Маршан (Марчан) (Лавров Л. И. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII-XIX вв. - СЭ, 1948, № 4, с. 172-173).
- 18 Какабадзе С. С. Указ. соч., с. 16, 167, 170, 480.
- 19 Стражев В. И. Указ. соч., с. 168.
- 20 Шакрыл К. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. - "Ученые записки АдНИИЯЛИ", Краснодар, 1965, с. 216.
- 21 Шония Н. Указ. соч., сс. 62, 63 (на груз. яз.).
- 22 Стражев В. И. Указ. соч., с. 168.
- 23 Лавров Л. И. "Обезы" русских летописей. СЭ, 4, 1946, с. 163.
- 24 С этим названием связан псевдоним известного грузинского писателя Л. Шенгелая - Киачели.
- 25 Адзинба З. И. Географические названия... "Труды Сухумского ботанического сада, вып. XXIX, Тбилиси, 1978, с. 118-121, 128; у Т. Сахокия же мы находим Эрги, Эрге-Ацва- "Песня Аерг", Анаку (Анаку) - "ледник" и другие абхазские названия в самурзаканских ущельях (Тедо Сахокия. Путешествия..., Батуми, 1985, с. 369, 370, 375, 376).
- 26 Тхайцухов М.С. Указ. соч., с. 7
- 27 Явно, что здесь присутствует название древнеабхазского божества дичи охоты Ажвейпшаа(Ажэипшьаа).
- 28 Не вызывает, по-видимому, сомнения, что и это слово по своему нахождению также связано с языческими религиозными верованиями абхазов, — названием знаменитого бога кузни Шашвы (Шьашэы) и в переводе означает "ручей Шашвы".
- 29 У авторов почему-то источник проходит в переводе на грузинский, хотя местное население называет его по-прежнему по-абхазски — Апсха-Изыхь.
- 30 Авторы сами характеризуют его как "интересный" гидроним. А он, как мне кажется, представляет собой композит из двух абхазских слов: Аерг - бог дичи и охоты и аджар (ацъар) — крест, т.е. "крест бога Аерга". Старинные культовые развилки-копья и кресты часто находят в священных рощах Абхазии и Черкессии, в Абхазии они проходят под

названием абрзал и аджар, а у черкесов — джор.

31 В книге упоминается р. Эрис-Цхали — Эртис-Цхали М. Броссе и, по словам которого (и данным Вахушти), она еще в XVIII в. называлась Дадис-Цхали, в ее верховьях находилась и крепость с тем же абхазским названием Дад.

32 Зухбая, Х. Зантарая. Гали (Природа, исторический очерк, народное хозяйство). Сухуми, 1988, с. 6,7,29,31,32,37,62 и др.

33 Там же, с. 63.

34 Виссарион Берзения. Тамышская ладья. Газ. "Абхазия" № 1, 1991.

35 Вахушти Описание царства Грузинского (География Грузии). Тбилиси, 1941, с. 172 (на груз. яз.).

36 Такой гонкий наблюдатель и знаток нашего края, как Ф.Ф. Торнау в 1835 году писал о принадлежности Анаклии и ее жителях, а также о южной границе Абхазии следующее: "В Анаклии, мингрельском пограничном местечке с смешанным населением из турок, мингрельцев, абхазцев и армян, мы переправились через широкий Ингур. Это была единственная переправа по всей дороге от Редут-Кале до Бомбор, на которой я нашел паром. На другой день ... я переехал в Илори, на границу Абхазии, где в прошлом году наши войска построили укрепления на берегу Галидзги. Настоящая граница Абхазии начиналась на правом берегу Ингура. Галидзга служила прежде только для разделения двух абхазских округов - Самурзаканского и Абжельского. По причинам, которых я не мог никогда понять ясным образом, Самурзаканский округ был причислен нами к владениям кн. мингрельского, и абхазская граница отодвинута с Ингури к Галидзге". (Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера, ч. 1, М., 1864, сс. 18-19).

37 Пункты под именем Акра значились и в других местах Черноморского побережья. Однако, Акра в абхазском несет "мореходные" функции, выражая с собой "мыс", "маяк", "наблюдательный пункт", рассматриваемая же точка у устья Ингури истари служила именно таким местом, причем это же название (Акра) встречаем и в других аналогичных местах абхазского побережья (с. Тамыш, Пицунда и др.), а "Анаркия", "Анаклиа" "Анакрия" представляют собой видоизменения первоначальной "Акры" в результате закономерного для мегрельского языка наращивания звука "н".

38 Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, с. 52,53.

39 Циколия М. Абхазская речь Гальского района (Основные особенности). - "Труды" Абхазского института языка, литературы и истории. XXX. Сухуми, 1959, с. 193 (на груз. яз. с русским резюме).

40 Если бы это не отвлекало нас в сторону заданной темы, можно было бы привести немало примеров и того, как за последние десятилетия искусственным образом резко изменена топонимическая карта Абхазии в целях ее максимальной грузинизации. Достаточно вспомнить о том, как широко известный в Абхазии Цандрипш - "община рода Цанба", где находится замечательный одноименный христианский храм VI в., был переименован, без всяких на оснований, в Гантиади, причем даже такие вопиющие искажения до сих пор остаются неисправленными.

41 Гулиа Д. Абхазский календарь. Сухум, 1921, с. 6 (на абх. яз.).

42 Абхазия... М., 1899, с. 54.

43 Гурко-Крижин Н.А. Абхазия. М., 1926, с. 13.

44 Там же.

45 Один богатый представитель этого крестьянского рода по имени Геджи Эзугбая, живший в конце XVIII — начале XIX в. в с. Малый Гал (Гал Хуны, совр. Пирвели Гали) "пожертвовал сто душ баранов богу животных Ажвейпшаа" (И.Г. Антелава. Указ. соч., с. 147, 133). Кстати, если бы в прошлом население современного Гальского района не было бы абхазским, то у него не могло быть представлений об этом оригинальном абхазском обычае жертвовать божеству сто голов мелкого рогатого скота из своего стада, когда последнее достигнет одну тысячу единиц.

46 Отчет о-ва восстановления христианства на Кавказе за 1880 г. Тифлис, 1884, с. 77.

47 по А. Иоакимову "а-Булыскир", а он записал это со слов абхазов в 70-х годах XIX в. (А.

Иоакимов. Абхазцы. "Кавказцы". № 39, 1874 г.).

48 Ср. абазинское фамильное имя Чкатуев, представители которой хорошо помнят свое родство с самурзаканскими Чхотуа.

49 Циколия М.М. Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1969, с. 61 и др.

50 Я не буду здесь останавливаться на его же совершенно неприемлемой трактовке этнического содержания названия "абазин", сделанной на основе лишь неубедительного формально-лингвистического анализа, вне историко-этнографического контекста. В статье он причислил их к грузинским племенам, но ведь хорошо известно, что именно абазги, проживавшие в северной части страны и неразрывно связанные этнически и культурно-исторически со своими южными соплеменниками апсилами, являются главным компонентом образования абхазской народности и ее основной этно-политической силой. /Т. Гамкрелидзе. Абхаз-абазги -и... Газ. "Эри", 10 апреля 1991 г., на груз, яз./.

51 Бромлей Ю.В. К Вопросу о сущности этноса. — "Природа", 2, 1970, с.52.

52 Кушнир П.И /Кнышев/. Указ. соч., с. 104.

53 Вахушти. История Грузии. Тифлис, 1913, с. 317

54 Анчабадзе З. В. Указ. соч., с. 87, 88.

55 Шарден Ж. Указ. соч., с. 22, 23.

VI. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX-начале XX вв.

Абхазия в первой половине XIX в. делилась на две части — "внутреннюю" и внешнюю" (1).

Внутренняя Абхазия — территория между реками Бзыбь и Ингури, на которую распространялась власть владетельного князя (2).

Внешнюю Абхазию составляли Садзен, или Джигетия (район Гагра — Сочи), а также многолюдные горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Дал, Цабал (Цебельда) и др (3).

=====

115

=====

Иными словами, этнические границы были значительно шире политических.

Население Абхазии от р. Ингури на юго-востоке до р. Хоста на северо-западе в течение всей первой половины XIX в. было в основном еще мононациональным — абхазским (4).

По-прежнему оно находилось в окружении и теснейшем взаимодействии с этнически родственными и неродственными соседними народами — абазинским, убыхским, адыгскими (черкесскими), картвельскими, отчасти тюркскими (карачаевцы) и др. Это обстоятельство являлось постоянным фактором, определяющим во многом особенности этнической и культурной истории абхазского народа. Причем этнокультурные процессы на стыке двух и более групп носили, как и везде, сложный характер, протекая с различной степенью интенсивности в зависимости от социально-экономических, политических и других причин.

Действительно ли в начале XIX в. этническая граница между абхазами и грузинами (мегрелами) проходила по р. Ингури?

В турецких исторических источниках позднего средневековья неоднократно указывается, что граница между абхазами, с одной стороны, и грузинами (мегрелами) — с другой, проходила в начале XVIII в. по линии крепостей Анаклия и Рухи, т.е. нижнего течения р. Ингури. Но впоследствии сама река стала стабильной границей между Абхазией и Мегрелией. Известный грузинский ученый XVIII в. Вахушти писал о походе

против Мегрелии абхазского владетеля Шараха (Сореха) Шервашидзе следующее: "И было в Одиши большое несчастье, как описал выше, и главным образом от абхазцев, так как, приходя на лодках и сушею, уводили в плен людей, завоевали всю территорию до реки Егриси и поселили там абхазцев" (6). Преемник Сореха — Келешбей Шервашидзе также силой овладел Анаклией (7).

Как уже говорилось выше, немецкий ученый и путешественник Якоб Рейнегтс, в 1780-х годах живший в Грузии, имел возможность хорошо изучить местное население. Он побывал и в Абхазии, в частности в Пицунде (Безонга), Лыхнах (Суппу), Анакопии (Анакуфа), Сухуми (Сагхум), Анаклии (Анаклея). Он перечисляет народы, в непосредственном окружении которых находилась в то время Абхазия: адыгов-шапсугов, абазин, грузин-мегрелов и сванов (не названы только убыхи) (8).

Таким образом, на основании этого описания (9), и других источников можно заключить, что в конце XVIII в. юго-восточная этническая граница абхазов, как и политическая граница их княжества, проходила по нижнему течению р. Ингури, в устье которой был расположен абхазский город-крепость Акра (Анаклия). Такая ситуация в основном сохранялась здесь и в течение всей первой половины XIX в., при слабо выраженных еще ассимиляционных процессах.

В изменениях этнической ситуации, которые происходили в "стране Самурзакани" (совр. Гальский р-н), особая роль принадлежит массовому переселению сюда жителей Западной Грузии (главным образом из Мегрелии). Побудительными причинами этой миграции являлись социально-экономические и политические факторы, в том числе классовая борьба, бегство крестьян от тяжелой феодальной эксплуатации (крепостное право в Мегрелии было отменено в 1866 г.). малоземелье, малое плодородие почвы при относительно большой

густоте населения, продажа крестьян и захват пленных абхазскими феодалами во время набегов. Вместе с тем последние были заинтересованы в привлечении арендаторов, поскольку абхазские крестьяне считали наемный труд позорным. Немалую роль в миграциях играл обычай кровной мести. Недовольные и преследуемые крестьяне бежали и за пределы Абхазии, главным образом в Мегрелию и на Северный Кавказ. Но самыми массовыми и постоянными были миграции мегрельских крестьян, оседавших в основном в соседнем Самурзакане и других частях Южной Абхазии. Демографические и этнокультурные последствия таких переселений были огромны, поскольку они способствовали не только этническому взаимопроникновению, но и сильным процессам ассимиляции. Подобные миграции, как сказано, возникали под действием самых разнообразных факторов, в том числе голода, массовых эпидемий. В 1811 г., например, в Имеретии, Мегрелии и Грузии вспыхнула эпидемия чумы, продолжавшаяся около двух лет и унесшая массу жизней. Начался небывалый голод. Спасаясь от бедствия, пишет очевидец Ник. Дадиани, "многие ушли в Абхазию, так как в Абхазии в том году не было ни голода, ни повальной той болезни" (10).

Во многом эти переселения основывались на традиционном обычно-правовом институте гостеприимства (абх. — асасство) — обычае, при котором в дореформенное время крестьяне могли переселяться из одной общины в другую, переходить от одного феодала

к другому. Обычай асасства официально сохранялся до 1869 г., фактически же некоторые его нормы, как существенный элемент традиционного быта абхазов, продолжали действовать и позже, вплоть до первых лет Советской власти. По традиции любой гость считался лицом неприкосновенным, ему оказывали помощь и разные знаки внимания, защищали от преследования врагов, принимали в свою общину или братство и т.д. В наиболее благоприятном положении в отношении безопасности и пр. находился гость в доме владетеля или членов его рода. Например, известный абхазский этнограф XIX в. Соломон Званба, несмотря на свое дворянское

====
118
====

происхождение, был в свое время "простым асассом" в имении князя Дмитрия Шервашидзе и получил от последнего право на земли Цхубена (Дранда) (11).

Попытки царской администрации пресечь или хотя бы сократить число переселенцев, направлявшихся из соседней Мегрелии, не имели успеха, и их наплыв "год от года усиливался" (12), особенно в 1860-1880-е годы, т.е. в период махаджирства — массового насильственного выселения абхазов в пределы Османской империи. При этом следует отметить почти нулевой отток жителей Самурзакана за его пределы. К началу XX в. согласно документальным данным в Самурзакане насчитывалось уже 5,3 тыс. мегрелов (около 13%). Но основную долю в местном населении (36,2 тыс. чел., св. 80%) (13) составляли еще сами "самурзаканцы", этническое состояние которых нельзя определить однозначно.

В этнической ситуации, возникшей в Самурзакане, развитие абхазского языка и культуры на протяжении всего XIX в. происходило по-разному. Вплоть до 80-х годов XIX в. они продолжали доминировать почти на всей территории Самурзакана, что подтверждается свидетельствами многих авторов того времени.

Так, в начале XIX в. Н. Дадиани по заданию царской администрации принимал активное участие в военных действиях на стороне абхазских владетелей Сафарбея и Дмитрия Шервашидзе против османского ставленника, отцеубийцы Асланбея Шервашидзе, за что ему был пожалован чин генерал-майора. Он принадлежал к мегрельской владетельской фамилии, прекрасно знал мегрельский и грузинский языки. Но, как об этом пишет он сам, в Абхазии ему понадобился переводчик, которым стал сопровождавший его самурзаканский князь Темурква Анчабадзе. Н. Дадиани, образованный офицер, естественно, не нуждался ни в русском, ни в грузинском переводчиках. Поэтому услуги Темурквы Анчабадзе как переводчика заключались лишь в переводе с абхазского и на абхазский язык (14). Следовательно, самурзаканский князь Анчабадзе с традиционным абхазским именем Темурква должен был хоро-

====
119
====

шо знать свой родной абхазский язык. Но он не мог бы так, свободно владеть им, если бы с детства его окружение, — а Анчабадзе жили вблизи правого устья р. Ингури, — не было бы абхазским.

Более того, абхазский язык имел определенное распространение и среди привилегированной части западногрузинского населения, пограничного с абхазами (мегрельского, сванского и др. Так, в 30-х годах XIX в. английский путешественник Э. Спенсер посетил Пицунду, Сухуми, Анаклию. О пребывании в Анаклии он, в частности, писал: "Известно, что мегрельские крестьяне не говорят на черкесском диалекте, которым

пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с ... черкесами ... Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами..., от которых мы узнали много подробностей ... и которые охарактеризовали знать Мегрелии ... как расу, резко отличающуюся от зависимых сословий ..." (15).

Нет, по-моему, сомнения в том, что под "черкесами" английский автор подразумевает абхазов, а не адыгов (черкесов), поскольку мегрелы никогда не граничили с "черкесами", напротив, их разделяли горы и большие расстояния, что исключало возможность непосредственных контактов — необходимого условия знания одним народом языка другого.

Известный французский востоковед Мари Броссе, основатель европейского грузиноведения, в середине XIX в. путешествовал по Кавказу, в том числе по Мегрелии и Абхазии. Он посетил, в частности, Окум, "главный город Самурзакано" и "Бедию, резиденцию князя Хутуны Шервашидзе". Весной 1848 г., описывая впечатления о пасхальных торжествах в резиденции мегрельского владетельного князя Дадиани, он обратил внимание на то, что "церковь в Зугдиди заполнили съехавшиеся со ста верст в округе верующие. В толпе можно было видеть абхазцев-христиан, которых легко распознать по их бритым головам и белому башлыку, положенному на плечо; мингрельцев и имеретин, преимущественно одетых в русскую военную форму с красным воротником" (16). Упоминаемые здесь люди с бритыми головами и накинутыми на плечо башлыками были представителями абхазской знати, приехав-

====
120
=====

шими в гости к мегрельскому владетелю прежде всего из близлежащих самурзаканских селений.

И после выселения большинства абхазов (60-70-е годы XIX в.) в Османскую империю, когда сфера распространения абхазской культуры на северо-запад от Ингури резко сократилась, в Самурзакане все-таки абхазским языком продолжали по традиции пользоваться еще довольно широко, особенно мужчины в общественных местах, хотя население этой области было уже этнически смешанным — абхазо-мегрельским. Между реками Охурей и Галидзга абхазский язык был "языком не только общества, но и семьи" (17). Тот же А. Цагарели, сведения которого относятся к наиболее достоверным, в 1877 г. сообщал: " В Самурзакане у жителей мингрельский язык хоть и считался родным — женщины и дети говорят на нем, но мужчины говорят и по-абхазски" (18). В 1893 г. другой тонкий наблюдатель абхазского быта Н. Альбов писал, что на крайнем юго-востоке от Окуми, в общинах Саберио, Дихазурга, Чубурисхинджи и др., "господствующим языком является мингрельский, хотя старики рассказывали мне, что в старину здесь говорили больше по-абхазски". Далее он отмечает, что названия гор и речек в Самурзакане "почти исключительно абхазские", "некоторые молитвы читаются по-абхазски" и что, наконец, "господствующие обычаи, и на первом плане обычай гостеприимства, — строго абхазские". Автор приходит к выводу: "Большинство данных говорит за то, что самурзаканцы скорее происхождения абхазского и что мингрельский элемент явился сюда лишь в сравнительно недавнее время" / *Подчеркнуто мной.* — Ш.И./ (19).

С этой точки зрения очень интересная беседа состоялась однажды и у К.Д. Мачавариани с одним абхазским крестьянином из Самурзакана, опубликованная в 1899 году. На вопрос, являются ли самурзаканцы мегрелами, крестьянин ответил: "Ну, что вы, что вы!... Вот что я вам скажу. От роду мне с лишним 60 лет. Помню я хорошо и отца моего, и деда. Никогда они не говорили на мингрельском языке. Все, все объяснялись на абхазском языке. Возьмите целые общины: Бедийскую, Чхортольскую, Окумскую, Гальскую,

скую, — везде и всюду вы услышите среди взрослых абхазскую речь. А если в Саберию, Отобае, Дихазурга и говорят мингрельским языком, то это благодаря тому, что жители этих сел имели ближайшее общение с мингрельцами. Разве наши имена и фамилии, наши нравы, обычаи и даже наши суеверия не доказывают, что мы абхазцы, а не мингрельцы? В 50-х годах почти по всей Самурзакани вы бы не услышали мингрельского говора, а до того мингрелец считался редкостью..." (20).

С конца XIX в. процессы этнической ассимиляции самурзаканских абхазов ускоряются. Этому способствовали значительно усилившиеся миграции мегрелов, большая близость культур абхазов и мегрелов, а также отмеченные выше частые смешанные браки (главным образом между мегрелками и абхазами, гораздо реже между абхазками и мегрелами) и др. (21).

В конце XIX в. самурзаканцы этнически представляли две группы. В 1896 г., по сообщению В.Т. Маевского, самурзаканцы, ближайšie к Зугдидскому уезду, говорили по-мегрельски, а другие, ближайšie к р. Охурей, — по-абхазски (22).

Даже в начале XX в. К.Ф. Ган, также побывавший здесь, отмечал: "Если же в Самурзакане большинство дворянских семейств говорит на абхазском языке, и если этот язык в домашнем обиходе сохранился до сих пор в разных селениях этой страны, как, например, в селах Эшкетах, Бедиа, Гали, Окуми и т.д.; если имена многих фамилий, как Шервашидзе, Маршани, Маргани, Сванбай, Лакербай, Эмухвари и др. те же, как у настоящих абхазцев; если брак, считающийся у мингрельцев действительным только после благословения священников, у самурзаканцев не требует церковного благословения; если при том тут сохранилось много чисто абхазских обычаев, то "старый самурзаканец" все-таки, в конце концов, вправе причислить своих земляков к абхазцам" (23).

Конечно, как уже отмечалось, все эти абхазские традиции, топонимические и фамильные названия и пр. претерпели в Самурзакане много изменений объективного и субъективного характера в продолжение последнего столетия. К.Д. Мачавариани в своей статье "Сословный вопрос в Абхазии", опубликованной "Черноморским вестником" в 1900 году /N121, 124/, говоря о том, что "мирные завоеватели" выступали в роли своего рода "культуртрегеров", писал: "Эти недремлющие деятели на поприще экономических завоеваний покушаются и на больше относительно абхазцев, они навязывают им свой язык... они поставили задачей переделывать фамилии на свой лад, придавая "свои" окончания... Деятельнейшими проводниками этой меры было духовенство у абхазцев, все поголовно грузинского племени". Удивительно, что грубые искажения абхазских родовых имен осуществлялись при почти полном равнодушии самих носителей этих имен, которые в большинстве своем по своей неграмотности или наивности не обращали обычно внимания на безобидные и никчемные, как им казалось, записи на бумажках. Так "все эти дзе, швили, ия, ая с совершенно спокойным сердцем реформаторы фамилий, священники внесли в документы, метрики", а со временем носители фамилий "совершенно свыклись со своими измененными прозваниями." Свою статью автор завершает такими словами: "Для чего нужна была подобная переделка, понять не трудно, но почему ее допустили,

почему сами абхазцы так легко помирились с ней — решительно непонятно".

Таким образом, в последней четверти XIX в. в этническом плане Самурзакан представлял собой сложную картину. Здесь жили абхазы и мегрелы, находившиеся в процессе постоянного этнокультурного взаимовлияния, имелись группы и даже целые селения и общины абхазов, утративших родной язык и полностью или частично перешедших на мегрельский. Некоторые же села и общины сохранили абхазский язык и свое самосознание. Вообще этническое самосознание населения Самурзакана в этот период было сложным и вполне отражало те этнические процессы, которые происходили здесь в течение многих десятилетий. Последние отразились и в названии "самурзаканцы", принятом во всех официальных статистических материалах второй половины XIX в. Так, в посемейных списках 1886 г. в Самурзаканском участке Сухумского округа основное население составляли "самурзаканцы" — 29,5 тыс. чел., здесь жили также мегрелы (около 1 тыс.). Кроме них к

=====

123

=====

этому времени в участке поселились греки (2 тыс.), армяне (1 тыс.), эстонцы (0,6 тыс. человек) (24) и др.

В настоящее время только в нескольких селениях бывшего Самурзакана (Чхортоли, Бедия, Окуми Гальского района) частично сохраняется знание абхазского языка или абхазо-мегрельское двуязычие и осознание своей абхазской этнической принадлежности. Почти все остальное население считает себя грузинами (мегрелами) (25). В результате указанных миграционных процессов коренные самурзаканцы в основном утратили свой язык, соответственно изменилось их этническое самосознание. Но вместе с тем нельзя забывать (как это иногда бывает у некоторых исследователей), что абхазы были не только объектом, но и субъектом влияния, имевшего здесь, как и в любой другой контактной зоне этнических групп, двусторонний характер. В итоге такого интенсивного и продолжительного взаимодействия мы имеем на рассматриваемой территории весьма своеобразный локальный самурзаканский вариант абхазо— мегрельской народной культуры.

О глубоких корнях абхазского языка и абхазских традиций на самурзаканской земле свидетельствует, как указывалось выше, "господство абхазских обычаев", начиная от гостеприимства и почитания охотничьих божеств Аерг-Ажвейпшаа до "чтения некоторых молитв по-абхазски" (Н. Альбов), вообще бесспорное "сохранение многих чисто абхазских обычаев" (К.Ф. Ган). А именно такие важнейшие факты этнокультурной истории рассматриваемого региона, которые сторонниками "горной стихии" демонстративно игнорируются, неопровержимо, на мой взгляд, свидетельствуют о более раннем проживании абхазов на данной территории, а "мингрельский элемент, — говоря словами Н. Альбова, — явился сюда лишь в сравнительно недавнее время".

В верховьях Ингури обитали, как и сейчас, сваны, с которыми абхазы также поддерживали постоянные тесные контакты, нашедшие яркое отражение в этнографическом быту и духовной культуре каждого из этих народов. Во второй половине XIX в. часть сванов переселилась в верховья р. Кодор, где образовалась "Абхазская Сванетия". Ранее в этом высокогорном районе находилось общество Дал, которое до махаджирства населяли

=====

124

=====

только абхазы во главе с княжеским родом Маршан (сейчас здесь живут лишь единичные

семьи абхазов).

На северной стороне Главного Кавказского хребта, вблизи абхазской этнической границы, находились разбросанные в верховьях Кубани и ее притоков поселения абазин, адыгов, карачаевцев. Еще Я. Рейнеггс писал об абазинах: "Однако народ, живущий на Кубани под именем Абазек, считает себя давно отделившейся колонией абхазов и называет эту страну Большая Аваза, а своему местожительству дает название Малая Аваза... Говорят оба народа Большой и Малой Авазы одним языком, лишь различным по диалектам, и имеют одинаковые обычаи" (26). Интересно, что часть абазин — жителей аулов Апсуа, Старо — и Ново — Кувинское при общем названии "абаза" именуется также "апсуа", "апсуаква", т.е. самоназванием абхазов (27).

Не менее сложными были этническая ситуация и родоплеменной состав населения на северо-западных границах Абхазии. Здесь на небольшой территории, в непосредственной близости друг от друга, веками жили четыре родственные между собой этнические группы — абхазские (садзы, или джигеты) (28), составлявшие, по мнению некоторых ученых, "переход от абхазского племени к убыхскому", — примерно от р. Бзыби до р. Хамыш (Хоста), убыхские (от Хосты до р. Буу), адыгские (шапсуги, абадзехи и др.) на северо-запад от убыхов, а в прошлом и абазин, остатки которых отмечались в верховьях Бзыби еще в первой половине XIX в. В результате постоянного взаимодействия этих групп, близости их языков и культур стали отчасти намечаться некоторые признаки образования своеобразной, теснейшим образом взаимосвязанной общности, некой этнолингвистической непрерывности в пределах определенного круга этнических единиц, которую условно можно назвать "абазской".

Итак, начиная с юго-восточной стороны, этническая граница абхазов к середине XIX в. проходила по правобережью нижнего течения Ингури (хотя, как сказано, население здесь уже тогда было частично смешанным и шла ассимиляция са-

=====

125

=====

мурзаканских абхазов мегрелами) и, продолжаясь по южным предгорьям Главного Кавказского хребта, выходила к бассейну р. Сочипста, где население было также этнически смешанным — абхазо — или садзо-убыхским. За пределами очерченного пространства, занятого абхазами, оставались разбросанные по верховьям Кубани и ее притоков поселения их ближайших соплеменников — северо-кавказских абазин, в языке которых, говоря словами Ф. Торнау, произошло лишь "слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским языком, заметное, впрочем, только для привычного уха" (29).

Приведенные выше сведения дают основание для вывода о том, что к 60-м годам XIX в. вся территория Абхазии — от Хосты до Ингури — была почти сплошь населена собственно абхазскими этническими группами — садзами, бзыбцами, акапо-гумцами, абжуйцами и самурзаканцами, включая сюда и горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Дал, Цебельда и др. Численность этих групп не поддается точному определению (30). Кроме того, абхазский этнический элемент, как отчасти отмечалось и выше, был представлен и на Северном Кавказе, если иметь в виду их ближайших сородичей — прикубанских абазин, а также в Аджарии, о чем еще будет сказано ниже.

Абхазы в целом не отличались миграционной активностью, если не считать исключительный случай махаджирства и более ранние переселения абазин на Северный Кавказ. Это не значит, конечно, что вообще не было никаких передвижений. Но передвижения происходили в основном в пределах своей этнической территории, а миграции за пределы страны были в целом крайне редкими и незначительными. Большую роль в сдерживании переселений абхазов играли семейно-родовые традиционные связи, религиозные и патриархальные отношения. Хотя, с другой стороны, тот же традиционизм,

в особенности обычай кровной мести, нередко выступал причиной одиночных и даже групповых переселений. Такие факторы, как язык, быт, духовная и материальная культура, обычаи, при-

=====
126
=====

вычки, навыки, одним словом, комплекс ценностей и ориентаций в общественной и бытовой сфере, обнимаемых термином "абхазство" (апсуара), были основными причинами традиционно малой миграционной активности абхазов. Но все-таки этого оказалось в дальнейшем недостаточным для сохранения их этнической монолитности в собственной стране. И волею неумолимых исторических судеб в течение короткого промежутка времени этническая территория Абхазии оказалась в корне перекроенной, причем прогрессирующие с каждым годом изменения происходили в ущерб интересам коренных жителей, которые полностью были отстранены от решения важнейших вопросов своей жизни.

Вообще в XIX в., особенно во второй его половине, сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца Российской империи в другой, население перемешивается, национальная обособленность ослабевает. На Западном Кавказе, в частности в Абхазии, такие миграционные потоки осложнились насильственным выселением многих десятков тысяч коренных жителей в султанскую Турцию. Как уже отмечалось, махаджирство происходило несколькими этапами. Первая волна переселения имела место еще в 1840-х годах, вторая — в период Крымской войны (1853-1855 гг.), третья — в связи с упразднением Абхазского княжества (1864 г.), четвертая — во время Лыхненского восстания 1866 г. и пятая, самая крупная — в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

В итоге поголовно были выселены убыхи, садзы — связующее этническое звено между абхазами и убыхами, многолюдные абхазские горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Пеху, Гума, Дал, Цебельда. Опустели вся Северо-Западная (от Бзыби-до Хосты) и вся Средняя (совр. Сухумский и Гульрипшский районы) Абхазия. Были выселены большинство бзыбских и, в меньшей степени, абжуйских сел, совсем слабо пострадал Самурзакан. Картина была удручающей. "Куда же делись коренные жители этой страны?" — с возмущением восклицал грузинский деятель Т. Сахокия в 1903 г. (31).

По словам Н.Я. Марра, "Абхазия была обездолена в своей даже центральной этнографической части... Остались одни оди-

=====
127
=====

чалые двory с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского" (32).

Эмигрировало и много абазин, большей частью из племени ашхаруа (тамовцы, кизилбековцы, большинство чегреев и мысылбаев). Другую часть абазин — тапантовцев переселение затронуло сравнительно в меньшей степени (33).

Всего же переселилось в Турцию, по примерным данным, около 100 тыс. человек абхазского этнического корня, включая и абазин (34).

Небольшая часть абхазов-махаджиров обосновалась в районе Батуми, входившем до 1877 г. в состав Османской империи. Эти земли турецкое правительство с 1866 г. уступило в аренду абхазским эмигрантам, которые за это были обязаны платить мечети; постепенно абхазы образовали среди аджарцев несколько селений (35). Число абхазов, поселившихся к концу XIX в. в Батуми и его окрестностях (селения Ангиса, Кахабери, Минда, Махмудис, или Мнатоби, Ферия, Кведа, Самеба, Гонио, Челта, Урехи, Чарнали, а также в

Кобулету, Пичвнари, Цихисдзири, Чаква и др.), составляло не менее 10 тыс. чел.

Махаджирство явилось одной из величайших, если не самой величайшей трагедией абхазского народа, одним из наиболее

=====

128

=====

катастрофических конфликтов, когда-либо им пережитых, последствия которого дают о себе знать и по сей день.

Махаджирское опустошение создало исключительно благоприятные условия для усиления колониционных процессов. С середины, а особенно с последней четверти XIX в. многонациональность населения Абхазии становится все более и более заметной. В ряде мест, главным образом в Сухуми, а также в другие прибрежные пункты — Акра (совр. Анаклия), Очамчира, Дранда, Келасури, Псырдзха (совр. Новый Афон), Гудаута, Пицунда, Гагра, Цандрипш и др. постоянно переселялись вначале не очень многочисленные иноэтническис группы — грузины (в основном мегрелы), русские, армяне, греки, эстонцы, турки, представители других народов.

На Красной Поляне, где в июле 1864 г. был отслужен молебен по случаю сдачи последних непокорных кавказских племен (ахчипсовцев и псхувцев) и окончания Кавказской войны, первые новые поселения появились уже в конце 1860-х годов (36), причем древнеабхазское название Губаадвы, отсюда Кбаада, было заменено царским фамильным именем — Романовск. Эти поселения представляли собой небольшие деревни греков и эстонцев (37) — едва ли не первые иноэтнические поселки здесь после махаджирства. К концу же века этническая картина стала значительно более сложной, особенно на побережье. Так, согласно А.Н. Дьячкову-Тарасову, описание которого относится к лету 1900г., вблизи Адлера находилось большое село Молдаванка, а разноязычное население самого Адлера состояло из русских, турок, мегрелов, абхазов, персов, представителей других национальностей. Но эта "великолепная", по определению А. Дьячкова-Тарасова, русская колониальная окраина (38), не составляла, конечно, исключения. Такая же картина наблюдалась и в ряде других мест (например, в Гагре).

Колонизация края, получившая широкое развитие с середины 60-х годов XIX в., была одним из самых существенных звеньев в цепи великодержавной политики царизма на Кавказе (39).

=====

129

=====

Целью этой политики было не только экономическое освоение "освобожденных" от горцев земель, но также руссификация местных жителей и стремление иметь на побережье — от Анапы до Бзыби и далее на юго-восток — вполне надежное в политическом отношении население, путем создания не только сельских гражданских, но и военных казачьих поселений. Колониальный земельный фонд составлялся из обширных конфискованных участков бывшего владельца и других абхазских феодалов, земель махаджирских эмигрантов (которым в случае возвращения на родину было запрещено селиться вблизи побережья), "казенных земель" крестьянских общин и других "свободных земель". Заселение происходило путем вызова переселенцев, отведения и продажи им государственных земель, которые к 1890 г. составляли более 480 тыс. десятин (40). Формы колонизации были разные: арендная, особенно поощрявшаяся абхазскими помещиками, "дворянская", курортная, монастырская, а с конца XIX в. и "пролетарская" и др. О колонизации В.И. Ленин писал: "Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все

того же национального принципа "руссификация окраин" (41).

Так, начиная с 30-х годов XIX в. и до начала XX в. в разных районах Абхазии были основаны десятки русских или смешанных по национальному составу поселений. Вот неполный перечень этих поселений (42), названных в большинстве своем по имени знатных особ, основателей поселков или по губерниям, откуда вышли иммигранты: Александровское, Алексеевское (Первое и Второе), Анастасьевское, Андреевское, Баклановское (Бакланка, Баклановка), Бамбора, Белореченский поселок, Беслетская, Васильевка, Веселая и др. В с. Михайловское на Гумисте в 1881 г. поселились греки, в с. Мцара в 1892 г. обосновались армянские беженцы из Турции и т.д.

К 1890 г. таких селений было уже более 35, некоторые из них владели, правда, жалкое существование и вообще сошли на нет. Кроме

=====

130

=====

того, страшным бичом для новопоселенцев являлась малярия, свирепствовавшая в тогдашней Абхазии. Это не относится к преуспевающим богачам, которые селились в таких предгорных местах, как Цебельда, где, по сообщению Г.А. Рыбинского, на рубеже XIX-XX в. было 24 помещика, владевших 16 тыс. десятинами земли, из которых половина принадлежала графу Бобринскому.

Как мы видим, только на рубеже XIX-XX в. в Абхазии появился целый ряд русских поселений, которым были даны в большинстве случаев русские названия, а коренные абхазские наименования были преданы забвению (43). Все эти малые и более значительные поселения и дачи создавались, как правило, в лучших местах курортной зоны в районе Сухуми, Гагры, Гудауты, Адлера, Цебельды и т.д.

Русским центром в Абхазии в 1860-1870 гг. был Сухум, населенный тогда почти исключительно русскими, но к концу века, в связи с созданием в 1874 г. Ново-Афонского монастыря, роль русского центра перешла к Новому Афону. "В монастыре, - читаем в книге "Абхазия и в ней Ново-Афонский монастырь", — живет 300 монашествующих, до 400 послушников и несколь-

=====

131

=====

ко сот рабочих. Это настоящий, чисто русский, православный культурный пункт, имеющий, кроме религиозного и экономического, и весьма важное политическое значение" (44). Афонский монастырь получил 3278 десятин земли, а Моквский, основанный в 1885 г., — 300 десятин.

К концу XIX в. в Абхазии было создано еще до 20 новых поселений, где обосновались малоазийские (турецкие) армяне (45), греки (46), эстонцы (47), немцы (48). В 1860-х годах в Цебельде обосновалось 70 греческих семей (49) и т. д.

В XIX столетии в Абхазию было завезено несколько негритянских семей, немногочисленные и сильно ассимилированные потомки которых еще встречаются (или встречались до недавнего времени) в нескольких селениях Южной, а также Северной Абхазии (Адзюбжа, Киндги, Тамыш, Тхина, Река, Илори, Ачандара, Аацы и др.) (50). У старшего поколения этих жителей ярко были выражены негроидные расовые признаки: темный цвет кожи, крутые завитки черных волос, характерный рисунок губ и пр. (51).

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. христианское население Малой Азии (армяне, греки, грузины и др.),

=====

рассчитывая на избавление от многовекового турецкого господства, приняло русских, по словам английской газеты "Дейли-Ньюс", "с распростертыми объятиями". Командующий корпусом царских войск Лорис-Меликов, учитывая страх христиан за свою судьбу в случае, если по заключению мира их интересы не будут учтены, считал необходимым переселение их в Россию для сохранения дружественного элемента на случай новой войны с турками, причем значительная их часть, главным образом армяне и греки, переселились в Абхазию (52).

Так постепенно маленькая Абхазия из страны моноэтнической превратилась в полиэтническую, одноцветная в основном этническая карта сменилась многоцветной, мозаичной. Например, в начале XX в. в окрестностях Сухуми, кроме единственного абхазского селения, уже было 26 общин переселенцев, из них 10 греческих, 6 русских, 5 мегрельских, 3 немецких, 3 эстонских, в Драндах поселились болгары (53), в Эшерах и других местах — лазы.

Существенно менялась также доля абхазов в общей численности населения Абхазии. Если к середине XIX в. абхазы составляли подавляющее большинство населения страны, то к концу века в результате махаджирства, массовых миграций мегрелов и процессов этнической ассимиляции их было уже немногим более 55%. В 1897 г., по данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи, в Абхазии проживало 106,2 тыс. чел., из них абхазов — 58,7 тыс. (55,3%), грузин — 25,9 тыс. (24,4%), армян — 6,5 тыс. (6,1%), греков — 5,4 тыс. (5,0%), русских — 5,1 тыс. (4,8%), прочих — 4,5 тыс. (4,2%) (54). Таким образом абхазы еще составляли более половины населения Абхазии. Но вскоре эта демографическая ситуация стала быстро меняться. По переписи 1959 г., абхазы находились уже на четвертом месте, составляя лишь 15,1% всего населения Абхазии. Несомненно, созданию такой демографической ситуации способствовала целенаправленная ассимиляторская политика, в частности переселенческая, осуще-

ствлявшаяся в Абхазии в указанный выше период. Наибольшую долю в населении республики составили грузины (39,1%), на втором месте оказались русские (21,4%), на третьем — армяне (15,9%) (55). Только за последние 30 лет наблюдается очень небольшое повышение доли абхазского населения — в настоящее время свыше 18%.

Подведем некоторые итоги. Коренное население Абхазии характеризуется слабым участием в межрегиональных миграционных обменах, что обусловлено главным образом этническим и социально-психологическими причинами. Традиционные социальные и этнографические особенности препятствовали длительному отрыву местных жителей от веками создавшейся привычной этносоциальной среды, адаптации их в инонациональной среде, что также служит косвенным, но существенным доказательством насильного характера махаджирского выселения. Все это отражалось на тенденциях и динамике территориального перемещения местных жителей, которые оставались и наименее урбанизированной частью населения. Вместе с тем в XIX в., особенно в пореформенное время, после выселения абхазов небывалые масштабы принимают миграционные процессы. Главной особенностью и результатом таких процессов является непрерывное сокращение доли абхазов в Абхазии при одновременном резком увеличении иноэтнического элемента и почти полном отсутствии сколько-нибудь заметного миграционного оттока населения.

Конечно, человеческое бытие — это всегда общение и контакты. Они происходили везде и всегда, в том числе и в Абхазии XIX в., а тем более в нынешнюю эпоху НТР. Нет ни

одного "чистого" народа. Бесперывное смешение и перекрещивание народов — один из важнейших законов внутриэтнической эволюции. Процесс усиления интернационализации и ломки национальных перегородок, который мы сейчас наблюдаем, берет свое начало, как указал В.И. Ленин, в основном с рубежа XIX-XX вв. Отмеченную выше смешанность растущего народонаселения на ограниченной территории (56) нельзя рассматривать вне

=====

134

=====

зависимости от эпохи, изолированно от общего политического и социально-экономического развития страны. В частности, на изменение этнической ситуации в Абхазии не могли не оказывать свое влияние такие факторы, как относительно быстрое развитие капиталистических отношений в пореформенный период (с 1871 г.), создание промышленных и торговых предприятий, оживление морского и других путей сообщения, строительство Черноморской шоссейной дороги /1892 г.), дачное и курортное строительство /Гагринская климатическая станция принца Ольденбургского, которому принадлежало здесь 14500 дес. земли, санаторий "Гульрипш" крупнейшего русского лесопромышленника Н.Н. Смецкого, имение Великого князя Александра Михайловича на Мачаре и др./, основание в 1874 г. большого Ново-Афонского монастыря на месте исчезнувшего с лица земли крупного абхазского селения Псырдзха, возникновение и рост городов /Сухум, объявленный городом в 1847 г., насчитывал в 1853 г. 300 жителей, а в 1893 г. — 7 тыс. человек/ (57), и др.

Абхазия на рубеже минувшего и нынешнего столетий являла собой пример поразительного сочетания разнообразных тенденций. С одной стороны, непрерывный приток групп различных национальностей способствовал, например, развитию некоторых форм хозяйства /табаководства, торговли, отдельных видов ремесленного производства и др./, росту культуры и просвещения, а также созданию кадров местного рабочего класса и интеллигенции и т.д. С другой стороны, мы видим ничем не прикрытую колонизацию края, проводимую царизмом в интересах военно-феодального и буржуазно-помещичьего режима, хищническую эксплуатацию уникальных природных богатств /без ведома и участия коренных жителей/, объявление последних /после махаджирства/ "виновным населением" со всеми вытекающими отсюда последствиями, начало культурной нивелировки, ломку традиционных устоев под воздействием вездесущего "бессердечного чистогана", образование растущей и необратимой смеси и пестроты этнического состава населения, уменьшение количества самих абхазов до крайне опасных размеров, поставившее абхазский народ перед угрозой полной ассимиляции и вырождения.

=====

135

=====

Абхазия, где издавна сталкивались и перекрещивались исторические судьбы разных народов — абхазского, абазинского, убыхского, адыгейского, кабардинского, грузинского, а с начала XIX в. русского и других народов, где теперь бок о бок живут и трудятся представители около 100 национальностей, стала, особенно за последнее столетие своего рода естественной лабораторией для изучения взаимодействия этносов, культур и языков. Вряд ли поэтому можно переоценить теоретическое и практическое значение комплексного исследования этнокультурных процессов, происходящих здесь в течение длительного времени. Но изучаются они у нас все еще слабо, несмотря на то, что Абхазия представляет собой одну из "горячих точек" нашей страны в области национальных взаимоотношений, а национальная политика является в настоящее время самой

актуальной и сложной политикой. Поэтому, на мой взгляд, назрел вопрос о создании (например, при Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д.И. Гулия Академии наук Грузинской ССР) хотя бы небольшой группы специалистов по вопросам истории и нынешнего состояния национальных отношений в Абхазии, перспектив их дальнейшего развития.

=====

136

=====

Примечания

- 1 Ник. Дадиани. История Грузии. СМОМПК, 1902. Вып. 31, с. 99.
- 2 И.Г. Антелава. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949. с. 9,10.
- 3 Г. М. Шервашидзе, сын последнего владельца Абхазии, писал в 1910 г.: "Народ Псхе и Ачхипсхе ничего общего в своей политической жизни с Абхазией не имел и никогда в состав княжества Абхазского не входил, отторнутый от последнего не только исторически, но и естественными препятствиями" (Г. Шервашидзе. Так пишется история. — "Закавказье", № 125). Сказано слишком безапелляционно. Ни о каком абсолютном "отторжении Малой Абхазии", куда входили названные общества, от "Большой Абхазии" не может быть и речи. Вспомним хотя бы периоды правления некоторых владельцев Абхазии XVIII-XIX вв. — Зураба, Келешбея, да и самого Михаила, отца автора приведенной цитаты? Абхазские владельцы не только имели большое влияние на Джигетию, но последняя иногда даже входила в Абхазское княжество, хотя бы формально, как это имело место, например, в 1841 г., вскоре после образования Джигетского (Садзского) приставства, причисленного к Абхазии (Г.А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958, С. 17-19). Но скоро приставство было вновь отторгнуто и присоединено к Черноморской губернии. Вообще царское правительство по своему усмотрению неоднократно кромсало и перекраивало административную карту Абхазии. Однако при всех этих изменениях основными частями страны оставались Бзыбь на северо-западе, Средняя Абхазия, Абжуа на юго-востоке страны. (И. Самурзакан)
- 4 Вопросы исторической и современной демографии Абхазии мало освещены в научной литературе — см. монографии Ш.Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, и Г.А. Дзидзария. Народное хозяйство..., его же. Махаджмрство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми. 1975, в каждой из которых специальные разделы посвящены населению. См. также Л.Т. Соловьева. Роль миграционных процессов в этническом развитии Самурзакано. — "Межэтнические контакты и развитие национальных культур". М., 1985.
- 5 Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII-XVIII вв.) (Турецкий текст с грузинским переводом Н.Н. Шенгелая). Тбилиси, 1982. с. 36, 37, 93, 99, 117, 147 и др.
- 6 Вахушти. История Грузии. Тифлис, 1913, с. 317. (ч. II). Мы еще мало что знаем о роли миграции в этнокультурном развитии и политической жизни народов Кавказа, в том числе Абхазии, но полностью отрицать значение переселений, особенно в определенные периоды истории нашей края, конечно, не приходится, что требует, однако, специального изучения.
- 7 Ник. Дадиани. Указ. соч., с. 76.
- 8 Сб. "Адыги, балкарцы и карачаевцы"... с. 209, 404.
- 9 Reinegs J. Allgemeine historisch-topographische Reschreibung des Kaukasus. Hildesheim und ST. Petersburg. 1797, Jh. II.
- 10 Ник. Дадиани. Указ. соч., с. 89.
- 11 Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани. — "Сб.

- сведения о кавказских горах". Вып. 3. Тифлис, 1870, с. 9.
- 12 Соловьева Л.Т., Указ, соч., с. 103.
- 13 Там же, с. 52, 53.
- 14 Ник. Дадиани. Указ. соч., с. 103.
- 15 Spenser E. Travels in Circassia. Grim—Talari. Z., 1839, с. 317-318.
- 16 Буачидзе Г. Мари Броссе. Страницы жизни. Тбилиси, 1983, с. 223-224.
- 17 Цагарели А. Мингрельские этюды. СПб., 1880. Вып. I, с. VII-VIII.
- 18 Цагарели А. Из поездки в Закавказский край летом 1877 года. — ЖМНП, СПб., 1877, вып. XII, с. 209, 210.
- 19 Альбов Н. Этнографические наблюдения в Абхазии. — "Живая старина", СПб., 1893, Вып. III. Год третий, с. 306.
- 20 Мачавариани К.Д. Ответ самурзаканцу. — "Черноморский вестник", 1899, N102, 8 мая.
- 21 Аналогичная картина наблюдается у северокавказских абазин, которые, в условиях чересполосного расселения и еще большей культурной близости с адыгами /черкесами/, уже давно подвергаются ассимиляции со стороны последних.
- 22 Маевский Н.Т. Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. Тифлис, 1896, с. 265.
- 23 Ган К.Ф. Поездка в Мегрелию, Самурзакань и Абхазию. — "Кавказский вестник". Тифлис, 1902, № 4, с. 29; см. также Н.С Джанашиа Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми. 1960, с. 41.
- 24 Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
- 25 Соловьева Л.Т. Указ. соч., с. 44, 53.
- 26 Reineggs J. Op. cit., с. 4-13.
- 27 Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955. с. 5-6 сл.
- 28 Существует, однако, и другая точка зрения, по которой абазинские (в том числе садзы, или джигеты), как и убыхи, являются самостоятельным, хотя и близким к абхазам этносом (см. Генко А.Н. Абазинский язык. М 1955; Лавров Л.И. Абазинские. — "Кавказский этнографический сборник", I. М., 1955 и др.).
- 29 Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. с. 113.
- 30 Действительно, очень запутаны и противоречивы имеющиеся сведения о количестве населения Абхазии к середине XIX в. — от 30-35 и до 150 тыс. человек и более. По-видимому, ближе всего к истине Ф. Торнау — около 140 тыс. и А. Берже — около 145 тыс. (вместе с садзами и абазинами), хотя Г.А. Дзидзария склонен был придерживаться цифры около 100 тыс. чел. (Г.А. Дзидзария. Народное хозяйство..., с. 24-25).
- 31 Сахокия Т. Путешествия... Тбилиси, 1950. с. 296 (на груз. яз.).
- 32 Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938. с 177.
- 33 Лавров Л.И. Абазинские. — "Кавказский этнографический сборник." М, 1955, I. с. 16.
- 34 Современный нам американский историк Э. Толедано, опираясь на секретные донесения английских консулов в Сухум-Кале и Керчи в 60-х годах XIX в., пишет: "В декабре 1863 года федерация племен Абаза сдалась, и 150.000 из них было приказано покинуть Кавказ к следующей весне (*подчеркнуто мной*. — Ш.И.). Четырьмя месяцами позже было побеждено последнее черкесское племя - убыхи." Автор далее указывает, что абхазские и убыхские земли, из которых были согнаны коренные жители, стали тут же заселены донскими казаками и всякого рода "заслуженными" царскими чиновниками (Толедано).
- Эхуд Р. Оттоманская работоторговля и ее упадок. 1840-1890. Принстонский университет, Нью-Джерси, с. 149. Поскольку в приведенной здесь цитате убыхи упоминаются отдельно, то само собою понятно, что под абазинами можно подразумевать только абхазов, так как собственно абазин в то время на побережье уже давно не было.
- 35 Вольненский Л.В. История Батумского края — "Батумское побережье". Батум, 1911. с. 37; И. И. Кольфоглу. Древние известия о Батуме — "Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества", 1905. XXVIII, № 1, с. 46.

- 36 Дьячков-Тарасов А. Н. Через перевалы Псеашха. — СМОМПК, вып. 31, 1903, с. 38-39.
- 37 Тот же автор отмечает, что 20 эстонских семей поселились в 1860-х годах в с. Бурное, которое находилось в верховьях р. Лабы (А.Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., с. 18).
- 38 Дьячков-Тарасов А.Н. Указ. соч., с. 43-48.
- 39 Дзидзария Г.А. Махаджирство... с. 422, 423.
- 40 Там же, с. 425, 428.
- 41 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. с. 330.
- 42 Указанные кое-где и скобках сведения о времени основания отдельных населенных пунктов заимствованы в основном из книги Д.И. Исмаил-Заде "Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX — начало XX в." М., 1982; см. также Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913.
- 43 Из числа населенных пунктов, в которых стали жить приезжие, местные названия сохранили всего лишь несколько: Адлер (от абхазского фамильного имени Арыдба), Бамбора, Гудаута (с 1897 г. населенный пункт городского типа), Дранда и некоторые другие. Колонисты не только "беспощадно вырубали леса", но и "уничтожали прежние географические имена, и скоро Абхазия неузнаваемая будет...", — писал К.Д. Мачавариани в своем "Путеводителе..." (с. 153,346). Так, ничем не оправданная замена и ликвидация абхазских названий и вообще бесконечная топонимическая чехарда в Абхазии, принявшая широкий размах в период бериевщины, берет свое начало еще во второй половине XIX в., причем она была связана с политикой сначала русификации, а потом грузинизации края.
- 44 И.Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1899. с. 245.
- 45 Атара Армянская, Арагич и Лабра в Очамчирском районе, ряд армянских селений на территории современного Гульрипшского района, Эшера Армянская в Сухумском районе, Анухва Армянская, Мцара, Кавакрук (совр. Агараки) в Гудаутском районе и др.
- 46 Большое греческое селение Михайловка, на месте бывшей абхазской общины Гума, с. Ольгинское северо-восточнее Сухуми и др.
- 47 Эстонка юго-восточнее Сухуми, на месте абхазского Даупкыт, или Дапукыт, на правом берегу нижнего течения Кодора, Сальме в верховьях Псоу и др.
- 48 Поселки немецких колонистов Гнаденберг, Линдау и Найдорф были созданы в окрестностях Сухуми в 1879 г. (Г.А. Дзидзария. Махаджирство... с. 430).
- 49 "Кавказ", 1866, N76.
- 50 Нелегкая судьба занесла их сюда. Вот что ответил старый адзюбжинский негр Ширин Абаш на вопрос о том, как они попали в Абхазию: "Еще в прошлом веке один купец, приобретая большую партию негров-рабов, привез их в Стамбул, вскоре они были подарены русскому царю. Но в Петербурге мои соотечественники от непривычного климата стали болеть и умирать. Оставшихся в живых, среди которых был и мой прадед, царица подарила, как дарят котят, одному вельможе, имевшему поместье на теплом берегу Черного моря" ("Счастье старого негра" — "Заря Востока", 17 августа 1958 г.).
- 52 Мегрелидзе Ш. Грузия в русско-турецкой войне 1877-1879 гг. Батуми, 1955, с. 63.
- 53 Ган Ф.К. Указ. соч.
- 54 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905, с. 244-253.
- 55 Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1967, с. 24.
- 56 В 1959 году средняя плотность населения Абхазии доходила до 47 человек на 1 кв. км., а в курортных зонах почти до уровня наиболее развитых стран Европы, где в 1977 г. на 1 кв. км. проживало до 64 человека.
- 57 В 1770 году капитан Языков писал о "первой" крепости на Черном море Аку /абхазское название Сухума/, "в которой турецкий гарнизон и все обыватели турки" /Цит. по И.Г. Антелава, указ. соч., с. 114.

Вместо заключения

Безответственные утверждения некоторых авторов вроде того, например, что "племя апсуа" спустилось с гор "каких-то полтора столетия назад и нагло присвоило имя истинных абхазов-грузин" (1), являются по форме и содержанию грубейшим искажением истории абхазского народа и, конечно, не имеют ничего общего с наукой и абсолютно не соответствуют исторической действительности.

Абхазы сами себя называют "апсуа". Абхазы и апсуа, — это, конечно же, один и тот же народ, испокон веков проживающий на своей традиционной этнической территории у северо-восточного побережья Черного моря. Они являются прямыми наследниками многократно упоминаемых в античных и средневековых источниках апсиллов (в этом имени явно слышится самоназвание абхазов), абазгов и других древнеабхазских племен и народностей — создателей значительной для своего времени феодальной монархии под названием Абхазского царства — со столицей на первых порах в Анакопии, у современного Нов.Афона /середина VIII — конец X вв./.

XIX столетие оказалось одним из сложнейших и неоднозначных периодов многовековой истории многострадальной Абхазии, веком небывалых этнополитических и социальных потрясений и испытаний для абхазского народа. Это было связано с такими крупными событиями, как присоединение Абхазии к России, отрицательно воспринятое туркофильскими элементами страны; кровавые военные действия на ее территории в связи с покорением "непослушных" жителей, Кавказской, Крымской и Русско-турецкой войнами; упразднение Абхазского княжества и ссылка его владетеля; национально-освободительное вооруженное выступление 1866 года; насильственное выселение чуть ли не большинства коренных жителей в султанскую Турцию /махад-

=====

137

=====

жирство/ со всеми его трагическими последствиями, поставившими абхазский народ перед реальной угрозой его полной физической дегенерации; широкомасштабная колонизация края, в корне изменившая его этническую карту; миграционные процессы и связанная с ними ассимиляция значительной части абхазов и др.

Если до середины 60-х годов прошлого века Абхазия в целом оставалась мононациональной, этнически еще мало потревоженной страной, в границах между р. Хоста и Ингури, Главным Кавказским хребтом и Черным морем, иными словами между "черкесским" / убыхским / и картвельским / мегрельским, сванским/ "племенными мирами", то в результате первой /1864 г./ и, особенно, второй / 1877 г./ крупнейших махаджирских переселенческих волн произошло резкое сокращение абхазского населения на его исконной родине. Исчезли с лица абхазской земли и ее северо-западных окрестностей целые народности, этнографические и локальные группы и общества - убыхи / связующее этническое звено между адыгами и абхазами /, садзы, или джигеты / между Бзыбью и р.Хоста/, многолюдные объединения на р.Мдзымта — ахчипсуйцы, айбговцы, медовеевцы (2), псхувцы в верховьях Бзыби; фактически не стало многих бзыбских и абжуйских общин, почти полностью /за исключением с.Эшера/ выселились жители Центральной Абхазии, в том числе неукротимые "племена" Цебельды и Дала, опустевшие земли которого были заняты сванами, и др. Из района Псху ушли на север и последние абазинские семьи (3), причем и северо-кавказских абазин не миновала, как и других горцев, махаджирская трагедия. Имея в виду опустошение и разорение Абхазии,

=====

138

=====

акад. Н.Я. Марр горечью начертал известные уже нам слова: "...ни души абхазской, ни звука абхазского."

Активное этническое взаимодействие, которое в течение веков имело место в пределах крайней северо-западной части исторической Абхазии между абхазами /садзы и др./, абазинами, убыхами и отдельными приморскими адыгейскими группами, искусственным образом было прервано вследствие поголовного выселения основных субъектов указанных взаимоотношений /убыхи, садзы и др./

Другую картину мы наблюдаем в юго-восточной контактной зоне, то есть в Самурзакане /название происходит, как мы уже знаем, от имени абхазского князя Мурзакана Шервашидзе, правившего тут с 1761 года/. Здесь также происходила непосредственная встреча и взаимодействие двух "племенных миров", их языков и культур — абхазского и картвельского /мегрельского и, отчасти, сванского/. Такие взаимодействия происходили здесь издавна, а со второй половины XIX в. приобрели наиболее интенсивный характер. Следует иметь в виду, что это взаимодействие совершалось в области, которой махаджирство коснулось несоизмеримо слабее, но на фоне общего предельного истощения физических и моральных сил всего абхазского народа, связанного с махаджирской катастрофой, в условиях слишком неблагоприятной для него политической и демографической обстановки, когда он к тому же еще был объявлен царизмом "виновным населением".

Важнейшими факторами этнического развития Самурзакана являлись миграционные процессы — массовые переселения жителей Западной Грузии, главным образом мегрельских крестьян в Абхазию, преимущественно в Самурзакан, происходившие с разной степенью интенсивности в течение многих десятилетий. Это не было передвижением населения из одной части Мегрелии в другую — такие миграции не имели бы каких-либо последствий в этнокультурном отношении. Не было у них и стремления перебраться куда-нибудь на восток, в глубь грузинских земель. Перед нами явно выраженное тяготение к переселению именно в Абхазию, как в страну со своеобразным социально-экономическим и политическим устройством. Как пишет Л.Т. Соловьева, стимулом миграций в Абхазию были разные причины социально-экономического характера: классовая борьба /прежде всего самовольный уход крестьян от одного феодала к другому/, нехватка пригодных для возделывания земель, продажа крепостных крестьян,

=====

139

=====

кровная месть, стихийные бедствия /эпидемии, голод, неурожаи/, относительный избыток народонаселения и др (4). В Абхазии же имелось немало свободных земель и, как сказано в одном описании, они были "вдвое плодороднее", а крепостное право существовало здесь в очень смягченной форме. Особое значение для адаптации беглых крестьян имел необычайно важный в общественной жизни абхазов институт асасства — абхазский обычай гостеприимства /асас по-абхазски "гость"/, согласно которому каждая община и каждый человек могли принять любого гостя, никого не спрашивая, и оказывать ему помощь и содействие, вплоть до наделения землей и защиты его жизни. Вместе с тем и абхазские помещики сами были заинтересованы в привлечении арендаторов, поскольку местные крестьяне презирали наемный труд. Так миграции увеличивали из года в год процент мегрельского населения в каждой самурзаканской общине /селились в основном на расчищенных ими от леса участках/, что сопровождалось соответствующими изменениями во всей этнической (отчасти и экологической) ситуации региона.

Так, если еще в 70-х годах XIX в. исследователи отмечали некоторые остаточные явления прежнего расширения сферы влияния абхазского языка /по свидетельству лингвиста А.

Цагарели, писавшего в 1877 году, знание абхазского языка было распространено в некоторой степени среди мужчин в ряде селений и левобережья Ингури — Пураши, Этцери, Джвари, Пахулани, Ганарджиашму-хури, Коки, Хетуш-Мухури/ (5), то к концу века ситуация меняется, что в немалой степени было связано с общим ослаблением позиций абхазской культуры, хотя еще долго продолжалось ее влияние в различных сферах общественной и духовной жизни. Например, о многом, прежде всего о глубоких корнях абхазской традиционной культуры в Самурзакане говорит и такая, казалось бы, незначительная деталь этнографического быта, как сохранение абхазским языком своих существенных функций в столь важной и консервативной области, как культовая практика, засвидетельствованная еще в конце

=====

140

=====

XIX в. рядом авторов (6). Так, молитву в честь всевышнего (абх. Хыхьикоу, мегр. Жини) мог произносить только старик, владевший абхазским языком, по-абхазски же обращались к своим богам и при обрядах вызывания дождя, во время проведения фамильно-родовых и других религиозных ритуалов и церемонной и т.д.

Языковая ситуация прошла здесь несколько переходных этапов, прежде чем перейти в новое качественное состояние. Это был сложный процесс смены абхазского языка мегрельским, растянувшийся на многие десятилетия. Начинался он в пограничных с Мегрелией селениях, близ устья Ингури, позднее стал ощущаться в общинах, прилегающих к абжуйским абхазским деревням /Бедия, Чхортоли/, промежуточное положение занимала центральная часть района /Окуми, Гали/. Так, по словам Е. Ковалевского, в 60-х годах из четырех Самурзаканских участков в двух — Окумском и Бедийском — жители говорили "чисто по-абхазски", а в двух других — Набакевском и Саберийском — уже "больше по-мингрельски" (7). Отмечая неравномерное распространение мегрельского языка, известный немецкий филолог Г. Шухардт также указывал, что в последней четверти XIX в. в Бедийском, Окумском, Гальском обществах слышалась преимущественно абхазская речь, тогда как в Саберии, Отобайе, Дихазургах говорили по большей части по-мегрельски (8).

Однако и после того, как абхазскому языку пришлось делить свое преобладание с другим языком, он оставался еще некоторое время престижным не только в культовой практике, но и в общественных местах у мужчин, особенно среди представителей высшего сословия: его называли "языком моды" /Д. Кипиани/, которым еще недавно щеголяли князья и дворяне/ А. Цагарели/. Но к исходу столетия, в новых условиях на первое место все более выдвигается мегрельский.

Этому предшествовал довольно длительный период времени, когда среди значительной части самурзаканских жителей

=====

141

=====

наблюдалось неравномерное абхазо-мегрельское двуязычие. Уже в 30-х годах на побережье, где побывал Фр. Дюбуа, "говорили как на том, так и на другом языке" (9). В 1877 году, как писал А. Цагарели, между Галидзгой и Ингури "одинаково господствовали" оба языка. С двуязычием были связаны и частично приведенные выше топонимы в двух вариантах — абхазском и мегрельском. Тот же Г. Шухардт, который специально изучал географию и статистику картвельских языков, сообщал, что в 1890-е годы примерно из четырех тысяч самурзаканских семей около половины считали абхазский язык родным, а по И. Кипшидзе в начале XX в. период двуязычия уже "почти

завершился".

Таким образом, от абхазского в основном одноязычия через абхазо-мегрельское двуязычие к мегрельскому в основном одноязычию — таков непростой путь развития языковой ситуации в Самурзакане на протяжении XIX-нач. XX столетий.

Материалы "самурзаканского феномена" служат ярким доказательством "важнейшего значения языкового фактора", его "решающего значения для осознания своей этнической принадлежности" (10). При этом, однако, следует иметь в виду, что смена языка и самосознания далеко не всегда совпадают друг с другом (11). Не об этом ли свидетельствует, в частности, и то обстоятельство, что в Самурзакане, где уже "в течение XIX в. постепенно утвердилось преобладание мегрельского языка" (12), в 1925 году, по словам В.А. Гурко-Кряжина, "четыре села потребовали устройства школ с преподаванием на абхазском и русском языках" (13). Если даже можно говорить о том, что "видимо, отчасти у населения Самурзакано оформилось и особое, территориальное, самосознание" (14) и получил эпизодическое употребление термин "самурзаканцы" в качестве несостоявшегося все-таки этнонима, то это, пожалуй, мало что решает. Во всяком случае, в середине 20-х годов XX

=====

142

=====

в., то есть по истечении нескольких десятков лет после "утверждения" мегрельского преобладания, значительная часть местного самурзаканского населения активно добивалась открытия абхазской национальной школы, что говорит о многом с интересующей нас точки зрения.

Конечно, отрицать полностью этнически смешанный характер населения Самурзакана не только в XIX в., но и в более ранние периоды времени не приходится, особенно в отношении сравнительно узкой прибрежной полосы. Об этом уже говорилось в основной части настоящей работы, причем даже с допущением возможности определенного двуязычия в отдельных микрорайонах. Но все дело в том, какое количественное и этнотерриториальное содержание вкладывать в термин "смешанное", о какой степени смешения и о каких категориях населения может идти речь. Одно дело ограниченное число торговцев, служителей культа и т.п., а другое — масса пахарей, пастухов, морских пиратов, охотников и воинов, а также князей и дворян с их окружением и пр. Для периода ранее XIX в. мы можем говорить, вероятно, о наличии довольно скромных островных групп мегрельских поселенцев в таких, например, пунктах, как Анаклия, Гудава, Илори, Бедия /которая была в свое время центром Бедийского политического образования — т.н. Сабедиано/ и др. В противном случае, то есть если бы, как полагают некоторые исследователи, "по крайней мере с XVIII века" (15) население всего Самурзакана было смешанным в значительных масштабах, то, учитывая миграционные процессы, контаминация абхазо-мегрельских этнических признаков и вообще полная ассимиляция абхазов была бы всецело завершившимся фактом задолго еще до рубежа XIX — XX вв.

По мнению З.В. Анчабадзе, постоянное мегрельское население в пределах Южной Абхазии появляется только к середине II тыс. н.э., когда "мегрельские феодалы отторгли от Абхазии значительную территорию и с течением времени часть ее /вплоть до р. Кодори/ сумели даже этнически освоить." В другом месте он пишет, что именно в этот период /XIV — XV вв./ "районы исторической Абхазии, расположенные между Галидзгой и Кодори, в их приморской и предгорной

=====

143

=====

частях, стали интенсивно заселяться мегрельскими элементами, ассимилировавшими ту часть абхазского населения, которая здесь оставалась" (16). Иными словами, по З.В. Анчабадзе, территория между Галидзгой и Кодором — область исторической Абхазии, и только с XIV — XV вв. часть ее стала заселяться мегрелами, ассимилировавшими не все, а все-таки только часть коренного абхазского населения, которая и дальше продолжала тут проживать.

Турецкая агрессия, особенно упомянутое выше опустошительное нашествие 1440 года повлекли за собой серьезные этно-демографические изменения в Абхазии, преимущественно в южной ее части. Видимо, с этого времени начинается переселение значительных групп абхазоязычного населения на Северный Кавказ. Вскоре после этого князя Бедиани, воспользовавшись ослаблением Абхазии, относительно прочнее обосновались в этом крае. Началась, а вернее продолжилась длительная борьба абхазских феодалов за возвращение отнятых земель. Эта борьба для абхазской стороны осложнялась тем, что Мегрелия постоянно получала помощь со стороны грузинских царей. После каждой значительной победы абхазов, в Западной Грузии появлялись грузинские войска и отвоеванные земли вновь передавались официально Дадияни-Бедиели. Пограничные же области Абжуа и Самурзакан, особенно последняя, стали, таким образом, постоянным яблоком раздора между двумя соседними княжествами с неоднократными передвижениями политических границ. Наконец, во второй половине XVII в. абхазским князьям Шервашидзе удалось завершить эту борьбу как бы абхазским вариантом испанской реконквисты, — возвращением утраченных ими ранее исконных земель.

В связи с упомянутым здесь переселением абхазоязычного населения из Южной Абхазии на север, следует обратить внимание на некоторые самурзаканские фамилии, представленные у абазин, например, Абсава — Апсов, Гагида — Гаги, Дзигуа — Дзугов, Туква /с. Чубурхинджи/ — Тугов /Туков/, Хубуа — Хубиев, Цеквава — Цеков /Цеква/, Чхотуа — Чкатуев и др., а абазинская фамилия Сид (Сид-ипа), отсюда Сидовы, так же находит свою параллель в самурзаканском названии местность Сида. По мнению М.С. Тхайцухова, из

====
144
=====

рукописи которого в основном заимствованы эти примеры, наличие таких фамильных и топонимических параллелей объясняется, по-видимому, тем, что некогда какая-то часть нынешних абазин проживала на территории современного Гальского района, а оттуда /возможно, в связи с разгромом абхазов-апсильских потомков турками в 1440 году/ по перевальным путям ушла на Северный Кавказ. При этом следует иметь в виду и то, что фонетическая система абазинского языка, особенно ашхарского диалекта, ближе к южно-абхазским диалектам, чем к североабхазским/ в нем отсутствуют специфические бзыбские звуки./ В целом, однако, абазинские, как об этом уже говорилось выше, обитали в прошлом в смежных местах северо-западной части исторической Абхазии, например, аул Хуажв-Ду населен в основном выходцами из Псху /Дзыбовцы и др./.

Вот каким сложным является не новый уже вопрос этнического самосознания самурзаканцев. Даже для такого авторитетного автора, как Ф. Торнау, оказалось "трудным определить, какого именно происхождения народ, населяющий Самурзакан и говорящий частью абхазским, частью мингрельским языком", хотя в другом месте, как мы знаем, он же подчеркивал, что "настоящая граница Абхазии начиналась на правом берегу Ингура" (17). /Заметим в скобках, что Торнау, как и громадное большинство других ученых и путешественников, писавших об Абхазии, в частности о Самурзакане, фиксировали в основном только то, что сами видели или слышали от других на побережье, вдоль которого они проезжали, совершенно не заглядывая в предгорные и горные области, где языковая и прочая ситуация была в значительной степени иной, например, в отношении

оронимов, а названия гор, как и крупных рек, отличаются, как известно, редкой долговечностью, устойчиво сохраняясь без существенных изменений и после смены населения и языка на данной территории/. По М. Селезневу, в 1830-х годах "самурзаканцы считали себя абхазцами и именно поэтому отказывались подчиняться власти мег-

=====

145

=====

рельского владетеля" (18), а Е. Ковалевский несколько позднее подчеркивал еще сильнее: "Жители Самурзакана настоящие абхазцы. Они совершенно сходны между собой по типичным наружным признакам, по нравам, обычаям и по языку" (19). Д. Кипиани склонен был выделить их в самостоятельную этнографическую группу, считая, что они и не мегрелы, и не абхазы, "а просто себе самурзаканцы" (20). Сухумская сословно-поземельная комиссия, работавшая, как известно, во второй половине XIX в. и состоявшая из лучших знатоков края, "настаивала" на абхазской этнической принадлежности самурзаканцев.

Смена языка, происшедшая, как указывалось, в результате длительной /в течение не одного столетия/ и непрерывной все возрастающей иммиграции мегрелов, относительной легкости их языка / если следовать теории такого лингвиста, как Бодуэн де Куртэнэ/, и других причин, среди которых не последнее место занимало отсутствие у абхазов письменности, явилась решающим фактором соответствующего изменения также и в области этнического самосознания, хотя, при всей его нечеткости и противоречивости, самурзаканцы всегда сохраняли живое ощущение своей неразрывной органической историко-политической и культурной связи с остальной Абхазией.

Известный абхазский ученый и общественный деятель С.П. Басария, говоря об отношении самого самурзаканского народа к противоестественным попыткам "отторжения" их от Абхазии, писал, что в 1918 году меньшевистское правительство Грузии присоединило Самурзакан к Кутаисской губернии. Абхазский Народный Совет предоставил самому самурзаканскому населению реагировать на эту акцию по своему усмотрению. Все сознательные самурзаканцы, за редчайшим исключением, "говорили, что самурзаканцы — абхазы, а потому территориальное и культурное отторжение их от всей Абхазии находили величайшей несправедливостью", попросту "элементарных прав абхазской нации". Через два месяца-

=====

146

=====

ца правительство меньшевиков вынуждено было вернуть Самурзакан в "родное русло" (21).

Мы подошли к концу нашего исследования. Но тема, как это обычно бывает, далеко не исчерпана. Будем, однако, коллегиальны, а главное — придерживаться фактов и документальных текстов. Без них любые смелые выводы, — а тем более такие одиозные, как "апсуа и абхазы суть разные названия разных народов, сравнительно недавно ставших соседями" (22), — не имеют ничего общего с наукой.

И еще одно замечание. По тем или иным вопросам, затронутым в этой книге, могут быть разные мнения. Автор, естественно, предлагает свое видение прошлого, свой взгляд на проблему. Ее дальнейшее всестороннее объективное изучение в свете новых материалов и гипотез является, несомненно, важной и актуальной задачей научного абхазоведения. При

этом вся наша работа должна опираться на любовь к истине. А любовь, по словам апостола Павла, "не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла" (23).

====

147

====

Примечания

- 1 "Известия", 1991, N 75; "Советская культура", 18 мая 1991 г.
- 2 Согласно русскому Словарю конца XVIII в., существовала абхазская княжеская фамилия Мудавия, по-абхазски Мдавей /МдаЮЭ/. В Словаре написано, что представитель этой фамилии назначался турками пашой с резиденцией в Сухуми, что однако требует дополнительного подтверждения /"Новый и полный географический Словарь Российского государства ..." М., 1788, с.3/.
- 3 Имеются сведения о значительно более раннем переселении на север и некоторых других абхазских групп. Так, по преданиям, адыгейское племя бжедугов — абхазского происхождения и проживало некогда в Бзыбском ущелье, затем перебралось к истокам р.Белой, а оттуда часть из них — в Туапсинскую долину. В одном из вариантов предания говорится и о том, что абадзехи, обосновавшиеся в верховьях Тубе, также вышли из Абхазии. (А.И.Дьячков-Тарасов. Абадзехи...ЗКОИРГО, Тифлис, 1902, кн.22,вып.4, с.11,12).
- 4 Соловьева Л.Т. Указ. соч., с. 45 и др.
- 5 Цагарели А. Мингрельские этюды..., с. VII.
- 6 Альбов Н. Указ. соч., с. 305, 324; Мачавариани К. Религиозное состояние Абхазии. - КГВ, 1889, с. 14.
- 7 Ковалевский Е. Очерки этнографии Кавказа. - ВЕ, т. III, СПб, 1867, с. 109-111.
- 8 Шухардт Г. О географии и статистике картвельских /южнокавказских/ языков. — СМОМПК, в. 26, Тифлис, 1899, с. 74.
- 9 Фр. Дюбуа. Указ. соч., с. 163.
- 10 Кипшидзе И. Грамматика мингрельского языка. СПб., 1914, с. XVII.
- 11 Соловьева Л.Т. Языковые процессы в этноконтактной зоне /по материалам Юго-Восточной Абхазии./. — "Проблемы изучения традиций в культуре народов мира", М., 1990, с. 15.
- 12 Там же, с. 13.
- 13 Там же. с. 10.
- 14 Гурко-Кряжин В.А. Абхазия. М., 1925. с. 13.
- 15 Соловьева Л.Т. Указ. соч., с. 13, 14.
- 16 Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976, с. 66, 67.
- 17 Торнау Ф.Ф. Указ.соч., с. 18, 19; Дзидзария Г.А. Торнау Ф.Ф. М., 1976, с. 119.
- 18 Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847, с. 185.
- 19 Ковалевский Е. Указ. соч., с. 109-111.
- 20 Кипиани Д. Еще по поводу статьи N 54 "Московских ведомостей. - "Кавказ", 1865, N 83.
- 21 Басария СП. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. Сухум, 1923, с. 103.
- 22 Ониани А. Абхазия и Западная Грузия по языковым данным. - "Народное образование", 7 января 1990 года.
- 23 "Новый завет и псалтырь", с. 42.